

А. С. Лаппо-Данилевский

Очерк
русской дипломатики
частных актов

„Очеркъ русской дипломатики частныхъ актовъ“ составилъ изъ тѣхъ лекцій, которыя покойный А. С. Лаппо-Данилевскій читалъ въ октябрѣ-ноябрѣ 1918 г. на Архивныхъ курсахъ при Археологическомъ Институтѣ въ Петроградѣ. Принявъ тогда же сдѣланное ему предложеніе напечатать упомянутыя лекціи, А. С. въ послѣдующіе мѣсяцы приступилъ къ подготовкѣ ихъ для печати, но успѣлъ до своей болѣзни, а отчасти и во время ея въ январѣ 1919 г. въ значительной степени подготовить лишь ту часть „Очерка“, которая напечатана ниже на страницахъ 3—66; остальная часть не подвергалась тщательной авторской обработкѣ и издается почти въ томъ видѣ, какой она имѣетъ въ первоначальной редакціи; опущены лишь наброски критическихъ замѣчаній А. С. по поводу статьи С. А. Шумакова о грамотахъ и записяхъ, помѣщенной въ четвертомъ выпускѣ „Обзора грамотъ Коллегіи Экономіи“ (ср. с. 80), и такія же замѣчанія по поводу акта, напечатаннаго на с. 117. Въ немногихъ случаяхъ для связи текста пришлось, однако, дополнить его отдѣльными словами, поставленными въ ломаные скобки; въ нѣсколькихъ случаяхъ явныя описки исправлены мною.

Что касается примѣчаній, то большинство изъ нихъ вывѣрено и дополнено мною необходимыми библиографическими указаніями; на стр. 89 прибавлена ссылка на статью В. К. Трутовскаго о „рядной Тѣшатѣ“.

Принятые мною сокращенія при ссылкахъ на общеизвѣстные сборники актовъ не требуютъ, кажется, поясненій; цитируемый нерѣдко „Сборн. грам. Коллегіи Экономіи“, т. I, есть тотъ сборникъ грамотъ Коллегіи Экономіи по Двинскому уѣзду, который былъ начатъ печатаніемъ Академіей Наукъ по иниціативѣ А. С. и при его жизни доведенъ до листа 43-го. Отсутствующее въ рукописи „оглавленіе“ составлено мною.

А. Андреевъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Время, которое мы переживаемъ, не особенно располагаетъ къ отвлеченнымъ научнымъ занятіямъ, но оно возлагаетъ на насъ весьма серьезныя обязанности: для тѣхъ изъ насъ, которые дорожатъ культурой, онѣ состоятъ прежде всего въ томъ, чтобы соблюсти и развить ея начала въ нашей жизни.

Одной изъ такихъ обязанностей, къ исполненію которой всѣ мы, историки и архивисты, спеціально призваны, является сохраненіе многовѣкового нашего культурнаго наслѣдія, запечатлѣннаго въ архивныхъ документахъ. Архивные документы включаютъ, главнымъ образомъ, публичные и частные акты; а потому нѣсколько лекцій, посвященныхъ выясненію научнаго значенія не только публичныхъ, но и частныхъ актовъ, принциповъ и методовъ ихъ изученія, задачъ и приемовъ ихъ храненія и т. п., можетъ быть, не покажутся вамъ излишними.

Никто изъ васъ, вѣроятно, не сомнѣвается въ значеніи публичныхъ актовъ; но въ вашей средѣ могутъ найтись скептики, которые усумнятся въ томъ, есть ли достаточное основаніе настаивать на научной цѣнности частныхъ актовъ, стоитъ ли историку подробно останавливаться на изученіи какихъ-либо духовныхъ и данныхъ, служилыхъ кабалъ и жилыхъ записей, купчихъ и закладныхъ и т. п., и нужно ли

всемѣрно заботиться о ихъ храненіи и регистраціи, описаніи и изданіи и т. п.

Во избѣжаніе недоразумѣній, которыя могутъ возникнуть на почвѣ такихъ сомнѣній, я попытаюсь предварительно объяснить вамъ, въ чемъ именно состоитъ ученіе объ историческихъ источникахъ и въ какомъ отношеніи оно находится къ той его отрасли, которая называется дипломатикой, а также укажу вамъ на ея русскіе источники и пособия, въ особенности примѣнительно къ частнымъ актамъ. Вслѣдъ за тѣмъ я перейду къ краткому изложенію тѣхъ основныхъ частей дипломатики, которыя мнѣ казалось бы желательнымъ различать, а именно: документальнаго источниковѣдѣнія и документальнаго построенія актовъ. Документальное источниковѣдѣніе изслѣдуетъ ихъ въ качествѣ источниковъ, подлежащихъ интерпретаціи и критикѣ; документальное построеніе разсматриваетъ ихъ въ качествѣ явленій, нуждающихся въ анализѣ и синтезѣ. Принципы и методы обѣихъ частей получаютъ, конечно, болѣе или менѣе широкое примѣненіе къ изученію всякаго рода документальныхъ матеріаловъ, въ томъ числѣ и къ тѣмъ частнымъ актамъ, которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ русской исторіи. Въ заключеніе я позволю себѣ, на основаніи вышеизложенной характеристики, обратить ваше вниманіе на научное значеніе частныхъ актовъ для пониманія нашей исторической дѣйствительности и тѣмъ самымъ надѣюсь оправдать передъ вами цѣлесообразность того краткаго курса по русской дипломатикѣ частныхъ актовъ, который я намѣренъ предложить вамъ въ теченіе ближайшихъ нашихъ совмѣстныхъ занятій.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Общее понятіе о дипломатикѣ и ея положеніи въ русской исторической наукѣ.

Вообще, принципы и методы изученія историческихъ источниковъ, разумѣется, прилагаются и къ тѣмъ изъ нихъ, которые называются документами и актами; безъ нѣкоторыхъ предварительныхъ разъясненій нельзя, однако, приступить къ работамъ подобнаго рода: они подготовятъ насъ къ болѣе правильному пониманію той отрасли историческаго знанія, которая получила наименованіе „дипломатики“, и помогутъ намъ разобраться въ ея источникахъ и пособіяхъ, главнымъ образомъ, тѣхъ, которые относятся къ русской исторіи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Предметъ дипломатики: изученіе документовъ и актовъ.

§ 1. Понятіе о документѣ и объ актѣ.

Въ многообразномъ составѣ историческаго матеріала, отображающаго психическую дѣятельность человѣка, можно различать два основныхъ вида источниковъ: смотря по тому значенію, какое они имѣютъ для познанія исторической дѣйствительности, такіе источники соотвѣтственно называются историческими остатками и преданіями¹⁾.

¹⁾ Въ новѣйшей французской литературѣ выраженіе „историческій источникъ“ иногда замѣняется терминомъ „документъ“ (document), причемъ подѣ

Въ самомъ дѣлѣ, съ познавательной точки зрѣнія легко придти къ заключенію, что историкъ можетъ изучать факты двоякимъ образомъ: или черезъ посредство собственнаго воспріятія остатковъ того именно факта, который его интересуетъ; или черезъ посредство результатовъ чужихъ воспріятій даннаго факта, реализованныхъ въ тѣхъ или иныхъ формахъ и такимъ образомъ доступныхъ его собственному изученію. Съ такой познавательно-исторической точки зрѣнія, значитъ, нужно различать два основныхъ вида источниковъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда историкъ можетъ смотрѣть на источникъ, какъ на остатокъ изучаемаго имъ историческаго факта, онъ получаетъ возможность непосредственно заключить по нему о томъ, что и фактъ, остатокъ котораго доступенъ его изслѣдованію, дѣйствительно существовалъ; такого рода источники я буду называть историческими остатками. Въ тѣхъ случаяхъ, когда историкъ усматриваетъ въ источникѣ только преданіе объ историческомъ фактѣ, а не его остатокъ, онъ еще не можетъ, однако, непосредственно заключить по нему о томъ, что и фактъ, извѣстный ему лишь черезъ посредство чужого о немъ показанія, сохранившагося въ источникѣ, дѣйствительно существовалъ; слѣдовательно, прежде чѣмъ утверждать дѣйствительность его существованія, историкъ долженъ установить, на какомъ основаніи и въ какой мѣрѣ онъ можетъ довѣрять преданію о фактѣ; такого рода источники я буду называть историческими преданіями.

Итакъ, съ познавательной точки зрѣнія, принимая во вниманіе степень близости познающаго субъекта, т. е. историка, къ объекту его изученія или степень непосредственности

„документомъ“ разумѣютъ „слѣды человѣческихъ мыслей и дѣйствій“; такіе слѣды могутъ быть „непосредственными“ (вещественными) и „посредственными“ (письменными); см., напримѣръ, *Ch. V. Langlois et Ch. Seignobos, Introduction aux études historiques, Par. 1898, p. 1. Ch. Seignobos, La méthode historique appliquée aux sciences sociales, Par. 1901, pp. 17—19.* Едва ли желательно, однако, пользоваться такимъ чрезмерно широкимъ словоупотребленіемъ: одинъ изъ выше-названныхъ авторовъ самъ замѣчаетъ, что термину „документъ“ часто придаютъ болѣе узкое значеніе „писанія“; см. *Ch. Seignobos, Op. cit., pp. 19, 43.*

его знанія о такомъ историческомъ фактѣ, можно установить два основныхъ вида источниковъ: историческіе остатки и историческія преданія.

Нельзя смѣшивать ту познавательную точку зрѣнія, которая лежитъ въ основѣ только что указаннаго дѣленія, съ реалистической: послѣдняя ведетъ къ положительному различію объективно данныхъ источниковъ, что обыкновенно и дѣлается въ конкретно-историческихъ работахъ. Въ такомъ случаѣ дѣленіе историческихъ источниковъ на остатки и преданія ставится въ зависимость отъ того, что именно разумѣть подѣ объективно даннымъ историку остаткомъ или преданіемъ, и можетъ быть характеризовано слѣдующимъ образомъ.

Подѣ историческимъ остаткомъ можно разумѣть непосредственный результатъ той самой дѣятельности чловѣка, которую историкъ долженъ принимать во вниманіе при построеніи исторической дѣйствительности, включающей и означенный результатъ; такой остатокъ есть, въ сущности, часть того самаго историческаго факта, который изучается историкомъ; слѣдовательно, можно сказать, что въ случаяхъ подобнаго рода историческій фактъ какъ бы самъ о себѣ отчасти свидѣтельствуетъ передъ историкомъ. Подѣ историческимъ преданіемъ можно разумѣть отраженіе какого-нибудь историческаго факта въ источникѣ; послѣдній не остатокъ даннаго факта, а результатъ того впечатлѣнія, которое онъ произвелъ на автора преданія, реализовавшаго его въ данномъ матеріальномъ образѣ. Иными словами говоря, остатокъ есть слѣдствіе причинъ, въ совокупности съ другими вызвавшихъ тотъ самый фактъ, который изучается; преданіе же есть послѣдствіе этого факта: фактъ влияетъ на данную личность; подѣ его впечатлѣніемъ она запоминаетъ его или оцѣниваетъ его въ преданіи¹⁾.

Въ видѣ примѣра можно привести хотя бы слѣдующій: колонна дорійскаго храма въ Олимпіи есть часть того самаго факта, который насъ интересуеть, и, слѣдовательно, является

¹⁾ А. Лаппо-Данилевскій, *Методологія исторіи*, С.-Пб. 1913 г., в. II, сс. 385—387.

историческимъ остаткомъ; описаніе того же храма, сохранившееся у Павзанія, напротивъ, есть только послѣдствіе этого факта и оказывается историческимъ преданіемъ о немъ. Возьмемъ другой примѣръ, почерпнутый изъ нашей отечественной исторіографіи: извѣстный договоръ 945 года, заключенный между царемъ Романомъ и княземъ Игоремъ, начинающійся словами: „мы отъ рода Рускаго послы и госте: Иворъ, посоль Игоревъ великаго князя Рускаго...“ и т. д., — историческій остатокъ, такъ какъ является результатомъ тѣхъ именно отношеній между русскими и греками, которыя мы въ данный моментъ изучаемъ; рассказъ лѣтописи о мирѣ между царемъ Романомъ и княземъ Игоремъ, о прибытіи въ 945 г. греческихъ пословъ къ великому князю русскому, о „ротѣ“ обоихъ государей и т. д., напротивъ, историческое преданіе, ибо въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ фактомъ и даже не съ частью этого факта, а съ впечатлѣніемъ, которое этотъ фактъ произвелъ на данное лицо — лѣтописца и которое отразилось въ его повѣствованіи..

Вышеуказанное дѣленіе историческихъ источниковъ перекрещивается другимъ, имѣющимъ въ виду ихъ содержаніе: можно различать источники съ фактическимъ содержаніемъ и источники съ нормативнымъ содержаніемъ, т. е. такіе, которые содержатъ показанія о фактахъ, и такіе, которые содержатъ показанія о какихъ-либо нормахъ или правилахъ: логическихъ, этическихъ, эстетическихъ, техническихъ и т. п.; къ числу источниковъ съ нормативнымъ содержаніемъ легко отнести и тѣ, которые имѣютъ правовое содержаніе. Средневѣковыя реальныя энциклопедіи представлялись, напримѣръ, сборниками правилъ касательно тѣхъ дисциплинъ, которымъ обучали въ школахъ: Satyricon Marcianus'a а Capella (изъ Кароагена, середины V вѣка) содержалъ, напримѣръ, школьныя науки тривіума (грамматику, риторику и діалектику) и квадривіума (геометрію, ариметику, астрономію и музыку, со включеніемъ поэтики). Нашъ Домострой также заключалъ въ себѣ скорѣе правила о томъ, каковы должны быть отношенія между

мужемъ и женой, между родителями и дѣтьми, а также прочими домочадцами и слугами, какъ содержать свое хозяйство и вести себя въ общественной жизни и т. п., чѣмъ изображеніе дѣйствительно существовавшего въ то время семейнаго и общественнаго быта.

Систематически пользуясь вышеуказанными критеріями дѣленія историческихъ источниковъ по ихъ познавательному значенію и по ихъ содержанию, разумѣется, часто смѣшиваемыхъ на практикѣ, легко придти и къ болѣе точному пониманію тѣхъ изъ нихъ, которые называются документами.

Вообще, принимая во вниманіе дѣленіе историческихъ источниковъ на остатки и преданія, можно въ самомъ широкомъ смыслѣ разумѣть подѣ документомъ историческій остатокъ, обозначающій соотвѣтственное его содержаніе преимущественно въ письменной формѣ¹⁾, хотя въ древнѣйшее время далеко не всякое правоотношеніе получало такое именно выраженіе и часто укрѣплялось лишь какимъ-либо символическимъ дѣйствіемъ, напримѣръ, клятвою, рукобитіемъ и т. п., однако, самое понятіе о документѣ обыкновенно связывалось съ его письменной формой. Такое пониманіе отражалось въ старинномъ нашемъ словоупотребленіи: уже съ древнѣйшаго времени у насъ употребляли, въ сущности, одвозначущее съ терминомъ документъ слово „грамота“,

¹⁾ Въ нѣмецкой литературѣ терминъ „Urkunde“ употребляется въ болѣе широкомъ смыслѣ; онъ обозначаетъ всякій матеріальный предметъ, служащій для показанія или свидѣтельствованія о чемъ либо, причемъ, однако, значительно суживается въ его примѣненіи къ „правовой жизни“; съ такой точки зрѣнія подѣ понятіе „Urkunde“ подводятъ, напр., межевые знаки, таможенные пломбы и т. п., а подѣ понятіе о „подлогѣ документовъ“ и поддѣлку этихъ предметовъ, что сохранилось до позднѣйшаго времени въ словоупотребленіи нѣкоторыхъ нѣмецкихъ уголовныхъ кодексовъ. Впрочемъ, терминологія подобнаго рода стала довольно рѣдкой, и подѣ словомъ „Urkunde“ теперь чаще всего разумѣютъ писанный документъ; см. *F. Rietsch, Handbuch der Urkundenwissenschaft, 2 Aufl. Berlin, 1904, SS. 1—6.* Въ англійской литературѣ „record“ уже употребляется въ послѣднемъ смыслѣ и, въ особенности, примѣняется къ актамъ; см. еще ниже с. 15. Матеріальные предметы, свидѣтельствующіе о правовомъ значеніи даннаго дѣйствія, можно называть описательно, напр., знаками удостовѣренія (печати) и т. п.

которое явно указывает на письменную его форму (*γραμμάτιον* — черта); та же связь сохранилась и в терминологии позднейшего времени¹⁾.

В самом деле термин „грамота“ мог обозначать самые разнообразные документальные источники, например, письма, деловые бумаги, акты, имеющие правовое значение, и т. п.²⁾.

Вообще, называя письменные остатки культуры „документами“, мы часто причисляем к ним письма и т. п.; мы говорим, например, в таком смысле о письмах Цицерона к Аттику или о письмах Ивана Грозного к князю А. Курбскому и т. п. В древнем нашем быту для тех же целей пользовались словом: „грамота“. Старинные наши формулярики содержат, например, образцы „грамоток“, т. е. писем к разным лицам: к отцу, к матери и к другим членам семьи, к должностным лицам и т. п.³⁾. Аналогичное словоупотребление встречается и в отдельных памятниках: князь Владимир Мономах сообщает, например, Олегу Святославичу в 1096 году: „написах ти грамоту, аще ю примеша с добромъ, ли с

¹⁾ В некоторых местностях Московского государства, вместо термина „грамота“ (в широком смысле), употребляли термин „письмо“, хотя, впрочем, такое название для обозначения архивных документов встречается „очень редко“. В смѣтной книгѣ города Торонца 7150 г. напр., значится: „въ житницѣ — писмо въ сундукѣ и въ коробьяхъ: государевы грамоты и отписки розныхъ годовъ и судные и всякіе дѣла“; или в смѣтной книгѣ Великихъ Лукъ 7189 г. замѣчено, что „письма старыя прежнихъ воеводъ“ перенесены были изъ приказной избы на гостинный дворъ; см. *Н. Оглоблинъ*. Провинціальныя архивы въ XVII в., въ Сборникѣ статей по Архивовѣдѣнію, изд. подъ ред. И. Зубарева. С.-Пб. 1910, т. I, ч. I, сс. 123—124.

²⁾ По опредѣленію нашей Академіи Наукъ, документъ — „это письменный актъ, служащій доказательствомъ или свидѣтельствомъ чего-либо; деловая бумага, относящаяся къ канцелярскому производству“; см. *Словарь русскаго языка*, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ. С.-П. 1895 г., т. I, с. 1088. Опредѣленіе это не совсѣмъ удовлетворительно, такъ какъ въ немъ отождествляются термины: „документъ“ и „актъ“, которые, однако, не совпадаютъ. Объ обязанности письменной формы для важнѣйшихъ частныхъ актовъ см. ниже.

³⁾ Старинныя „формулярики“, сообщенныя *Н. Колачевымъ*, въ *Лѣт. зан. Археогр. Ком.* С.-Пб. 1862 г., вып. I, сс. 34—49.

поруганьемъ, свое-же оузрю на твоёмъ писаньи“; въ одномъ изъ старѣйшихъ Златоуструевъ мы читаемъ: „Павель примаше и посылаше всюдоу грамоты“ (*γράμματα*, *litteras*); въ повѣсти Кирилла Туровскаго къ Василию, игумену Печерскому: „а о немъ-же, господине, прислалъ ми еси грамоту“ и т. п. Грамотами назывались также письма съ нѣскольکو болѣе офиціознымъ содержаніемъ; такова, на примѣръ, „милостивая грамота“ царя Алексѣя Михайловича Вологодскому архіепископу Симону 1671 года, въ которой онъ обращается къ архіепископу со слѣдующими словами:

„писалъ ты къ намъ, великому государю, что послалъ про нашъ великого государя обиходъ сосудъ рыжиковъ вологодскихъ, за своею печатью; и мы, великій государь, указали тѣ рыжики принять, а тебя, богомольца нашего, за то милостиво похваляемъ; писанъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ нашихъ царскихъ палатахъ, лѣта 7179 марта въ 8 день“¹⁾.

Кромѣ писемъ, къ документамъ или грамотамъ можно причислить и публичные и частныя акты.

Понятіе о документѣ въ вышеуказанномъ широкомъ смыслѣ получаетъ уже нѣкоторую дальнѣйшую квалификацію, если связывать его съ извѣстнымъ содержаніемъ, въ особенности дѣловымъ. Въ такомъ смыслѣ документомъ называется, на примѣръ, бумага, касающаяся фактической дѣятельности какого-либо учрежденія или лица. Сюда можно отнести, на примѣръ, дѣловыя письма, росписи и описи имущества и тому подобные документы, никѣмъ не засвидѣтельствованные; таковы, на примѣръ, письмо архіепископа Вологодскаго Маркелла думному дворянину Ивану Аванасьевичу Гавреневу съ увѣдомленіемъ о покупкѣ, по его порученію, соли и объ отправкѣ ея въ Москву, 1653 года; „роспись архіепископскихъ селъ Стефановскаго, Григорьевскаго, Цыбоева, что въ которомъ селѣ высеяно въ поляхъ овса и ячменя и пше-

¹⁾ Доп. къ А. И., т. VI, № 27. Ср. М. Курдюмовъ, Описание коллекцій П. И. Савваитова, въ Лѣтоп. зан. Археогр. Ком., в. 27 (1915 г.), №№ 960 и 1007.

ницы“, при посельскихъ старцахъ Антоніѣ и Аѳанасіѣ, 1685 года; извѣстная опись книгамъ Спасской бібліотеки 1690 года и т. п. ¹⁾).

Въ менѣе широкомъ и болѣе опредѣленномъ смыслѣ подѣ документомъ слѣдуетъ разумѣть историческій остатокъ съ нормативнымъ, въ особенноти съ правовымъ содержаніемъ, при чемъ оно облекается обыкновенно въ закрѣпляющую его письменную форму. Такой нормативный характеръ обнаруживается, напримѣръ, въ особаго рода документахъ, называемыхъ „прощальными грамотами“: хотя онѣ и составлялись духовными лицами на случай смерти и выражали какъ бы послѣднюю ихъ волю, однако, ихъ нельзя причислить къ актамъ, извѣстнымъ подѣ наименованіемъ духовныхъ: „прощальныя грамоты“ или „завѣты“ состоятъ изъ нравственныхъ наставленій, преподанныхъ духовными лицами своей паствѣ и, въ сущности, не содержатъ никакихъ имущественныхъ распоряженій; таковы, напримѣръ, прощальныя грамоты митрополитовъ Кипріяна 1406 г., Юны 1461 г. и т. п. ²⁾).

Нормативный характеръ проявляется еще яснѣе въ документахъ съ правовымъ содержаніемъ. Таково, напримѣръ, „письмо князя Дмитрія Петровича Львова архіепископу Вологодскому и Великопермскому Маркеллу 1653 года, съ препровожденіемъ тридцати червонцевъ на поминъ души дяди его, князя Алексѣя Михайловича Львова, и родителей его и съ просьбою дозволить ему, князю Дмитрію, невозбранно ходить въ церковь на Московскомъ архіерейскомъ подворьи“ ³⁾. Вышеприведенное письмо, какъ видно, довольно близко подходит къ вкладной, хотя и не имѣетъ ея формальнаго вида.

¹⁾ А. Ю. Б., т. III, № 320. М. Курдюмовъ, Опис. коллекціи П. И. Саввантова, въ Лѣтоп. зан. Археогр. Ком., в. 27 (1915 г.), № 351.

²⁾ А. Ю. № 428. А. Ю. Б., т. I, № 83. П. С. Р. Л., т. XXI, с. 441. Библиогр. Лѣтоп., в. III, с. 167. I. Вирюжскій, Историческія сказанія о жизни святыхъ, подвизавшихся въ Вологодской епархіи, Вологда 1880 г., сс. 385—386: „завѣтъ“ преподобнаго Пиннокентія Комельскаго († 1521 г. марта 19).

³⁾ М. Курдюмовъ, Описаніе коллекціи П. И. Саввантова, въ Лѣтоп. зан. Археогр. Ком., в. 27 (1915 г.), № 294.

Въ виду того, что терминъ „документъ“ можетъ имѣть нѣсколько разнообразныхъ значеній, приходится или каждый разъ оговаривать то изъ нихъ, которое придается ему въ данномъ случаѣ, или, подвергнувъ его дальнѣйшей квалификаціи, пользоваться другимъ болѣе опредѣленнымъ терминомъ для ея обозначенія. Такое ограниченіе легко сдѣлать, если принять во вниманіе лишь тотъ видъ документовъ, которые имѣютъ правовое значеніе: документы или „грамоты“ съ правозначущимъ содержаніемъ, т. е. такіе, которые облакаютъ извѣстное правоотношеніе — правительственное постановленіе или юридическую сдѣлку — въ письменную форму, можно называть актами въ широкомъ смыслѣ. Сюда относятся даже памятники законодательства, въ родѣ, напримѣръ, Новгородской судной „грамоты“, Псковской судной „грамоты“ и т. п., и, во всякомъ случаѣ, болѣе спеціальныя виды актовъ, извѣстныхъ подъ наименованіемъ: жалованныхъ, тарханскихъ, несудимыхъ, правыхъ или же купчихъ, мѣновныхъ, рядныхъ, духовныхъ¹⁾ и т. п.

§ 2. *Акты съ освѣдомительнымъ и акты съ удостовѣрительнымъ характеромъ.*

Въ составѣ актовъ слѣдуетъ различать акты съ декларативнымъ или освѣдомительнымъ характеромъ и акты съ конститутивнымъ или удостовѣрительнымъ характеромъ.

Актъ съ освѣдомительнымъ характеромъ имѣетъ меньшее правовое значеніе, чѣмъ актъ съ удостовѣрительнымъ характеромъ. Актъ съ освѣдомительнымъ характеромъ служитъ, главнымъ образомъ, для показанія о состоявшемся правоотношеніи; онъ пишется для запечатлѣнія въ памяти тѣхъ дѣйствій или событій, которыя породили его. Актъ съ удостовѣрительнымъ характеромъ, напротивъ, является основаніемъ для признанія правоотношенія состоявшимся; онъ пишется

¹⁾ А. Э., т. I, № 92 (ст. 41). Псковская Судная Грамота, изд. Археогр. Ком. СПб. 1914, с. 1.

для закрѣпленія тѣхъ элементовъ или условій, изъ которыхъ оно состоитъ. Въ самомъ дѣлѣ, актъ съ освѣдомительнымъ характеромъ есть письменное показаніе о такомъ правоотношеніи, которое уже произошло въ дѣйствительности и совершеніе котораго онъ долженъ, въ случаѣ нужды, обнаружить, облегчивъ его доказательство черезъ посредство опроса и присяги свидѣтелей того, что приходило, и составителей акта, если они упомянуты въ немъ. Актъ съ удостовѣрительнымъ характеромъ, напротивъ, есть письменное свидѣтельство, на основаніи котораго правоотношеніе устанавливается во всей полнотѣ его юридическаго значенія и безъ котораго оно не можетъ быть признано дѣйствительнымъ. Въ связи съ указаннымъ различіемъ актъ съ освѣдомительнымъ характеромъ получаетъ обыкновенно иную форму, чѣмъ актъ съ удостовѣрительнымъ характеромъ: тѣснѣе связанный съ бытомъ, чѣмъ съ правомъ, актъ съ освѣдомительнымъ характеромъ составляется въ болѣе свободной формѣ, чѣмъ актъ съ удостовѣрительнымъ характеромъ; послѣдній, напротивъ, требуетъ возможно болѣе точной и строгой формулировки. Естественно, что при такихъ условіяхъ актъ, смотря по принадлежности его къ тому, а не иному виду, особенно частный, играетъ различную роль и въ судебномъ процессѣ: актъ съ освѣдомительнымъ характеромъ, будучи не удостовѣреннымъ, можетъ быть пригоднымъ для судебного разбирательства, но не въ качествѣ судебного доказательства; актъ съ удостовѣрительнымъ характеромъ, напротивъ, имѣетъ юридическую силу и становится, съ теченіемъ времени, важнѣйшимъ судебнымъ доказательствомъ¹⁾.

¹⁾ *I. Ficker*, Beiträge zur Urkundenlehre, Innsbruck 1877, Bd. 1, SS. 60-63, 226-266, 340-345. *O. Posse*, Die Lehre von Privaturkunden, Lpz. 1887, SS. 66-75, 82-84; вообще, слѣдуя примѣру Зиккеля (*Acta reg. et imp. Karol. 1, 2*), авторъ придаетъ термину „Urkunde“ значеніе, аналогичное съ тѣмъ, какое у насъ приписывается термину „актъ“, и, наоборотъ, сближаетъ актъ съ *potitia* (см. ниже). Жири, напротивъ, признаетъ терминъ актъ „наиболѣе всеобъемлющимъ изъ тѣхъ, которые можно употреблять для обозначенія совокупности дипломатическихъ источниковъ“; см. *A. Giry*, Manuel de diplomatique, Par. 1894. p. 10; но такое словоупотребленіе едва-ли соотвѣтствуетъ тому, которое принимаютъ, напримѣръ,

Въ западно-европейской дипломатикѣ подобное различіе проводилось, впрочемъ, не безъ нѣкоторыхъ колебаній и отразилось въ болѣе или менѣе устойчивой терминологіи: освѣдомительный актъ извѣстенъ былъ подѣ наименованіемъ „notitia“, „notice“ или „memoratorium“ (Beweisurkunde), удостовѣрительный актъ—подѣ наименованіемъ „carta“ (charte, Geschäftsurkunde), хотя значеніе такихъ терминовъ не всегда было одинаковымъ, и различіе между ними оставалось довольно текучимъ ¹⁾.

Въ нашей старинной дѣловой практикѣ нѣкоторое различіе между освѣдомительнымъ актомъ и удостовѣрительнымъ актомъ, вѣроятно, намекающее на послѣдовательное развитіе ихъ во времени, также обнаружилось, по крайней мѣрѣ, отчасти, хотя соотвѣтствующая ему терминологія далеко еще не установилась.

Впрочемъ, освѣдомительный актъ часто назывался, подобно средневѣковой „notitia“ — „memoratorium“ — „памятью“.

Въ приказномъ дѣлопроизводствѣ, по крайней мѣрѣ позднѣйшаго времени, „память“ отличалась, на примѣръ, отъ „указа“: въ 1677 году „великій государь указалъ изъ Розряду во всѣ приказы, гдѣ по его великаго государя указу сидятъ думные люди, въ памятьхъ писать къ нимъ указомъ, а памятьми къ нимъ ни къ кому не писать“ ²⁾.

составители „Французскихъ Пандектъ“, говоря объ „actes authentiques“, „actes de l'état civil“, „actes notariés“ и т. п.; см. *Pandectes françaises de M. Rivière et R. Fremont*, Par. 1886, t. 1, pp. 483, 552, 647. Англійское выраженіе „act“ обыкновенно служитъ для означенія декрета, исходящаго отъ какого-либо законодательнаго учрежденія, парламента и т. п. Вышеупотребляемые термины: „актъ съ освѣдомительнымъ характеромъ“ и „актъ съ удостовѣрительнымъ характеромъ“ указываютъ лишь на характерный признакъ каждаго изъ видовъ, что не исключаетъ нѣкотораго смѣшенія ихъ въ дѣйствительности; ниже тѣ же виды называются сокращенно: освѣдомительными и удостовѣрительными актами.

¹⁾ *H. Brunner*, *Carta und Notitia*, вѣ *Festgabe für Mommsen*, Berl. 1877. Ср. его же, *Zur Rechtsgeschichte der römischen und germanischen Urkunden*, Berl. 1880, Bd. I, SS. 8-17, 211-244.

²⁾ Ц. С. З., т. II, № 677 (1677 г. февраля 23). Г. Шумаковъ пришелъ къ заключенію, что „память“—одинъ изъ „прихотливѣйшихъ и неустойчивѣйшихъ древнерусскихъ юридическихъ терминовъ“, но самъ онъ отмѣчаетъ, по крайней мѣрѣ для частной памяти, весьма существенные признаки, на которые будеть указано ниже; см. *С. Шумаковъ*, *Обзоръ грам. Кол. Эков.*, в. IV, с. 1.

Освѣдомительный характеръ „памяти“ въ области публичнаго права, дѣйствительно, обнаруживался иногда довольно наглядно. Присутственные мѣста сносились между собой по поводу тѣхъ или иныхъ состоявшихся указовъ или распоряженій правительства при помощи „памятей“: государевы указы и боярскіе приговоры, на примѣръ, вносились въ указныя книги нерѣдко по „памятямъ“, которыя дьяки присылали въ соотвѣтствующіе приказы. Одинъ изъ иностранцевъ, посѣтившихъ Москву въ серединѣ 1650-хъ годовъ, рассказываетъ, на примѣръ, что царю „докладываютъ всѣ прошенія (челобитчиковъ), читая ихъ передъ нимъ“: „на какихъ пожелаетъ, онъ [?] дѣлаетъ надпись, чтобы было исполнено“; челобитныя передаются въ особый приказъ, куда челобитчики явятся справиться о нихъ; если на челобитной „сдѣлана надпись объ исполненіи, то онъ идетъ съ нею къ визирю въ Посольскій приказъ и подаетъ ее ему, и тотъ, сдѣлавъ на ней надпись, передаетъ одному изъ секретарей, который пишетъ по ней память, т. е. записку государственному казначею, чтобы онъ выдалъ тому человѣку то-то, согласно приказанію царя, съ обозначеніемъ года, мѣсяца и числа“¹⁾.

Такой же порядокъ соблюдался и относительно царскихъ указовъ: по случаю „состоятельнаго 208 года указу“ о писаніи крѣпостей, на примѣръ, велѣно было „о состояніи того нашего великаго государя указу послать памяти и съ статей списки во всѣ приказы и Ратушу...“²⁾. Аналогичная формула установилась и для сношеній присутственныхъ мѣстъ или органовъ правительственной власти между собою. „Наказныя памяти“ XVII вѣка обыкновенно начинались словами: „по государеву цареву и великаго князя указу память“ такому то должностному лицу объ исполненіи того-то, причемъ

¹⁾ *Павелъ Алеутскій*, Путешествіе патриарха Макарія въ Россію, пер. Г. Муркоса, въ Чг. М. О. И. и Др. 1898 г., кн. IV, сс. 142-143. Если понимать приведенное извѣстіе въ томъ смыслѣ, что самъ царь писалъ свои резолюціи на челобитныхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ видѣ общаго правила, оно невѣрно; возможно, что здѣсь рѣчь идетъ о докладчикѣ.

²⁾ П. С. З., т. IV, № 1833.

иногда дополнительно дѣлалась ссылка и на „приказъ“ воеводы, напиримѣрь: „лѣта 7143 мая 29 день, по государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Руссиі указу и по приказу [соликамскаго] воеводы Захарья Григорьевича Шишкина память въ Ужгинской погостъ земскимъ людемъ, судейкѣ Поспѣлкѣ Васильеву съ товарищи“ предписываетъ имъ „сыскать“ Микитку Агаѳонова, знающаго, гдѣ въ Ужгинскомъ уѣздѣ „Чюцкіе люди дѣлывали оловянную руду“ и водится краска, и послать его туда вмѣстѣ съ двумя посадскими людьми „для государева дѣла“ и т. п. ¹⁾ Такимъ же характеромъ отличались и тѣ подписанныя дьяками „приставныя памяти“, которыя, въ видѣ предварительнаго увѣдомленія судьи о вчинаніи иска, подавались истцами за своими руками и по которымъ пристава сыскивали отвѣтчиковъ, давали ихъ на поруки и къ суду срочили ихъ безволонитно; напиримѣрь, „память приставу“ о датѣ ему на поруки Якова Еропкина въ насильственномъ владѣніи и пользованіи землей Ѳедора Микулаева, конца XVII вѣка и др. ²⁾ Въ видѣ „памятей“, наконецъ, могли составляться и „цравыя“, напиримѣрь, та, которая была выдана земскимъ судьей Алексѣемъ Самойловымъ Подвинской чети Селецкой волости церковному старостѣ Богдану Травникову и всѣмъ крестьянамъ, 1654 года; она сообщала о томъ, что

„по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Руссиі указу и по грамотѣ и по другой

¹⁾ Уложение, X, 142; XVIII, 46 и др. А. Ю. № № 351-352, 354-357. А. Ю. Б., т. II, № № 230 XI; 233. А. И., т. III, № № 232, 236. А. Г. Р., т. II, № 115, с. 31. Р. И. Б., т. XII, ст. 571. Наказныя памяти получали иногда характеръ инструкцій; см. Уложение, XXI, 4; ср. А. Ю. № 336; Р. И. Б., т. XIV, ст. 41 233, 327. Памяти по разнымъ дѣламъ см. въ А. Ю. № 347.

²⁾ Уложение, X, 100, 137, 139 и др. А. Ю. № № 55, 56. А. Ю. Б., т. II, № 235. Ср. Г. Котонинъ, О Россіи, VII, 37-40. Значеніе „довъжей памяти“ (ср. Уложение, X, 120 и 141) выясняется хотя-бы изъ слѣдующаго текста: „и по ихъ де испову челобитью и съ приказу Большого Дворца посыланъ по наказу отъ мѣста подъячей для досмотру порченыхъ гранныхъ признакъ и досмотру своего довъжую память онъ, подъячей, за руками околныхъ людей и за своею рукою въ приказѣ Большого Дворца подаль“. См. А. Г. Р., т. II, № 177, ст. 727. Р. И. Б., т. XII, ст. 707; ср. еще Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 76, ст. 79.

святителской грамотѣ, земской четвертной судья Алексѣй Самойловъ отвель, по прежней государевѣ грамотѣ блаженные памяти государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи и по воеводцкой отводной памяти воеводы Степана Стрешнева да Еуѳимья Филатова, и по пынѣшней государевѣ грамотѣ и по святителской [т. е. патріарха Никона] нарейку Островки, Анятокъ тоже [взятую въ тягло себѣ крестьяниномъ той же чети Заостровской волости Васкою Зыковымъ], отвель и велѣлъ владѣть въ церкви Ильи пророка причетникомъ попережнему..., а Васкѣ Зыкову въ той землѣ отказалъ владѣть и вступатца не велѣлъ“.

Эта „правая память“ была написана, какъ видно, по состоявшемуся, на основаніи царскихъ и святительскихъ грамотъ, отводѣ спорной земли, занятой Ваской Зыковымъ, прежнему ея владѣльцу—церкви Ильи пророка ¹⁾.

Въ области частнаго права актъ съ освѣдомительнымъ характеромъ также отличался отъ акта съ удостовѣрительнымъ характеромъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, впрочемъ, далеко не всегда ясно установленныхъ.

Въ древней нашей письменности уже существовали, напри- мѣръ, термины: „доска“ и „память“, подъ которыми могли скрываться и освѣдомительные акты.

Въ самомъ дѣлѣ, термину „доска“ (дѣска, *pínax*, *tabula*), кромѣ буквального смысла, придавали еще и другіе, которые позволяютъ сближать ее съ документомъ. Въ средніе вѣка обычай писать на досчатыхъ (или рѣже изъ слоновой кости) табличкахъ, покрытыхъ слоемъ воска, былъ очень распространеннымъ и продолжалъ переживать даже въ позднѣйшее время: онѣ преимущественно служили для временныхъ замѣтокъ, въ особенности для записыванія счетовъ. Въ такомъ же смыслѣ тотъ же терминъ употреблялся и въ нашей древней пись-

¹⁾ А. Ю. Б., т. II, № 234. Можно было вылавать память въ приѣмъ другой памяти, о чемъ см. тамъ-же, т. II, № 236. Въ XVIII вѣкѣ вмѣсто термина „память“ стали употреблять соотвѣтствующій ей терминъ „промеморія“; ср. Записку о сношеніяхъ правительственныхъ мѣстъ, въ Гос. Арх. XVI, 170, п. 2.

менности, хотя-бы, напимѣрь, въ Кормчей книгѣ 1100 года, которая при изложеніи правилъ Трульскаго вселенскаго собора упоминаетъ о „писанныхъ на дѣскахъ“ (*ἐν πίναξιν, in tabulis*); Никифоръ, митрополитъ кievскій, въ своемъ посланіи къ Володимеру Всеволодовичу, говоря о Моисеѣ, писалъ: „сшедъ съ горы, яже пошаше дѣски законныя (т. е. скрижали завѣта), съкроуши“ и т. п. Далѣе, терминъ „доска“ употреблялся также въ смыслѣ: „писаніе“, „напись“, что видно, напимѣрь, изъ слѣдующихъ выраженій въ Патерикѣ Синайскомъ XI вѣка: „обрѣтохомъ-же на немъ и дѣски написаны тако: оумброхъ азъ“ (*πτοχία γεγραμμένα οὕτως, chartam inscriptam*); или въ выпискахъ Ѳеодора Студита изъ Кормчей XIII вѣка: „иже обрящется въ доскахъ написано ино что книжно и лексиконъ и къ брату написаніе какому, развѣ ему-же учится стихерамъ или сѣдилнамъ, да отлучится три дня“. Наконецъ, подъ доскою разумѣли иногда и письменный документъ: въ Новгородской лѣтописи по Синодальному списку мы читаемъ, напимѣрь, подъ 6717 годомъ, при описаніи расправы, учиненной новгородцами надъ посадникомъ Дмитріемъ и его братьей: „А Мпрошкинъ дворъ и Дмитровъ зажьгоша, а житіи ихъ поимаша, а села ихъ распродаша и челядь, а скровища ихъ изискаша и поимаша бещисла, а избытъбъ роздѣлиша..., а что на дѣщкахъ, а то князю оставиша“; и ниже: „тѣгда даша посадьничество Твѣрдиславу Михалковицю, и даша дѣщкы Дмитровы Святославу: а бѣше на нихъ (въ спискѣ Археографической Комиссіи XV вѣка прибавлено: „писано“) бещисла“. Въ Суздальской лѣтописи тѣ же событія подъ тѣмъ же годомъ разсказаны слѣдующимъ образомъ: „И дворъ его и села пограбиша, а что ся на дѣскахъ остало въ писъмѣ, а то все князю“; и „приде въ недѣлю мясопустную, и даша князю дѣскы Дмитровы, а бѣше на нихъ богатества бещъ числа“¹⁾.

¹⁾ W. Wattenbach, Das Schriftwesen in Mittelalter, 2 Aufl, SS. 44-74. И. Срезневскій, Матеріалы, т. I, ст. 761-762. Авторъ „Матеріаловъ“ оставилъ безъ вниманія текстъ изъ Новгородской лѣтописи по Синодальному списку; см. изд. Археогр. Ком., С.-Пб. 1888 г., с. 191. Юсіѳъ Волоколамскій въ X главѣ своего

Итакъ, можно думать, что въ старину терминомъ „доска“ означали также „писаніе“ или документъ, который могъ имѣть характеръ и освѣдительнаго акта.

Уже въ древности, наряду съ терминомъ „доска“, стали употреблять другое выраженіе, получившее довольно широкое распространеніе въ позднѣйшее время; въ переводѣ одного изъ словъ Григорія Назіанзина, по списку XI вѣка, греческій терминъ „ὑπόμνημα“ передается словомъ „память“, въ смыслѣ „напоминанія“ о чемъ-либо; то же выраженіе могло означать и записку для памяти, что видно хотя-бы изъ слѣдующаго текста твореній Кирилла Туровскаго XII вѣка: „да не забѣе ихъ запрети, понеже лѣта и мѣсяци, и времена, и дни, и часы, и праздници съ памятью имуть неписаны, съгрѣшихомъ когда“¹⁾. Позднѣе терминъ „память“ получилъ нѣкоторое примѣненіе и для означенія актовъ съ освѣдительнымъ характеромъ.

Впрочемъ, въ старинномъ нашемъ законодательствѣ акты съ освѣдительнымъ характеромъ, вѣроятно, причислялись къ домашнимъ актамъ, которые противопоставались актамъ, публично засвидѣтельствованнымъ. Наиболѣе развитый изъ старѣйшихъ памятниковъ подобнаго рода—Псковская Судная Грамота противопоставляетъ „доску“ или актъ, повидимому, еще не облеченный въ надлежащую форму, вѣроятно, публично не засвидѣтельствованный, записи, которая, по крайней мѣрѣ, судя по одной изъ ея статей, оказывается актомъ „положеннымъ въ ларь“ Св. Троицы, т. е. публично засвидѣтельствованнымъ. Здѣсь мы читаемъ:

„А кто положитъ доску на мрътваго о зблюденъи, а иметь искати на приказниковъ того соблюденія, сребра или платія, или круты, или иного чего животнаго, а тотъ оумръшей съ поряднею, и рукописаніе оу него

Устава упоминаетъ о книгахъ, писанныхъ на берестѣ въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ. Въ Публичной Библиотекѣ, по словамъ митр. Евгенія, есть расписка XVII-XVIII в. на берестѣ (Труды Имв. Общ. Ист. и Др., ч. III, сс. 26-27). О дѣлахъ, писанныхъ на берестѣ въ Сибири, еще въ XVIII вѣкѣ (1776 г.), см. П. С. З., т. XX, № 14538. Ср. еще К. Неволинъ, Сочиненія, т. IV, с. 50.

¹⁾ И. Срезневскій, Матеріалы, т. II, ст. 871-873.

написано и въ ларь положено; ино на тыхъ приказникохъ не искати чрезъ рукописаніе, ни зсудіа безъ заклада и безъ записи, и на приказникахъ не искати ничего; а толко будетъ закладъ, или запись, ино волно искати по записи. И кто животоми владѣеть по записи, или по закладу, а оу приказниковъ умръшаго, а не будетъ заклада, ни записи оумръшаго на кого, ино имъ не искати ничегожъ, ни съ судіа, ни торговли, ни зблюденіа, ничегожъ“¹⁾).

Аналогичное противопоставленіе между „доской“ и записью Псковская Судная Грамота проводитъ и въ другихъ статьяхъ: онѣ касаются долговыхъ обязательствъ, допускаемыхъ по „доскамъ“ лишь въ размѣрѣ не болѣе рубля и, въ противномъ случаѣ, заключаемыхъ съ записью; различаетъ обязательства, принятыя на себя „изорниками“ по доскамъ и по записямъ, которыя, въ такихъ случаяхъ, однѣ только признаются судебными доказательствами, и т. п.²⁾ Въ Московской практикѣ подобное же различіе проводилось, преимущественно, между „письмомъ“ или „памятью“ и „крѣпостью“. Уложеніе, напримѣръ, противопоставляетъ „письма“ или „памяти“—„крѣпостямъ“: говоря о холопахъ, бѣжавшихъ отъ своихъ господъ, оно отказываетъ въ искѣ, основанномъ на одной только „грамоткѣ“ или на „письмѣ“, а не на кабалѣ, въ слѣдующей статьѣ:

„А которой человекъ живетъ у кого бескабально, а грамотѣ онъ умѣеть, и учнетъ тотъ человекъ во всякихъ писмахъ писатися холопомъ того человека, у кого онъ живетъ бескабально, а послѣ того онъ у того человека жити не похочеть, и отшедъ отъ него дастъ кому иному служилую кабалу, и тотъ человекъ крѣпокъ тому, кому онъ дастъ на себя кабалу. А будетъ тотъ у кого онъ жилъ бескабально до тоя кабалы учнетъ на него

¹⁾ Псковская Судная Грамота, изд. Археограф. Ком., С.-Пб. 1914, ст. 14. Ср. выраженіе „закладная доска“, тамъ же, ст. 28.

²⁾ Псковская Судная Грамота, ст. 14, 19, 30, 75, 93; ср. еще ст. 28—29; въкоторыя исключенія въ пользу торговыхъ оборотовъ—въ ст. 38; ср. ст. 103.

бити челомъ, и станеть его уличать по грамоткамъ руки его, и ему отказать, потому безъ кабалы держать не велѣно. А что онъ въ писмахъ писался холопомъ того чловѣка, у кого онъ жилъ бескабально, и тѣхъ писемъ такимъ людямъ въ крѣпости не ставить“¹⁾.

Аналогичное же различіе Уложение проводитъ, главнымъ образомъ, между „памятями“ и „крѣпостями“; впрочемъ, различіе это носить нѣсколько случайный характеръ и обнаруживается здѣсь менѣе рельефно, чѣмъ въ Псковской Судной Грамотѣ, хотя бы въ слѣдующей статьѣ:

„А вотчинные и дворовые купчіе, и закладные и даные, и иные всякіе крѣпости въ большихъ дѣлѣхъ всякихъ чиновъ, людямъ, велѣтъ на Москвѣ и въ городѣхъ писати, и въ послушѣхъ писатися, на площади площаднымъ подъячимъ. А въ селѣхъ и въ деревняхъ и по подворьямъ, такихъ крѣпостей въ большихъ дѣлѣхъ, опричь сговорныхъ свадебныхъ записей и духовныхъ и заемныхъ памятей никому не писати“²⁾.

Такое различіе отчасти проводилось не только въ законѣ, но и на практикѣ: въ гражданскомъ оборотѣ того времени можно также отмѣтить акты съ освѣдомительнымъ характеромъ, отличные отъ удостовѣрительныхъ: такой характеръ ихъ обнаруживается довольно наглядно въ нѣкоторыхъ изъ сохранившихся намъ образцовъ.

Въ одномъ изъ сборниковъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря мы встрѣчаемъ, напримѣръ, (въ спискѣ) слѣдующую „данную“, относящуюся, можетъ быть, къ XIV вѣку:

„Княжъ Федоровъ Бѣлозерскаго бояринъ былъ Семен

¹⁾ Уложение, XX, 18

²⁾ Уложение, X, 250. Уложение упоминаетъ также о другихъ крѣпостяхъ, напримѣръ, о духовныхъ и о крѣпостяхъ на холоповъ; оно говоритъ и о записяхъ: сговорныхъ и рясныхъ, жилыхъ и порядныхъ, поступныхъ и заемныхъ, поручныхъ и третейскихъ, а также мировыхъ, которыми мировая сдѣлка „укрѣпляется“; см. Уложение, XV, 1 и 2; XX, 21, 32 и 61. Въ дѣловой практикѣ того времени одинъ и тотъ же актъ назывался иногда и „памятью“ и „записью“— см. А. Ю. Б., т. I, № 112, III. Ср. еще „Сотницы, грамоты и записи“ С. Шумакова, М. 1904 г., в. III, сс. 114—116.

Баба в Чюровскихъ а тѣ пожни были того боярина Семена и у того Семена женился Иванъ Есипль с - Ырдомы и тѣ пожни даль в приданых и на того Ивана ударила бѣда и тот Иванъ тѣ пожни продалъ попу Савѣ Ирдомскому и у того попа отрода не было и его попад(ь)я Настас(ь)я велѣла тѣ пожни дати в Кирилов монастырь по своихъ душахъ“¹⁾.

Аналогичнымъ, хотя и нѣсколько болѣе опредѣленнымъ характеромъ отличается купчая Ивана Евсевіева, писанная до 1427 года, слѣдующаго содержания:

„Се яз Кирило игумен купил есмь у Иван у Евсѣвиева сна въ дом Прчстыи Бци и чстнаго Ея успенія и своеи брати и кто будет по мнѣ игумен землю Захарьиньскую со всеми оучасткы, что потянуло къ той земли, и с пожнями и куды топоръ ходил и куды коса ходила, и с наволоком с Зориньским, что на Порозовицѣ на рѣки“²⁾.

Нѣсколько болѣе развитымъ представляется намъ актъ объ отдачѣ Иваномъ Лихаревымъ Николаевскому Корельскому монастырю части сугреба розолу въ варницѣ на Великихъ мѣстахъ; приведемъ его полностью:

„Лѣта 7000 шестьдесятъ шестаго по духовной грамоте после своего живота Иванъ Есиповъ сынъ Лихарева по души по своей подписалъ в монастырь в Корельское к Николы чудотворцю в домъ на Великихъ мѣстѣхъ въ Григорьевской варницы Кологривова по Иванову письму Заболоцкаго с товарищы розолу четверть другонатцатого сугреба; а в сябрѣхъ та четверть с Терентиємъ да с Семеномъ з Григорьевыми дѣтьми Кологривова и зс Куриломъ с Орломъ и с Туоаемъ с-Ивановыми дѣтьми Дороеѣва. А тѣмъ розоломъ владѣти строителю Курьяку з братнею по духов-

¹⁾ Сборн. актовъ Кирилло - Бѣлозерскаго монастыря, рукоп С.-Пб. Духовной Академіи А 1/16 л. 313. Изъ Бѣлозерскихъ князей съ именемъ Оедора извѣстны: Оедоръ Михайловичъ (1293—1314 г.г.) и Оедоръ Романовичъ (1375—1380 г.г.).

²⁾ Д. Мейчикъ, Грамоты XIV и XV в.в. Моск. Арх. Мин. Юст., М. 1883, с. 120.

вой по Иванову. А поминати имъ Ивана да Осифа, да Дарию скимницу да Ивана“ ¹⁾).

Акты подобнаго рода, какъ видно, имѣютъ скорѣе осведомительный характеръ: во всякомъ случаѣ они могутъ быть лишены удостовѣрительной части. Дѣйствительно, большинство частныхъ „памятей“ обыкновенно писалось безъ послуховъ. Съ такой точки зрѣнія любопытны два акта, составленные однимъ и тѣмъ же лицомъ, вологжаниномъ Петромъ Александровымъ, и касающіеся одного и того же предмета, а именно, выкупа его изъ неволи, 1664 г.: одинъ изъ нихъ названъ „памятью“ и не содержитъ никакихъ указаній на послуховъ; другой именуется „записью“ и засвидѣтельствованъ двумя послухами ²⁾. Встрѣчаются и такія „памяти“, въ которыхъ нѣтъ указаній ни на писца, ни на дату, напримѣръ, „память“ Меньшого Иванова сына Лихарева объ отказѣ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь его „сестрой“ Евфимьей Андреевой дочерью Лихарева ея деревни Алашмана и пустоши Михайловской, относящаяся, судя по косвеннымъ даннымъ, приблизительно къ серединѣ XVI вѣка. Форма памяти слѣдующая: „Память Меньшому... Приказала ему сестра... отказати въ домъ... деревню... да пустошь... А пожаловати имъ написати въ сенаникъ“ такихъ-то лицъ. На оборотѣ подпись Меньшого Иванова сына Лихарева ³⁾.

Аналогичное значеніе, вѣроятно, имѣли тѣ „памяти“, которыя, въ сущности, должны были напоминать о другихъ удостовѣренныхъ актахъ. По случаю женитьбы на Настасьѣ Ѳедоровнѣ Плещеевой князь Иванъ Васильевичъ Оболенскій заключилъ, напримѣръ, съ ея матерью Аксиной Ѳедоровной рядную, въ 1514 (7022) году, и „взялъ ее къ себѣ“; въ совершеніи сдѣлки былъ, однако, заинтересованъ еще какой-то „Дмитрей“; князь Иванъ Васильевичъ велѣлъ написать „память съ рядные“ „человѣку“ Ивана Григорьевича Собакина

¹⁾ Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 155.

²⁾ Извѣстія С.-Пб. Археологическаго Общества, т. IV (1863 г.), ст. 372. С. Шумаковъ, Обзоръ, в. IV, с. 1.

³⁾ С. Шумаковъ, Обзоръ, в. II, с. 5.

„Слѣпому“ и даль „память съ рядные“ Дмитрею, присовокупивъ: „а какъ будетъ надобна [подлинная рядная?], и мнѣ ее дати Дмитрею“ ¹⁾. Впрочемъ, частныя памяти играли иногда роль предварительныхъ или дополнительныхъ актовъ. Въ видѣ примѣра приведемъ хотя бы „память“ властей Клоновскаго монастыря въ полученіи ими части вклада Петра Отуфьева, 1618 года марта 13 дня, слѣдующаго содержанія:

„Память Клоновскаго монастыря священнику Митрофану... [далѣ перечисленіе остальныхъ монастырскихъ властей] и всей братіи Клоновскаго [монастыря. Положилъ вкладомъ Пречистые Богородицы Похвалы да Николы Чюдотворцу (sic) въ Клоновской монастырь Петръ Отуфьевъ сынъ Шенкурского стану Подкіе волости сѣдло да кафтанъ за пол-третья рубли, да денегъ пол-четверта рубли, а достали донести четыре рубли. А какъ тотъ Петръ донесеть досталь, и намъ ему дати вкладная, а паметь у него выпяти. Въ томъ ему и паметь дали. А паметь писалъ манастырской дьячекъ Семейка Онисимовъ лѣта 7126 марта въ 13 день“.

На оборотѣ той же памяти значится:

„Къ сей памяти черной поць Митрофанъ и въ дѣтей своихъ духовныхъ мѣсто и въ братіи всей руку приложилъ“ ²⁾.

Память о вкладѣ здѣсь, какъ видно, противопоставляется въ качествѣ предварительнаго акта (снабженнаго уже, впрочемъ, подписью самого вкладоприимателя) вкладной, которая должна была имѣть значеніе окончательнаго удостовѣрительнаго акта.

Возьмемъ другой примѣръ, указывающій, можетъ быть, на дополнительную роль, какую могла играть память. Въ

¹⁾ Акты М. Дьяконова, в. II, № 2. Ср. еще „память з духовные грамоты“ князя Михаила Васильевича Горбатого; духовная была явлена митрополиту Данилу въ 7043 году июля 17; „память з духовные“ помѣчена 7044 годомъ; см. Владимірскій Сборникъ К. Тихонравова, сс. 128—130.

²⁾ Р. И. Б., т. XIV, ст. 323 — 324. Р. Шумаковъ указываетъ еще на то, что первоначальный набросокъ „записи“ назывался иногда памятью; см. С. Шумаковъ, Мѣна, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1906 г., ноябрь, с. 126.

одномъ изъ актовъ Гledenскаго монастыря, вѣроятно, 1630-хъ годовъ, мы читаемъ:

„Се язъ Торопѣ да Артемей порядилися есмь у Троицкихъ старцовъ на Вотложмѣ въ Заболоцкую деревню на ихъ треть, а порука по Торопѣ да по Артемѣ Микифоръ Наумовъ сынъ Тарасовыхъ да Калина Алексіевъ сынъ кузнецъ, крестьяня Вотложемскіе волости. А послухи велили ся писать: Архипъ Доментьевъ сынъ серебряникъ да Василей Митрофановъ сынъ Щеткинъ. Сію паметцу писалъ Суря Огаѣоновъ Мокрецевъ“.

Одинъ изъ новѣйшихъ извѣстныхъ ученыхъ называетъ вышеприведенный актъ порядной, причемъ самъ отмѣчаетъ „поразительную ея краткость“ и добавляетъ: „очевидно, что такая запись могла подтвердить лишь наличность договора о поселеніи, самыя условія котораго опредѣлялись словесно, согласно мѣстнымъ условіямъ“. Самъ актъ называетъ себя, однако, „паметцой“, а не порядной записью, что и объясняетъ, по крайней мѣрѣ отчасти, ея отличие отъ порядной записи, имѣвшей силу крѣпости¹⁾.

Можно указать и на такія „памяти“, которыя имѣли значеніе домашнихъ актовъ и, на примѣръ, называли себя „отписями“, т. е. росписками, что видно, на примѣръ, изъ слѣдующаго акта:

„Память мнѣ, Ивану Петрову сыну Неклюдову. Взялъ я, Иванъ, у Михайловыхъ крестьянъ Соловцова съ трехъ дымовъ, да у Исаевыхъ крестьянъ Неклюдова съ четырехъ дымовъ, да у Даниловыхъ крестьянъ Неклюдова съ дву дымовъ, государевъ запасъ рожь и сухарей, нынѣшняго 172 году, по два четверика съ дымомъ, и отвести мнѣ Ивану тотъ государевъ запасъ въ Възъму и отдать въ государеву казну. Да я жъ, Иванъ, взялъ и своихъ крестьянъ Государевъ запасъ съ трехъ

¹⁾ Р. И. Б. т. XIV, ст. 948 — 955. М. Дьяконовъ. Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси, изд. 4-ое, с. 317. „Паметца“ могла быть присоединена къ порядной 1634 года по случаю перевода всего поряда на Торопа Ворачева, въ 1639 году.

его и явockъ не бываю, и такимъ отвѣтчикомъ не вѣрить, и велѣти на нихъ по такимъ крѣпостямъ исцовы искн править и отдавать исцомъ“¹⁾).

Слѣдуетъ имѣть въ виду, однако, что различіе, проводимое между актами съ освѣдомительнымъ и актами съ удостоверяющимъ характеромъ, по крайней мѣрѣ примѣнительно къ отдѣльнымъ случаямъ, все же оставалось довольно слабо развитымъ и слишкомъ мало отразилось въ терминологіи: терминъ „память“, напримѣръ, покрывалъ собою акты разнороднаго значенія. Воеводскія наказныя и приставныя памяти назывались иногда наказами и снабжались воеводскими печатами и т. п.²⁾; памяти XVI—XVII в.в. также засвидѣтельствованы приложеніемъ печатей или рукоприкладствомъ послуховъ и т. п.; встрѣчаются указанія и на доказательную силу актовъ, именуемыхъ „памятями“: „полюбовная память“ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря и крестьянъ Козмодемьянской волости о размежеваніи земель, 1657 года, напримѣръ, была положена въ монастырскую „крѣпостную казну“ „впредь для спору“: въ случаѣ такой споръ о „земляномъ дѣлѣ“ возникнетъ, его надлежитъ „вершить по той памяти“³⁾. Естественно, что при такихъ условіяхъ частныя памяти даже назывались иногда крѣпостями; такъ, напримѣръ, крестьянинъ Ѳаддей Достоваловыхъ, по „памяти“ отдавая въ 1683 году Михаило-Архангельскому монастырю, за свой заемный кабальный долгъ, память на Дмитрія Малкова на его пожню, по которой онъ, Ѳаддей Достоваловыхъ,

¹⁾ Уложение, X, 253. Въмѣстѣ съ тѣмъ Уложение различаетъ гражданскіе искн, имѣющіе крѣпостное основаніе, отъ тѣхъ, которые такового не имѣютъ; см., напримѣръ, Уложение, XVIII, 34 и 36. Ср. *К. Кавелинъ*, Сочиненія, С.-Пб. 1900 г., т. IV, ст. 310—312. *С. Палманъ*, О судебныхъ доказательствахъ, М. 1851 г., сс. 201—208.

²⁾ Акты А. Юшкова, № 250; Уложение, XVIII, 46.

³⁾ Сборн. Кирилло-Бѣлозерскаго мон. въ С.-Пб. Дух. Акад., № А 17/17. т. 367 об.—368 об. Акты Велико-Устюжскаго Михаило-Архангельскаго монастыря, изд. *В. Шляпнинымъ*, Великій Устюгъ 1912 г., ч. I, №№ 18, 33, 35, 62, 171, 177. Впрочемъ, такіе случаи указываютъ лишь на то, что частныя памяти могли быть засвидѣтельствованы, а не на то, что онѣ, въ качествѣ таковыхъ, должны были быть удостовѣрены.

владѣль ею и, предоставляя монастырю на томъ же основаніи впредь владѣть ею вѣчно или продать, промѣнять и заложить ее безопасно, присовокупилъ: „да и свою письменную крѣпость, почему тою пожнею я, Ѡаддей, владѣль, съ сею памятью отдалъ я къ нимъ же въ Архангельскій монастырь впредь для справы“¹⁾).

§ 3. *Акты, публичные и частные.*

Нѣкоторое различіе между актами по степени ихъ правового значенія: освѣдомительнаго или удостовѣрительнаго, какъ видно, сознавалось примѣнительно къ разнымъ ихъ видамъ: и къ публичнымъ, и, въ особенности, къ частнымъ актамъ.

Такое дѣленіе, разумѣется, болѣе замѣтное относительно удостовѣрительныхъ, чѣмъ освѣдомительныхъ актовъ, находится, прежде всего, въ зависимости отъ той границы, которая проводится между публичнымъ и частнымъ правомъ. Въ виду того, что въ нижеслѣдующемъ изложеніи намъ придется имѣть дѣло преимущественно съ частными, а не съ публичными актами, намъ нельзя не коснуться здѣсь этой проблемы, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, для того, чтобы имѣть возможность изъ общей совокупности актовъ, публичныхъ и частныхъ, выдѣлить послѣдніе и сдѣлать ихъ предметомъ спеціальнаго нашего изученія. Проблему подобнаго рода можно ставить съ двойкой точки зрѣнія: догматической и исторической; недостаточно указать на общій критерій ихъ различенія; необходимо выяснить, въ какой мѣрѣ онъ, въ той или иной формѣ, дѣйствительно примѣнялся въ старинномъ русскомъ правѣ и видоизмѣнялся по мѣрѣ его развитія.

До сихъ поръ основной критерій, какого придерживаются при разграниченіи права публичнаго отъ частнаго, остается, однако, довольно спорнымъ. Не останавливаясь здѣсь на раз-

¹⁾ Акты Велико-Устюжскаго Михаило-Архангельскаго монастыря, изд. В. Шляпниковъ, ч. I, № 174.

смотрѣннн той разнообразной постановки, какой данная проблема подвергалась въ теченіе почти двухъ тысячелѣтій, достаточно замѣтить, что она должна ставиться согласно съ нормативнымъ пониманіемъ права и указать на различіе тѣхъ „заданій“, какія, въ сущности, соотвѣтственно и преимущественно характеризуютъ каждую изъ указанныхъ отраслей права, дѣйствующаго въ предѣлахъ данной цѣлостности. Задача публичнаго права состоитъ въ томъ, чтобы установить тѣ нормы, которыя регулируютъ, въ виду общаго блага единаго общественнаго цѣлаго, отношенія между общей волей и волей „всѣхъ и каждаго“ изъ его членовъ; задача частнаго права состоитъ въ томъ, чтобы установить, не нарушая такого условія, тѣ нормы, которыя регулируютъ, въ виду частной выгоды принадлежащихъ къ нему отдѣльныхъ лицъ, отношенія ихъ волеизъявленій другъ къ другу. Въ связи съ указаннымъ различіемъ между публично-правовыми и частно-правовыми нормами находится и различіе въ ихъ реализаціи: норма публичнаго права осуществляется въ порядкѣ общаго требованія, норма же частнаго права—въ порядкѣ частнаго произволенія, выражаемыхъ въ соотвѣтственныхъ дѣйствіяхъ¹⁾.

Нормативное разграниченіе основныхъ областей права часто смѣшивается съ различеніемъ ихъ по ихъ содержанію или по другому болѣе или менѣе общему производному признаку, въ особенности по способу судебной защиты. Въ самомъ дѣлѣ, представители современнаго правовѣдѣнія указываютъ, напримѣръ, на то, что цѣлью публичнаго права оказывается цѣлое или его „интересы“, а цѣлью частнаго права — отдѣльный человекъ или его „интересы“; что публичное право обнимаетъ отношенія людей, какъ членовъ одного общественнаго организма, а частное право отношенія ихъ, какъ самостоятельныхъ индивидуумовъ; что публично-правовыя отноше-

¹⁾ Предлагаемое теоретическое разграниченіе не исключаетъ, конечно, возможности смѣшенія указанныхъ признаковъ на практикѣ: въ договорѣ казна съ подрядчикомъ, напримѣръ, хотя бы казна и имѣла въ виду „общее благо“, подрядчикъ дѣйствуетъ въ виду своей выгоды, не говоря о томъ, что оба они находятся въ отношеніи контрагентовъ другъ къ другу, и т. п.

ни отличаются субординаціей или централизаціей и связанной съ нею общеобязательностью публично-правовыхъ нормъ, а частно-правовыя отношенія координаціей или децентрализаціей и связанной съ ней факультативностью частно-правовыхъ нормъ; что содержаніемъ публично-правовыхъ нормъ служатъ отношенія верховной власти къ подданнымъ, къ подчиненнымъ органамъ управления и т. п., а содержаніемъ частно-правовыхъ нормъ отношенія личныя и имущественныя; что публично-правовыя нормы ограждаются по инициативѣ власти въ порядкѣ уголовного или административнаго судопроизводства, а частно-правовыя нормы—по инициативѣ частнаго лица въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства ¹⁾).

¹⁾ *A. Thon*, Rechtsnorm und subjectives Recht, Weimar 1878, SS. 108—120. Краткое обзоріе главнѣйшихъ попытокъ разграниченія публичнаго права отъ частнаго см. также въ сочиненіяхъ *И. Юркунова*, Лекціи по общей теоріи права, изд. 9, СПб. 1914 г., сс. 167—180, а также *Л. Петражицкаго*, Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности, изд. 2, СПб. 1910 г., т. II, сс. 647—687, 712—726, и *Ө. Тараповскаго*, Учебникъ энциклопедіи права, Юрьевъ 1917 г., сс. 223—239. Несмотря на то, что со времени древне-римскихъ юристовъ протекло много столѣтій, понятіе о правѣ и о главнѣйшихъ его разновидностяхъ все еще нельзя признать окончательно установленнымъ. Высказанное Ульманомъ различіе между публичнымъ и частнымъ правомъ, смотря по тому, чью пользу оно имѣетъ въ виду — пользу ли всего государства или отдѣльныхъ лицъ, въ настоящее время уже нельзя считать общепризнаннымъ. Впрочемъ, романтисты продолжаютъ исходить изъ различенія „интереса совокупности“ отъ „интереса отдѣльныхъ лицъ“; см., напримеръ, *H. Dernburg*, Pandekten, 4 Aufl., Berl. 1894, Bd. I, §§ 46—48. Германисты указываютъ на различіе отношеній между людьми—носителями воли, какъ социальными существами, причемъ соответственно отмѣчаютъ субординацію и координацію такихъ отношеній и полагаютъ, что публичное право есть всякое право, которое касается государства, какъ цѣлаго или его членовъ, а частное право есть всякое „индивидуальное право“ и, сверхъ того, то „соціальное право“, которое не включено какимъ-либо государственно-правовымъ актомъ (Satz) въ публичное; см. *O. Gierke*, Deutsches Privatrecht, Lpz. 1895, Bd. I, SS. 28—29. Въ своемъ извѣстномъ ученіи о правѣ, какъ интересѣ, пользующемся правовою защитой, Иерингъ различалъ публичное право отъ частнаго не только по „интересу“, но и по способу его судебной защиты, производимой по инициативѣ органовъ государственной власти или частныхъ лицъ; съ такой точки зрѣнія „искъ становится критеріемъ частнаго права“; см. *R. Ihering*, Geist des römischen Rechts, 2 Aufl., Lpz. 1871, Bd. III, SS. 338—340. Топъ обосновалъ и подробнѣе развилъ теорію Иеринга, причемъ особенно выдвинулъ различіе между публичнымъ и частнымъ правомъ по способу ихъ судебной защиты; см. *A. Thon*, Op. cit., SS. 120—116; построеніе нашло под-

Старинное русское право было, конечно, еще далеко от таких тонких теоретических построений, но и въ немъ смутно сознавались нѣкоторые изъ вышеуказанныхъ критеріевъ, въ особенности тѣ, которые получали наглядное практическое приложеніе.

Въ наиболѣе развитомъ изъ старѣйшихъ памятниковъ нашего законодательства — Псковской Судной Грамотѣ, на примѣръ, право связывалось съ нормативными понятіями „правды“ или „добра“:

„А князю и посаднику, чигаемъ мы здѣсь, судити...
взирая въ правду, по крестному цѣлованію; а не въ
судять въ правду, Богъ буди имъ судіа на второмъ
пришествіи Христовѣ“.

држку со стороны *Н. Дювернуа*, Изъ курса лекцій по русскому гражданскому праву, СПб. 1895 г., введеніе, сс. 33 — 57. Признакъ субординаціи и координаціи или централизаціи и децентрализаціи юридическихъ отношеній, одновременно съ Гирке, но съ большею систематичностью былъ разработанъ въ сочиненіи *L. von Petrazzski*, *Die Lehre vom Einkommen*, Berl. 1895, Bd. II, SS. 469 ff. *А. Петражицкій*, Теорія права и государства и проч., т. II, сс. 688—712, 727—745; авторъ исходитъ изъ разсмотрѣнія „психическаго дѣйствія права“ и, въ сущности, различаетъ двѣ системы правового регулированія человѣческаго поведенія: централизованную и децентрализованную, путемъ соответствующихъ его „мотиваций“; вмѣстѣ съ тѣмъ „по различію объектныхъ представленій“ (объ „общемъ благѣ“ и о „своемъ благѣ“ и т. п.) онъ дѣлитъ „подлежащія правовыя явленія, мнѣнія, убѣжденія и подлежащія проекціи: нормы власти, права власти и т. д. на социально-служебныя или публично-правовыя и свободныя (отъ подлежащаго служенія) или частно-правовыя“. Обзорніе другихъ положеній, соответственно характеризующихъ каждую изъ различаемыхъ областей права, см. тамъ же, сс. 741—744. Ученіе *Л. Петражицкаго* объ основномъ принципѣ дѣленія права было сочувственно встрѣчено *А. Покровскимъ* въ сочиненіи: Основныя проблемы гражданского права, s. d., сс. 9—19 и т. д. Кромѣ вышеуказанныхъ главнѣйшихъ направленій, признакъ разграниченія частнаго права отъ публичнаго по субъектамъ юридическихъ отношеній, являющихся ихъ цѣлью, былъ развитъ *Иерингомъ*; см. *R. von Ihering*, *Das Zweck im Recht*, 2 Aufl., Lpz. 1884, Bd. I, S. 464. Подъ нѣкоторымъ влияніемъ *Иеринга*, Дюги пытается различать тѣ же сферы по способамъ правовой санкціи, которая прямо не примѣнима къ государству и получаетъ такое приложеніе къ отношеніямъ между частными лицами; см. *L. Duguit*, *Traité de droit constitutionnel*, Par. 1911, t. I, pp. 61—66. Различіе публичнаго права отъ частнаго, въ сущности, по содержанию было предложено уже *Д. Аустиномъ*; см. *J. Austin*, *Lectures on jurisprudence*, 4 ed., Lond. 1873, v. II, pp. 770—787.

„А которому княжому человѣку ѣхать на пригородъ намѣстникомъ, ино цѣловати ему на томъ крестѣ, что ему хотѣти Пскову добра, а судить прямо, по крестному цѣлованію. . . ¹⁾).

Уложение царя Алексѣя Михайловича также было составлено, по собственному его заявленію, для того, „чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ, отъ большаго и до меньшаго чину, судъ и росправа была во всѣхъ дѣлѣхъ всѣмъ равна“. Противоположеніе между государственнымъ и частнымъ интересомъ довольно ясно выражено въ Уложеніи примѣнительно къ частнымъ случаямъ; здѣсь „государевы дѣла“ противопоставляются тѣмъ, которыя совершаются „безъ указа“, „для собственнаго пожитка“, напримѣръ, въ слѣдующихъ статьяхъ:

„А бояромъ и окольнымъ и думнымъ людемъ сидѣти въ полагѣ и по государеву указу государевы всякія дѣла дѣлати всѣмъ вмѣстѣ“.

„А кто мыть или перевозъ или мостовщину заведеть вновь для своего пожитку своимъ вымысломъ безъ указа, и у него то все взяти на государя“ ²⁾).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Уложение въ известной мѣрѣ различаетъ такія сферы правоотношеній по способу ихъ судебной защиты: хотя оно вообще не отдѣляетъ отъ уголовныхъ дѣлъ тѣ гражданскіе иски, которые были связаны съ ними, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ предоставляет потерпѣвшему вчинять гражданскій искъ, возникшій вслѣдствіе преступленія, самостоятельно и требовать суда; во всякомъ случаѣ оно рѣзко отличаетъ гражданскіе иски, рѣшаемые вмѣстѣ съ уголовными дѣлами, отъ обыкновенныхъ гражданскихъ исковъ и признаетъ также нѣкоторое различіе между уголовнымъ и гражданскимъ судопроизводствомъ: съ такой точки зрѣнія Уложение противопоставляетъ, напримѣръ, дѣла по важнѣйшимъ уголовнымъ преступленіямъ, которыя, по инициативѣ органовъ правительственной власти и „извѣту“, подлежали

¹⁾ Псковская Судная Грамота, ст. 4, 5; ср. ст. 77.

²⁾ Уложение, Предисл.; IX, 10; X, 2 и др.

сыску, — дѣламъ „челобитчиковымъ“, которыя пачинались по жалобамъ частныхъ лицъ и, въ противоположность „сыскнымъ дѣламъ“, могли оканчиваться примиреніемъ сторонъ ¹⁾). Въ нѣкоторыхъ изъ статей Уложенія такое различіе привносится во вниманіе:

„А будетъ кто Царского Величества недругу городъ здасть измѣною, или кто Царского Величества въ города приметъ изъ иныхъ государствъ зарубежныхъ людей для измѣны же, а сыщется про то допряма, и такихъ измѣнниковъ казнить смертію же“.

„А будетъ изъ которого нибудь приказу доведется по чьему челобитію послати по ково пристава въ исцовѣ иску съ наказною памятью, и тѣ наказные памяти печатати государевою печатью, а печатныхъ пошливъ съ тѣхъ наказныхъ памятей имати по государеву указу, а безъ государевы печати наказовъ ни въ какихъ челобитчиковыхъ дѣлахъ не отпущати“ ²⁾).

Такое разграниченіе между „дѣлами государевыми“, т. е. преимущественно государственными, и „дѣлами челобитчиковыми“, т. е. преимущественно частными, стало примѣняться и на практикѣ, напримѣръ, при составленіи описей провинціальныхъ архивовъ, съѣзжихъ или приказныхъ избъ и т. п., въ особенности къ концу XVII вѣка; подъ „дѣлами государевыми“ разумѣли, обыкновенно, дѣла административныя, ратныя, финансовыя и проч.; къ „дѣламъ челобитчиковымъ“ относили „дѣла судныя“ и вообще „всякія челобитчиковы дѣла“, затрагивавшія прежде всего частныя интересы отдѣльныхъ лицъ и только косвенно касавшіяся пользы и нужды государства. Такое дѣленіе далеко еще, впрочемъ, не про-

¹⁾ Уложеніе, XXI, 23 — 25. *К. Кавелинъ*, Сочиненія, т. IV, ст. 247 — 249, 266, 269, 271, 273, 275 и др.; о случаяхъ, когда дѣла уголовныя судились судомъ гражданскимъ, а гражданскія дѣла — уголовнымъ, см. тамъ же, ст. 269 — 271. *И. Ланге*, Древнее русское уголовное судопроизводство, СПб. 1884 г., сс. 117 — 119, 134 — 135, 175 — 176. Ср. еще *В. Липовскій*, Изслѣдованіе началъ уголовного права, изложенныхъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича, Одесса 1847, сс. 3, 115, 120, 122 и др.

²⁾ Уложеніе, II, 3; XVIII, 46.

водило систематическаго развитія между актами публичными и частными, ибо къ „дѣламъ государевымъ“ причислялись и хозяйственныя, а къ „дѣламъ челобитчиковымъ“ — и уголовныя; тѣмъ не менѣе оно уже замѣтно, напримѣръ, въ описяхъ дѣлъ Новгородской приказной палаты 1669 — 1670 (7177 — 7178) г.г., Чердынской приказной избы 1672 (7180) г., Новоторжской приказной избы 1700 г. и т. п. ¹⁾.

Въ эпоху преобразованій такія понятія получили въ скоромъ теоретическое обоснованіе, главнымъ образомъ, подъ влияніемъ западно-европейскихъ ученій, и стали явѣе обнаруживаться на практикѣ.

Генеральный Регламентъ Петра Великаго уже различаетъ термны „публичный“ и „приватный“, причемъ, предлагая ихъ толкованіе, переводитъ терминъ „публичный“ словомъ „всенародный“, а терминъ „приватный“ — словомъ „частный“. Въслѣдъ съ тѣмъ, Генеральный Регламентъ и другіе законодательные акты того времени уже начинаютъ противопоставлять публичное право, имѣющее въ виду „интересъ“ или „прибытокъ и пользу“ государства, и частное право, имѣющее въ виду „интересъ“ или „прибытокъ и пользу“ частнаго лица; изображеніе судебного процесса ссылается далѣе на „естественный законъ“, согласно которому каждый имѣетъ право на самосохраненіе и на самозащиту отъ посягательствъ стороннихъ лицъ, хотя и не развиваетъ такого принципа въ его приложеніи къ понятію о собственности ²⁾.

¹⁾ *И. Ослобливъ*, Провинціальныя архивы въ XVII вѣкѣ, въ Сборникѣ, изд. И. Зубарева, т. I, ч. I, сс. 175 — 185.

²⁾ П. С. З., т. VI, № 3534; ср. А. *Ланто-Данилевскій*, Идея государства и главнѣйшіе моменты ея развитія въ Россіи со времени Смуты и до эпохи преобразованій, въ журналѣ „Голосъ Минувшаго“ 1913 г., декабрь; отд. отд., сс. 25 и слѣд. Схоластическое ученіе о „коммукативной справедливости“, регулирующей частныя отношенія людей другъ къ другу, и о „дегальной и vindикативной“ справедливости, которая лежитъ въ основѣ взаимныхъ отношеній между государемъ и подданнымъ, уже излагалось въ Кіевской Академіи въ концѣ XVII вѣка, вѣроятно, Стефаномъ Яворскимъ; но оно не имѣло широкаго распространенія, тѣмъ болѣе, что указанное въ текстѣ различеніе получило широкое признаніе; ср. тамъ же, сс. 11 — 13.

Еще яснѣе указы того времени различаютъ сферу публичнаго права отъ сферы частнаго права по производному и прикладному признаку, — а именно, по способу судебной защиты: указъ о должности фискаля, напримеръ, проводитъ различіе между „дѣлами народными“, по коимъ вѣсть челобитчиковъ, и „дѣлами челобитчиковыми“; Уставъ Военскій 1716 года и указъ о „формѣ суда“ 1723 года соответственно устанавливають разные порядки судопроизводства — уголовный и гражданскій — для рѣшенія такихъ дѣлъ ¹⁾.

Межевыя инструкціи императрицы Елизаветы Петровны и императрицы Екатерины II еще болѣе сознательно устанавливають различеніе интересовъ публичныхъ отъ частныхъ, которое съ прошлаго вѣка окончательно утверждается, хотя далеко не одинаково и все еще довольно поверхностно проводится и русскими юристами и русскимъ законодательствомъ.

Насколько плохо еще разбирались въ то время въ такихъ понятіяхъ, можно судить по руководству извѣстнаго „законоискусника“ Горюшкина, написанному подъ вліяніемъ ближайшаго его знакометва съ исторіей и догмой русскаго права проводя извѣстную границу между правомъ божественнымъ и человѣческимъ, онъ дѣлитъ послѣднее на естественное и „общественное“, причемъ въ составѣ его различалъ, сообразно съ довольно случайно установленными видами человѣческихъ обществъ (домашнимъ, сосѣдскимъ и т. д.), нѣсколько видовъ правъ, въ томъ числѣ и „государственное“; но подъ „государственнымъ“ правомъ онъ разумѣлъ и право „общее“, т. е. собственно государственное, обнимающее ученіе о государственномъ устройствѣ и государственномъ управленіи, и право особенное или гражданское, т. е. личное и имущественное; притомъ, размѣщая чуть ли не всѣ институты гражданского права въ домашнемъ, сосѣдскомъ, сельскомъ, уѣздномъ и

¹⁾ П. С. З., т. V, №№ 2786, п. 3 и 3006; т. VII, № 4344. Ср. *И. Дювернуа*, *Op. cit.*, с. 53. Позднѣе такія дѣла называли „гражданскими“; см. *Ф. Лашанъ*, *Словарь Юридической*, М. 1788, с. 29.

губернскомъ правѣ, онъ, въ сущности, ничего не оставлялъ на долю особеннаго или гражданскаго права ¹⁾).

Тѣмъ не менѣе уже Десницкій, одинъ изъ убѣжденныхъ приверженцевъ историческаго пониманія права, посвятилъ нѣсколько талантливыхъ разсужденій, касающихся предметовъ государственнаго и въ особенности гражданскаго права, а Сперанскій и Куницынъ, находившіеся подъ вліяніемъ ученія о естественномъ правѣ, выводили изъ него частное право, подлежащее охранѣ публично-правовыхъ нормъ, и съ такой точки зрѣнія подходили къ пониманію государственнаго права ²⁾).

Въ то же время Кукольникъ, придерживавшійся болѣе эмпирическаго направленія, слѣдующимъ образомъ намѣчалъ

¹⁾ З. Горюшкинъ, Руководство къ познанію російскаго законовѣдѣнія, въ 4 частяхъ, М. 1811—1816 гг., см. §§ 119, 215б, и др. Ср. Н. Коркуновъ, З. А. Горюшкинъ, Россійскій законовѣдѣлецъ, въ Журн. Мин. Ю. т. 1894—1895 г., VII; отд. отд., сс. 26 — 33.

²⁾ А. Куницынъ, Право естественное, СПб. 1818 и 1820 гг., в. I, сс. 77 — 79, в. II, с. 43: „государственное право есть наука объ отношеніяхъ между верховною властью и подданными, проистекающихъ по началамъ права изъ цѣли общественнаго соединенія“. Графъ М. Сперанскій, Руководство къ познанію законовъ, СПб. 1845 г., сс. 27 — 29, 39—40. Подъ вліяніемъ ученія объ естественномъ правѣ Сперанскій полагалъ его въ основу положительнаго права и выводилъ изъ него гражданское право, нормы котораго охраняются государственнымъ правомъ. „Законы общежительные, по его словамъ, не дѣйствительны, когда они противны законамъ естественнымъ; они по самому существу ихъ не что иное должны быть, какъ приложеніе законовъ естественныхъ, приложеніе, укрѣпленное дѣйствіемъ верховной власти, высшими наградами и понужденіями“. Съ такой же точки зрѣнія Сперанскій разсуждалъ и о законахъ гражданскихъ: „собственность лица“ или „власть человека надъ собственными его силами, какъ душевными, такъ и тѣлесными“, а также „собственность имущества“ или власть человека надъ тѣмъ, что произведено или приобретено его силами—„присвоены человеку отъ Бога, какъ естественное достояніе его разума и воли; поему начало ихъ не есть въ общежитіи, но въ общежитіи они принимаютъ видъ определенныхъ. Собственность лица здѣсь ограничивается свободою другихъ и пріемлетъ значеніе состоянія. Собственность имущества ограничивается первенствомъ содержанія и совершенною независимостью предмета и получаетъ видъ и значеніе владѣнія гражданскаго; но, стѣняясь въ пространствѣ, та и другая власть здѣсь становится достояніемъ подъ защитою верховной власти“. Въ „составѣ общежитія“ Сперанскій признавалъ необходимымъ и „установленіе верховной власти“, безъ которой „ни собственность личная, ни собственность имущества существовать не могутъ“ и которая лежитъ въ основѣ законовъ государственныхъ.

области государственнаго и гражданскаго права: „опредѣленіе отношенія гражданъ къ верховной власти и сей послѣдней къ гражданамъ; также образа, мѣръ и средствъ правленія государства; распредѣленіе политическаго состоянія государственныхъ сословій; означеніе предоставленныхъ имъ преимуществъ, политическихъ правъ и обязанностей къ государству, равно какъ и къ верховной власти и вообще опредѣленіе всего того, что относится ко всему государству, именуются публичными общими государственными, также и коренными законами“. „Опредѣленіе отношеній между самими гражданами по ихъ лицу и имуществу называются частными гражданскими законами“. Въ томъ же духѣ разсуждалъ и Вельяминовъ-Зерновъ: „политическія права, по его словамъ, опредѣляютъ отношеніе верховной власти къ подданнымъ и подданныхъ къ верховной власти“, тогда какъ отличныя отъ нихъ гражданскія права проистекають отъ взаимныхъ отношеній подданныхъ между собою ¹⁾).

Аналогичныя попытки были сдѣланы и въ нашемъ законодательствѣ. Въ „Основаніяхъ Россійскаго права, извлеченныхъ изъ существующихъ законовъ Россійской Имперіи“, изданныхъ Комиссіей составленія законовъ, мы читаемъ: „положительные законы имѣютъ два главные предмета: 1) положеніе государству; 2) положеніе гражданину. Законы, къ первому относящіеся, составляютъ право общее или государственное. Законы, ко второму принадлежащіе, составляютъ право особенное или гражданское“... „Предметъ права общаго (или государственнаго) есть установленіе и соблюденіе обрядовъ общихъ, необходимо нужныхъ для сохраненія цѣлости, добраго порядка и тишины государства“. „Право особенное или гражданское заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ узаконенія и установленія, которыя каждому гражданину, живущему съ прочими въ обще-

¹⁾ В. Кукольникъ, Россійское частное гражданское право. С.-П.Б. 1815 г. ч. 1, сс. 7—8. Авторъ былъ профессоромъ физики и сельскаго хозяйства въ С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Институтѣ и профессоромъ римскаго права въ „вышнемъ училищѣ Правовѣднія“. В. Вельяминовъ-Зерновъ, Опытъ начертанія Россійскаго частнаго гражданскаго права, С.-П.Б. 1821 г., ч. 1, сс. 44—45.

ствѣ, какъ въ разсужденіи его самого, такъ и въ разсужденіи его имѣнія и обязательствъ, приносятъ пользу и безопасность“ ¹⁾).

Составленное, конечно, подѣ ближайшимъ наблюденіемъ Сперанскаго „Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ“ уже оставляетъ прежнее дѣленіе права на „общее“ и „особенное“ и проводитъ различіе между законами государственными и гражданскими, причѣмъ вкратцѣ формулируетъ его слѣдующимъ образомъ: „Два союза, два порядка отношеній необходимы въ государствѣ: союзъ государственный и союзъ гражданскій. Союзъ государственный есть внутренній и внѣшній... Союзъ гражданскій есть или семейственный или союзъ по имуществамъ. Изъ союзовъ возникаютъ права и обязанности. Тѣ и другія опредѣляются и сохраняются законами. Отсюда два порядка законовъ: законы государственные и законы гражданскіе“ ²⁾).

Болѣе или менѣе ясное разграниченіе между публичнымъ и частнымъ правомъ, проводимое въ теоріи, обнаружилось и на практикѣ: съ эпохи преобразованій, не говоря о „законахъ, которые ни въ какое время не могутъ перемѣниться“ и „временныхъ учрежденій“, въ силу которыхъ „всѣ дѣла должны быть отправляемы“, правительственные „указы“, заключавшіе въ себѣ „все то, что для какихъ нибудь дѣлается приключеній и что только есть случайное“, и тому подобныя публичные акты отличались отъ частныхъ актовъ; въ числѣ послѣднихъ въ началѣ прошлаго вѣка употреблялись слѣдующіе: „купчія крѣпости; данчи; закладныя; духовныя завѣщанія; записи (дарственные, раздѣльныя, рядныя, мирорья); отпускныя; векселя; заемныя письма; договоры, контракты и условія; вѣрюція письма; отказы имѣніямъ; торговыя книги и проч.“ ³⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ разграниченіе

¹⁾ Основанія Россійскаго права, извлеченныя изъ существующихъ законовъ Россійской Имперіи, издаваемыя Комиссіей составленія законовъ, С.-Пб. 1818 г., т. I, сс. 3—4, 8; (§§ 6, 7, 20).

²⁾ Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ, С.-Пб. 1833 г., сс. 118—119.

³⁾ Наказъ императрицы Екатерины II, ст. 444—446. *И. Васильевъ*, Новѣйшее руководство къ познанію Россійскихъ законовъ, М. 1827 г., ч. II, сс. 36—37.

„дѣль“ по способу ихъ судебной защиты стало точнѣе формулироваться, благодаря болѣе выработанному различію челобитныхъ явочныхъ отъ исковыхъ и т. п. ¹⁾).

Итакъ, нѣкоторое различіе между понятіями о публичномъ и о частномъ правѣ можно полагать въ основу разграниченія понятій о публично-правовомъ и частно-правовомъ актѣ, хотя оно и не всегда совпадаетъ съ различіемъ ихъ съ чисто дипломатической точки зрѣнія по ихъ формулярамъ: послѣднее находилось въ тѣсной зависимости отъ того субъекта правъ, отъ котораго данный актъ исходилъ, а, значить, и отъ той канцеляріи, въ которой онъ составлялся. Такимъ образомъ объясняется стремленіе нѣкоторыхъ изъ наиболѣе видныхъ представителей дипломатики сочетать въ своихъ опредѣленіяхъ актовъ публичныхъ и частныхъ оба признака, т. е. различіе ихъ по роду заключающихся въ нихъ правоотношеній, который они, впрочемъ, оставляютъ безъ дальнѣйшаго опредѣленія, и по способу ихъ совершенія правительственными или частными лицами. Съ указанной точки зрѣнія публично-правовыми актами называются тѣ, которые касаются государственнаго права и исходятъ отъ лицъ, облеченныхъ правительственною властью, а частно-правовыми актами называются тѣ, которые относятся къ гражданскому праву и исходятъ отъ частныхъ лицъ ²⁾). Впрочемъ, такой придаточный признакъ едва ли имѣетъ большое самостоятельное значеніе: вѣдь, въ старицу правительственныя лица часто смѣшивали государственное право съ гражданскимъ, что ярко отразилось, напримѣръ, въ духовныхъ и договорныхъ нашихъ князей.

¹⁾ Ф. Дильтей, Исслѣдованіе юридическое о принадлежащемъ для суда мѣстѣ и проч. М. 1779 г., сс. 95—129.

²⁾ А. Giry, Manuel de diplomatie, p. 823; къ лицамъ съ правительственнымъ характеромъ авторъ не безъ основанія причисляетъ „сеньеровъ, епископовъ и городскихъ община“ средневѣковья. W. Erben, L. Schmitz-Kallenberg und O. Redlich, Urkundenlehre, München u. Berlin 1907, Bd. I, SS. 18—19. Ср. еще Д. Мейнхъ, Op. cit., сс. 2—3.

Въ числѣ производныхъ признаковъ при проведеніи того же дипломатическаго различія чаще всего указываютъ на то разное значеніе, какое публично-правовые и частно-правовые акты получаютъ въ качествѣ судебныхъ доказательствъ: доказательная сила публичнаго акта, напримѣръ, какой-либо царской грамоты, не нуждается въ свидѣтельскихъ показаніяхъ; доказательная сила частнаго акта, напротивъ, зависитъ отъ нихъ: онъ совершается при свидѣтеляхъ, которые прилагаютъ къ нему руки и, въ случаѣ нужды, могутъ, подъ присягой, давать показанія о его совершеніи ¹⁾.

Такіе признаки наглядно проявляются и въ нашихъ грамотахъ даже старѣйшихъ XIV—XV в.в. „Существеннымъ отличіемъ“ жалованныхъ грамотъ отъ данныхъ, по словамъ одного изъ нашихъ изслѣдователей, можно считать, кромѣ начальной формулы (указывающей на тѣхъ субъектовъ правъ, отъ которыхъ онѣ соотвѣтственно исходятъ), еще отсутствіе въ жалованныхъ грамотахъ послуховъ, обыкновенно упоминаемыхъ въ данныхъ ²⁾.

На основаніи вышеуказанныхъ критеріевъ можно проводить различіе между актами съ публично-правовымъ и актами съ частно-правовымъ значеніемъ и примѣнять его къ аналогичному дѣленію старинныхъ русскихъ актовъ на публичные и частные.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, однако, что такое разграниченіе не всегда совпадаетъ съ дѣленіемъ актовъ на публично-правовые и частно-правовые. Въ самомъ дѣлѣ, можно указать на публично-правовые акты съ частно-правовымъ значеніемъ: жалованныя „вотчинныя“ грамоты, особенно на земли безъ какихъ-либо льготъ, и „береженныя“, сотныя и владѣнныя выписи, судные списки и правыя грамоты, напримѣръ, — публично-правовые акты; но вмѣстѣ съ тѣмъ они удостоверяютъ права собственности заинтересованныхъ лицъ, служатъ доказательствами таковыхъ въ случаѣ ихъ нарушенія и т. п.,

¹⁾ O. Posse, Die Lehre von den Privaturkunden, S. 67.

²⁾ Д. Мейшукъ, Op. cit., с. 13.

т. е. въ извѣстномъ отношеніи получаютъ частно-правовое значеніе. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Д) Жалованныя „вотчинныя“ грамоты, которыя выдавались нашими князьями на земли, очевидно, разсматривались, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ акты, удостовѣрившіе частныя права владѣльцевъ, что и приводило иногда къ отождествленію такихъ грамотъ съ „данными“: въ отводной книгѣ землямъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря отъ земель великокняжескихъ, 1482 года, не разъ встрѣчаются выраженія въ родѣ слѣдующаго: „И съ данные грамоты въ спискѣ пишеть: милости ради пречистыя Богородицы и честнаго ея Успенья и своего ради спасенія, се язъ князь... пожаловать...“¹⁾.

Княжескія грамоты обезпечивали владѣльцевъ отъ спорныхъ исковъ на ихъ имущества и, значить, могли въ случаѣ нужды играть роль судебныхъ доказательствъ ихъ частныхъ правъ. Въ одной изъ „береженныхъ“ грамотъ, посланной отъ царя Ивана Васильевича Грознаго въ Галичъ Петру Чередову для охраненія бортныхъ ухожеевъ Васьки Савельева сына Шумалкина, 1576—1585 г.г., мы читаемъ:

„Билъ намъ челомъ Унжанинъ Васка Савельевъ сынъ Шюмалкинъ, а сказалъ: вотчиннишка деи его, бортной ухожей, на Унжѣ, и сторонніе деи люди его обидять, въ вотчину его ходять насилствомъ, борти деруть и лѣсъ сѣкутъ. И намъ бы его, Васку Шумалкина, пожаловать, велѣть дати береженную грамоту, чтобы (въ) его вотчиннишко сторонніе люди насилствомъ не ходили, и бортей не драли и лѣсу не сѣкли.—И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ Васки Шумалкина вотчину, бортного ухожея, берегъ пакрѣпко, что-бы въ его вотчину, въ бортной ухожей, сторонніе люди насилствомъ не ходили никто, и бортей не драли и лѣсу не сѣкли...“ и т. д.²⁾.

Такую же охрану частной собственности давали и „правыя

¹⁾ Д. Мейчикъ, Op. cit., с. 12.

²⁾ А. Ю. № 359, I.

грамоты“. Уставная грамота великаго князя Василя Дмитріевича жителямъ Двинской земли, 1397 года, уже упоминаетъ о выдачѣ правой грамоты, примѣнительно къ случаю неявки отвѣтчика на судъ:

„А кто на кого челомъ бьетъ, дворяне и подвойскіе позовутъ къ суду, а онъ не станетъ у суда, и на того намѣстницы дадутъ грамоту правую безсудную“ ¹⁾.

Въ Псковской Судной Грамотѣ сказано яснѣе: „А которой истецъ [а будетъ побить съ своими грамо]тами, ино того челоуѣка повинити и грамоты его посудитъ; а правому челоуѣку на ту землю и суданца дати...“; въ другой статьѣ доказательная сила такихъ грамотъ признается безспорной: „А князю и посаднику грамотъ новыхъ не посужати...“ ²⁾.

Возьмемъ еще одинъ примѣръ, иллюстрирующий сказанное: въ правой грамотѣ, данной Двинскимъ намѣстникомъ „княжъ Иванова тиуномъ Васильевича Ноздроватого“ Назаріемъ Сумароковымъ Григорію Кологривову и его дѣтямъ, на которыхъ Матвѣй Кузьминъ искалъ полдеревни Борисовской, 1532 года, мы читаемъ: „И правую грамоту тиушъ Назарей Сумароковъ отвѣтчикомъ Оникѣйку и Олешку, въ Григорьево мѣсто Кологривова и въ его дѣтей, на ищею Матѳея [Кузьмина] и на деревню даль...“. Въ правой грамотѣ Двинскаго воеводы князя Ѳедора Татеева Троице - Сергіеву монастырю на деревню Молевскую, 1612 года, сказано еще яснѣе, что судья приговорилъ владѣть той деревней архимандриту Діонисію съ братьею „къ Никольскому Чюхченемскому монастырю по прежнему“ и выдать имъ правую грамоту „по чему имъ тою деревнею къ Никольскому Чюхченемскому монастырю владѣть“ ³⁾.

¹⁾ А. Э., т. I, № 13.

²⁾ Псковская Судная Грамота, ст. 12 и 61 (сс. 3, 15). Чтеніе 12-ой статьи, предложенное П. Энгельманомъ, можетъ, однако, вызвать нѣкоторое сомнѣніе: въ рукописи пробѣлъ меньше того, какой понадобился бы для помѣщенія поставленныхъ въ прямыхъ скобки словъ.

³⁾ А. Ю. № 19, сс. 38 — 42. Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 433.

Кромѣ различія между публичными актами съ частно-правовымъ значеніемъ и частно-правовыми актами въ узкомъ смыслѣ, нѣкоторыя изъ ихъ разновидностей могли получать черты публичныхъ актовъ съ частно-правовымъ значеніемъ въ отличіе отъ частно-правовыхъ актовъ въ узкомъ смыслѣ и по другимъ основаніямъ, отражавшимся въ ихъ дипломатическихъ особенностяхъ. Межевые акты, напримѣръ, по словамъ одного изъ нашихъ дипломатистовъ, „бывали правительственными и частными“; правительственные составлялись органами княжескаго управленія по словесному или письменному повелѣнію, исходившему непосредственно отъ князя, помимо чьей-бы то ни было просьбы, либо по просьбѣ владѣльцевъ о разводѣ земель безъ всякаго спора, либо вслѣдствіе судебныхъ и межевыхъ споровъ; частные составлялись самими заинтересованными лицами при уступкѣ-ли земель по купчимъ, данымъ и другимъ однороднымъ сдѣлкамъ или-же при полюбовномъ прекращеніи споровъ съ вѣдома или безъ вѣдома правительственной власти, т. е. совершались явочнымъ или домашнимъ порядкомъ. „Разѣзжая грамота“, установившая межи между Илеменской землей княгини Евфросиніи и землями великаго князя Василія Васильевича Боболѣю, Турьими горами и Ловышиною, напримѣръ, была выдана до 1462 года „на обѣ стороны“, послѣ суда великокняжескаго и совершенія разѣзда „по великаго князя слову“ Василю Андреевичемъ, докладывавшимъ объ этомъ дѣлѣ великому князю: „и князь велики велѣлъ дати Василю грамоту розездную Илемничомъ на Илеменскую землю отъ великаго князя земель, а сотникомъ Боболскимъ и Туренскому и Ловышинскому дати велѣлъ грамоту отъ Илеменскихъ земель“. Грамота свидѣтельствуетъ, что на разѣздѣ были съ Василю Андреевичемъ и съ тѣми сотниками и мужами и съ старожильцами дѣти боярскіе, „тутошніе жильцы“ такіе-то, причемъ снабжена печатью. Разѣзжая землямъ Кедриковской и Ананьинской 1495 (7003) г., напротивъ, полюбовная: она составлена по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ Кузумы Федорова и Дмитрія Ми-

хайлова и удостоверена рукоприкладствами послуховъ, но безъ печати ¹⁾).

Слѣдуетъ, кромѣ того, имѣть въ виду, что граница между сферами публичнаго и частнаго права была въ разное время различной и что публично-правовые элементы иногда смѣшивались съ частно-правовыми въ одномъ и томъ-же актѣ. Наглядными примѣрами смѣшенія подобнаго рода могутъ служить хотя бы извѣстныя старѣйшія духовныя Московскихъ князей. Въ своей „душевной грамотѣ“ 1328 года великій князь Иванъ Давиловичъ Калита приказываетъ своимъ сыновьямъ отчину свою Москву и учиваетъ между ними раздѣль, въ которомъ распоряженія касательно разныхъ городовъ и волостей переплетаются съ распоряженіями касательно частнаго его имущества, даже движимаго, напримѣръ: „се даль есмь сыну своему большому Семену Можаескъ со всеми волостями...“; „а при своемъ живогѣ даль есмь сыну своему Семену 4 чеши золоты, 3 поясы золоты, 2 чаши золоты съ женчюги, блюдо золото съ женчугомъ съ камешемъ, 2 чума золота болшая; а исъ судовъ исъ серебряныхъ даль есмь ему 3 блюда серебряна“ и т. д.; нѣсколько ниже великій князь дѣлаетъ аналогичныя распоряженія относительно купленныхъ имъ сель, принадлежавшихъ ему стадъ, „портъ“ и т. п., часть которыхъ предоставляетъ тому-же „сыну своему большому Семену“, а остальное распредѣляетъ между другими членами своей семьи ²⁾. Въ „душевной грамотѣ“ великаго князя Ивана Даниловича, да и многихъ другихъ актахъ того времени, публично-правовые элементы смѣшаны съ частно-правовыми, причѣмъ сама грамота облечена въ форму обыкновенной духовной. Аналогичныя иллюстраціи можно подыскать, конечно, и среди другого рода

¹⁾ Д. Мейшицъ, Ор. сіт, с. 55 и приложение IV, №№ 1 и 5. Ср. еще С. Шумаковъ, Обзоръ, в. I, сс. 47—50, 84; в. II, сс. 17, 32—38 и др.

²⁾ С. Г. Г. и Д., ч. I, № 22. Смѣшеніе подобнаго рода еще не даетъ, однако, основанія утверждать, подобно Б. Н. Чичерину, что „наслѣдованіе у Московскихъ князей происходило по частному праву“: такое наслѣдованіе уже предполагало бы различіе ими частнаго права отъ публичнаго.

грамотъ: выборы въ священники, напрымѣрь, представляющіе, въ сущности, акты общественнаго самоуправленія, содержатъ иногда условія, сближающія ихъ съ договорными записями, о чемъ свидѣтельствуесть хотя-бы запись дьякона Ивана Артамонова, порядившагося въ 1646 году во священники въ село Фрязиново, Сямской волости, въ томъ, что ему не „запустошитъ“ священническаго двора, и т. п.¹⁾

Помимо вышеуказанныхъ переходныхъ формъ отъ публичныхъ актовъ къ частнымъ, можно указать, конечно, и на собственно частно-правовые акты: каждый изъ нихъ облекаетъ въ извѣстную форму одностороннее или обоюдостороннее волеизъявленіе, сдѣланное на основаніи какой-либо правовой нормы однимъ или нѣсколькими отдѣльными лицами и обуславливающее возникновеніе, измѣненіе или прекращеніе какого-либо правоотношенія личнаго или имущественнаго.

Старинные наши юридическіе акты сами отмѣчаютъ иногда признаки подобнаго рода. Нормативный характеръ частныхъ актовъ проступаетъ уже въ древнѣйшее время въ той религіозно-нравственной санкціи, на которую они опираются. Въ вкладной грамотѣ Варлаама Хутынскаго святому Спасу 1192 года мы читаемъ: „Аже кто діавольмъ наоучень и злыми челоувѣкы навоженъ цѣто хочеть отъяти, отъ нивъ ли, отъ пожнь ли или отъ ловищъ, а боуди ему противень святыи Спасъ и въ сѣ вѣкъ, и въ боудоущій“. Въ купчей Антонія Римлянина „на землю Пречистыя въ домъ“, писанной до 1147 года, заключительная формула гласитъ: „А кто на сию землю наступитъ, а то управитъ Мати Божія“. Въ духовной Новгородца Климента XIII вѣка значится: „Аже кто въ ступитъ на сию грамоту, да не со мною съ однимъ станеть прѣ Богомъ, съ всеимъ моимъ племенемъ“. Въ одной мѣновной 1538 года „послухами“ являются: „Богъ, Никола Чудотворецъ, апостолы Петръ и Павелъ“... и только. Въ позднѣйшихъ актахъ такія ссылки, напротивъ, постепенно

¹⁾ М. Курдюмовъ, Описаніе коллекціи П. И. Саввантова, въ Лѣтон. зап. Археогр. Ком., в. 27 (1915 г.), № 158.

исчезаютъ и замѣняются другими, отличающимися болѣе юридическимъ характеромъ: въ одной изъ Новгородскихъ дѣльныхъ XV вѣка мы читаемъ, на примѣръ: „А сей намъ дѣль крѣпокъ и въ вѣкѣ“ и т. п. ¹⁾).

Волеизъявительный характеръ частныхъ актовъ иногда явно выражается, на примѣръ, въ духовныхъ: духовная Ивана Калиты начинается извѣстными словами: „Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Се язъ грѣшный худый рабъ Божій Иванъ пишу душевную грамоту, ида въ Орду, ни кимъ не нужень, цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемъ здоровьи“. Въ одной полной 1593 года говорится о томъ, что Михайла Секиринъ купилъ Савку Васильева сына да жену его Марьцу, „а продались по своей воли безъ пристава“. Въ договорной записи 1654 года объ образованіи артели для денежнаго сбора таможенной и проѣздной пошлины при Арзамаской таможи и двухъ селахъ того же уѣзда, пайщики включили слѣдующую клаузулу: „А сию записъ, излюбя, положили за третьего, города Арзамаса за Воздвиженского попа Ивана Васильева, и тому нашему третьему выдать сию нашу записъ правому на виноватого, какъ споръ учинитца, съ воеводцкогю докладу, при добрыхъ людехъ, всѣмъ намъ вмѣстѣ, а одному изъ насъ никаму отнюдь не выдавать“ и т. п. ²⁾. Возникновеніе, измѣненіе и прекращеніе личныхъ и имущественныхъ отношеній, разумѣется, составляетъ главное содержаніе частныхъ актовъ, на примѣръ, сговорныхъ и рядныхъ, служилыхъ кабалъ и жилыхъ записей, купчихъ и закладныхъ, отпускныхъ и т. п. Въ видѣ примѣра можно указать на любопытную зарядную записъ И. М. Чертова С. В. Стромилу съ сыномъ о взятіи у нихъ на срокъ жалованныхъ грамотъ для челобитья по своему дѣлу, 1560—1561 г.г. Здѣсь мы читаемъ:

„Се язъ Иванъ Михайловъ сынъ Чертова взялъ

¹⁾ Опись рукописей и книгъ музея Археологической Комисіи при Псковскомъ губ. стат. ком., Псковъ 1879 г., приложение с. 11—12; А. Ю. № 260, I.

²⁾ С. Г. Г. и Д., ч. I, № 22. А. Ю. № 409, X и др. Р. И. Б., т. XVII, Зап. кн. д. Алябьева, № 513. А. Ю. Б., т. I, № 111.

есми у дяди своего Суботы Васильева сына Стромпилова да у его сына, а у своего брата, у Григорья грамоты жаловальные... а класти мнѣ те грамоты передъ царемъ государемъ великимъ княземъ и, бивъ мнѣ челомъ государю, да отдати опять дяди своему Суботе да его сыну, а своему брату, Григорью те грамоты на Семень день лѣтапровотца семьдесятнаго году впредъ на соблюденье. А мнѣ Ивану у Суботы и у Григорья тѣхъ грамотъ не оттягивати, ни царю государю великому князю не бывать челомъ, ни бояромъ. А отдати мнѣ грамоты безъ тяжбы и безъ челобитья. А учну язъ Иванъ бити челомъ на Суботу и на его сына о приставе и грамоты стану затягивать которою хитростью ни буди или тѣ грамоты отдамъ мимо себя искать роду своему дядемъ своимъ или братьемъ въ родстве своемъ Стромпиловымъ или Чертовымъ или Щибринымъ или мимо меня стануть искать и стануть волочить и грамотъ на срокъ не отдамъ на Семень день — ино на мнѣ, на Иванѣ, Суботе и сыну его взяти по сей записи пятьдесятъ рублевъ. А на то послуси... А кабалу писалъ...“¹⁾.

Такимъ образомъ, можно придти къ заключенію, что вышеуказанное общее различіе между публичнымъ и частнымъ правомъ постепенно проникало въ наше правосознаніе и законодательство, хотя и устанавливалось не столько въ догматической его формѣ, сколько въ исторически слагавшемся его примѣненіи къ дѣловой практикѣ даннаго времени. Съ такой точки зрѣнія позволительно различать въ составѣ нашихъ документовъ публичные и частные акты и остановиться, въ виду специальныхъ задачъ настоящаго курса, на болѣе подробномъ изученіи послѣднихъ.

§ 4. *Основные задачи дипломатическаго изученія публичныхъ и частныхъ актовъ.*

Ученіе о документахъ и актахъ въ томъ ихъ значеніи, какое было установлено выше, называется дипломатикой: она

¹⁾ Н. Лихачевъ, Изъ лекцій по дипломатикѣ, СПб. 1905—1906, с. 24—25.

выясняетъ принципы и методы изслѣдованія не столько документовъ, сколько актовъ, облекающихъ правоотношенія въ болѣе опредѣленные, преимущественно письменныя, формы, которыя и подлежатъ спеціальному ея изученію. Самый терминъ „дипломатика“ производится отъ греческаго „διπλώω“, „διπλῶν“ — удвоюю, причѣмъ τὸ δίπλωμα означало вообще что либо сложенное вдвое; въ такомъ именно смыслѣ римляне употребляли слово „diploma“ для обозначенія бронзовыхъ пластинокъ, складывавшихся вдвое въ видѣ диптиха: онѣ служили или чѣмъ то въ родѣ паспортовъ и подорожныхъ, выдаваемыхъ отъ имени сената, а затѣмъ императора, курьерамъ, которые въ силу ихъ получали право пользоваться публичными почтовыми сообщеніями; или выдавались солдатамъ, отслужившимъ свои сроки и получившимъ, по закону, извѣстныя привилегіи. Забытый въ началѣ среднихъ вѣковъ, тотъ же терминъ снова получилъ нѣкоторое распространеніе благодаря ученымъ Возрожденія: они примѣняли его въ болѣе широкомъ смыслѣ, въ особенности къ торжественнымъ актамъ, исходящимъ отъ верховной власти, къ привилегіямъ императоровъ, королей, герцоговъ, графовъ. Въ такомъ значеніи тотъ же терминъ продолжали употреблять въ позднѣйшее время, между прочимъ, и у насъ: Генеральный Регламентъ, толкуя терминъ „дипломъ“, переводитъ его: „жалованная грамота“. Впрочемъ, благодаря тому, что, въ сущности, само понятіе о „дипломѣ“ оставалось довольно неопредѣленнымъ, терминомъ „дипломатика“ можно было обозначить вообще ученіе о документахъ и актахъ. Своимъ извѣстнымъ трудомъ, озаглавленнымъ „De re diplomatica“, Мабильонъ ввелъ его во всеобщее научное употребленіе, продолжающееся до сихъ поръ; оно воспринято было и въ нашей спеціальной литературѣ ¹⁾).

Вообще, обнимая ученіе о документахъ и актахъ, дипломатика ставитъ себѣ двоякую задачу: она изучаетъ ихъ, какъ

¹⁾ R. Rosenmund, Die Fortschritte der Diplomatie seit Mabillon, vornehmlich in Deutschland und Oesterreich, 1897. W. Erben, L. Schmitz-Kallenberg und O. Redlich, Urkundenlehre, München und Berlin 1907, T. I, SS. 3—17 и др.

источникъ и какъ явленіе. Въ самомъ дѣлѣ, дипломатика, въ сущности, возникла въ связи съ изслѣдованіемъ старинныхъ документовъ и актовъ, какъ источниковъ, и только съ теченіемъ времени перешла къ выясненію ихъ развитія, какъ явленій народного правосознанія, въ ихъ зависимости отъ данныхъ условій мѣста и времени, состоянія и періода культуры и т. п.

Съ указанной точки зрѣнія дипломатика естественно распадается на двѣ части, которыя можно назвать: документальнымъ источниковѣдѣніемъ и документальнымъ построеніемъ актовъ. Документальное источниковѣдѣніе выясняетъ принципы и приемы интерпретаціи и критики актовъ. Документальное построение выясняетъ происхожденіе актовъ, ихъ составъ, разновидности ихъ формуляровъ, выработанныхъ въ разныхъ канцеляріяхъ, способовъ ихъ удостовѣренія и т. п. Такое дѣленіе можно примѣнить и къ дипломатикѣ частныхъ актовъ.

Прежде, однако, чѣмъ перейти къ ознакомленію съ дипломатикой русскихъ частныхъ актовъ въ главнѣйшихъ ея частяхъ: документальномъ ихъ источниковѣдѣніи и документальномъ ихъ построеніи, остановимся нѣсколько на обзорѣнн тѣхъ источниковъ и пособій, которыми она располагаетъ для болѣе подробнаго ихъ изученія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Дипломатическое изученіе въ русской археографіи и исторіографіи.

§ 1. Важнѣйшія собранія и хранилища актовъ.

Дипломатика русскихъ частныхъ актовъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи довольно значительное ихъ число, собранное въ различныхъ хранилищахъ, частныхъ и государственныхъ

Частныя собранія актовъ стали возникать издавна: вмѣстѣ съ приобрѣтеніемъ имущества, въ особенности недвижимаго, прежнія крѣпости на него часто передавались новому владѣльцу; при такомъ порядкѣ въ рукахъ лица, скупавшаго разныя земли, могло сосредоточиться не мало частныхъ актовъ, касавшихся ихъ и принадлежавшихъ прежнимъ ихъ владѣльцамъ.

Частные акты, правда, иногда не переходили къ новымъ владѣльцамъ, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда отчуждалась часть недвижимости, находившейся въ общемъ владѣніи у одного или у нѣсколькихъ лицъ, продолжавшихъ владѣть остальными его частями на основаніи одного общаго для нихъ съ отчуждаемою частью имущества акта, или же въ тѣхъ случаяхъ, когда продавецъ сохранялъ ихъ у себя для „очистки“ отчуждаемаго имущества отъ спорныхъ исковъ и т. п. Въ отступной Ивана и Онтмана Александровыхъ дѣтей Тимоѣею Леонтьеву сыну Бушую на половину ихъ земли съ угодьями на островѣ Солотковѣ 1550 года мы читаемъ: „А што у насъ грамоты державы на тотъ Солоткой островъ старыя, иво ти грамоты у насъ у Ивана да у Онтмана у Олександровыхъ детей. А понадобятся ти грамоты Тимоѣею

на кои будетъ споръ, ино Ивану да Онтману класти давати“. Въ купчей на пожни и рыбныя ловли въ Палѣ и другихъ мѣстахъ, проданныя Первымъ Яковлевымъ сыномъ Новыхъ Денегъ Николаевскому Корельскому монастырю 1616 г. сказано: „се язъ Первой Яковлевъ сынъ Новыхъ Денегъ... продалъ есми и отступился игумену Каллистрату“ и проч. „свою долю пожень и рыбной ловли, чемъ самъ владелъ, что мнѣ отъ брата з дѣлу достанетца... А старыя купчие Пальские и менная и дѣльная на Шапчергие пожни оставаютца у брата моего, у Федора з братьею, и понадобится тѣ старыя пути на ту мою продажу имъ, игумену з братьею, къ какову дѣлу ни буди, и брата моего Федору з братьею тѣ старыя пути на ту мою продажу казати безубыточно“. Совершая купчую съ Кирилло-Бѣлозерскимъ монастыремъ на дворъ въ Непокскомъ посадѣ и на право выварки соли въ варничномъ участкѣ, Павелъ Анавинъ писалъ въ 1578 году: „А старыя купчие на дворъ и на росоль язъ Павелъ... оставилъ у себя для очищенія“ и т. п. ¹⁾). Впрочемъ, даже при оставленіи у себя „старыхъ грамотъ“ прежній владѣлецъ могъ замѣнить ихъ списками съ нихъ, которые и передавалъ новому. Въ собраніи актовъ Архангельскаго монастыря сохранилась, на примѣръ, „отпись“, вѣроятно XV вѣка, свидѣтельствующая о томъ, что „игумень Василій и попъ и черницы и все стадо святаго Спаса“ дали Ивану Даниловичу, купившему у нихъ „Ондріевъ участокъ“, списокъ съ данной на него „за Варламовою печатью“, а подлинное „рукописаніе Ондреево“ оставили у игумена и у всѣхъ чернецовъ святаго Спаса, на полатѣхъ. Викула Извольскій поступилъ такимъ же образомъ при продажѣ своего московскаго двора Ивану Толстому въ 1691 г.: сохранивъ у себя подлинныя отписи въ платежѣ мостовыхъ и рѣшеточныхъ, а также оброчныхъ денегъ съ

¹⁾ Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, №№ 129, 469, 517, 543. А. Ю. № 90. Прежніе владѣльцы выдавали иногда новымъ особымъ «отписи» съ обязательствомъ предъявлять, въ случаѣ надобности, старыя грамоты на отчуждаемое имущество; см. Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 103.

того двора за прошлые годы, онъ далъ покупателю „списки съ тѣхъ отписей за своею рукою“ ¹⁾.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда не было условій, затруднявшихъ передачу „старыхъ грамотъ“ новому владѣльцу, онѣ переходили къ нему „для ради крѣпости и оцыщенія“, что видно хотя бы, на примѣръ, изъ закладной Семена Вешняка Васильева Николаевскому Корельскому монастырю на половину тони Рикасики и на земли съ угодьями 1628 года. Здѣсь мы читаемъ:

„И тѣ всѣ писмяные крѣпости, четыре купчие и дѣльную и отпись, я Вешнякъ отдалъ игумену Сергию з братьею с сею закладною вмѣсте. А то мое владѣнье все, что заложылъ, досталось мнѣ з дѣлу отъ брата мои: отъ Клементья да отъ Леонтыя да отъ Ивана Григорьевыхъ же дѣтей Васильева, и по той дѣлной заложылъ я и подписалъ в тѣхъ заемныхъ деньгахъ; и къ чему будетъ понадобится та дѣльная игумену Сергию з братьею для того моего закладного владенья, и мнѣ Вешняку та дѣльная власть и казать имъ и списокъ с тое дѣлной дать слово в слово“.

Въ закладной Василя Третьяка Лентьева Николаевскому Корельскому монастырю на половину Прилуцкаго острова и на долю въ рыбной ловлѣ въ рѣкѣ Косоломбалѣ, купленной имъ у Марѣи да у Матрены Васильевыхъ дочерей Лентьева, также встрѣчается слѣдующее условіе:

„А тѣ старыя писмяные крѣпости и оброчная остается у меня Третьяка; и к чему будетъ понадобится тѣ писмяные крѣпости игумену з братьею, и мнѣ Третьяку власть и казать, в томъ убытка не чинить; а купчая, что я купилъ то владенье у Васильевыхъ дочерей, и ту я купчую отдалъ игумену з братьею с сею закладною; и будетъ понадобится мнѣ Третьяку та купчая для котораго дѣла, и имъ игумену з братьею потому жъ казать мнѣ Третьяку та купчая“.

¹⁾ А. Ю. № 71, XXVI. А. Ю. Б., т. II, № 148, XXI.

Прежніе владѣльцы даже обезпечивали себя иногда особыми актами отъ притязаній, могущихъ возникнуть со стороны новыхъ по поводу передачи имъ лишь части „старыхъ грамотъ“. Въ 1540 году, напримѣръ, Иванъ Мурашовъ, отступившійся отъ земель и угодій на островѣ Солотковѣ Ивану Пятунину, выдалъ ему особую отпись, которая удостоверяла, что онъ, за исключеніемъ утерянной имъ „заповѣдной грамоты“ великаго князя, вручилъ Ивану Пятунину духовную отца своего и отступную-посильную на тѣ же земли и угодья ¹⁾).

При передачѣ всѣхъ „старыхъ грамотъ“ новому владѣльцу, онѣ вручались ему при совершеніи или по совершеніи сдѣлки, причемъ онъ обезпечивалъ иногда исполненіе такого условія особой неустойкой, которая уплачивалась прежнимъ владѣльцемъ, если онъ „всѣхъ крѣпостей не отдастъ“ ²⁾). Въ купчей на лоскуты земли: Лукинскій и Ѳедоровскій, купленные Есифомъ Онуфріевичемъ у Устина Семенова сына, XV вѣка, напримѣръ, онъ пишетъ: „се купи Есифъ Онуфріевичъ оу Вустѣна оу Семенова сына два лоскута земли и [с] старыми грамоты“. Такой же порядокъ соблюдался и въ позднѣйшее время: продавая въ 1682 году половину своей деревни Семеновской и половину же прикупной деревни Екимовской Ѳедору Бороткиныхъ, крестьянину Лузской Пермцы Ламской волости, Богоявленскій попь Матвѣй Поповъ включилъ въ свою купчую слѣдующее условіе: „а въ отводѣ и въ очищенѣ меня, продавца, ему купцу Ѳедору не спрашивать, потому что язъ попь Матѣй старую купчую для очищенья ему жъ Ѳедору отдалъ“ ³⁾).

Благодаря такому обычаю, въ рукахъ крупныхъ вла-

¹⁾ Сборн. грам. Коллеги Экономіи, т. I, №№ 89, 539, 553.

²⁾ Сборн. грам. Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ Библіотекѣ С.-Пб. Духовн. Акад. № А ¹¹/₄₈, л. 121 об.

³⁾ Сборн. грам. Коллеги Экономіи, т. I, № 38. А. Ю. Б., т. II, № 147, XXX. П. С. З., т. II, № 668. Старья крѣпости, передаваемыя новому владѣльцу, снабжались иногда соотвѣтственными надписями; см. А. Ю. Б., т. II, № 147, XXIV.

дѣльцевъ сосредоточивалось иногда довольно значительное число „старыхъ грамотъ“, входившихъ въ составъ ихъ вотчинныхъ архивовъ. Московскій великій князь имѣлъ, напримѣръ, архивъ: его „казна“ уже упоминается въ XV вѣкѣ; въ ней хранились, между прочимъ, и частные акты, указанные въ нѣскольکو позднѣйшей его описи ¹⁾). Московскій митрополитъ, судя по записной его книгѣ жалованнымъ грамотамъ и крѣпостнымъ актамъ, также устроилъ подобный же архивъ при своемъ дворѣ: его „казна“ также извѣстна съ XV вѣка и содержала частные акты ²⁾). Важнѣйшіе самостоятельные монастыри, напримѣръ, Троицкій Сергіевъ, Кирилло-Бѣлозерскій, Соловецкій и другіе содержали каждый свою „крѣпостную казну“, при которой, судя по даннымъ, касающимся Троицкаго Сергіева монастыря, состоялъ даже особый „крѣпостной старецъ“ ³⁾). Родовитые и богатые вотчинники,

¹⁾ С. Г. Р. и Д., ч. I, № 66 (с. 148). А. П., т. I, № 40 (с. 82). *Д. Мейшицъ*, Ор. cit., прилож. III, № 3; въ напечатанномъ здѣсь судномъ спискѣ 1496—1498 г.г. говорится, между прочимъ, объ одной данной (см. Сборникъ Муханова № 321), что она „у государя у великаго князя въ казнѣ“ (с. 105). А. Э., т. I, № 289, ящики: 47, 67, 80, 122, 134, 138, 145, 156, 186, 195, 231;—можно думать, что этотъ архивъ находился при Посольскомъ приказѣ: „книги“ Ивана Михайлова, на которыя встрѣчаются ссылки въ самой описи, разумѣется, были приняты во вниманіе при ея составленіи, вмѣстѣ съ добавленіями, сдѣланными въ „старой переписной тетратѣ“ Андрея Васильева, надо думать, 1562—1563 годовъ; опись, напечатанная въ А. Э., относится, по всей вѣроятности, къ началу 1570-хъ годовъ; при нѣкоторыхъ изъ записей о вышеуказанныхъ ящикахъ значится, что „государь взялъ ихъ къ себѣ“ или „взялъ“ изъ нихъ нѣкоторые акты; см., напримѣръ, №№ 47, 138, 156. Ср. еще *Н. Лихачевъ*, Библиотека и архивъ Московскихъ государей въ XVI столѣтіи, С.-Пб. 1894 г., сс. 49—53. 60—66.

²⁾ А. Ю. Б., т. I, № 118, I: здѣсь, въ записи, данной митрополиту Феофану Гридею-Карауловымъ и Иваномъ Кожинымъ о неосвоеніи озеръ, пожалованныхъ имъ митрополитомъ для рыбной ловли (1461—1464 г.г.), мы читаемъ: „а сю есмь свою грамоту господину въ казну далъ противъ его господиновъ жалованные грамоты“; ср. еще А. Ю. Б., т. II, № 147, VIII (ст. 344) и др. Синодал. Библ., № 276 (173). Публичный и Румянцевскій музей, собр. И. Бѣляева, № 127. Опись архива б. патріарха Никона (переписныя книги домовоѣ его казны) напечатана во Врем. Моск. Общ. Ист. и Древн., т. XV, сс. 69—95.

³⁾ Сборн. Троицкаго Сергіева монастыря № 666 (опись грамотъ и крѣпостей съ допoлненіями до 1695 года) и др. Публичн. Библ. Q IV 1136: опись грамотъ и крѣпостей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря 1613 г. и др. *А. Горскій*,

разумѣется, обладали болѣе или менѣе значительными собраниями актовъ, напримѣръ, Шереметевы, Голицыны, Куракины, Строгановы, Воронцовы, Панины и другіе, хотя и не всегда заботились о надлежащемъ ихъ храненіи; нѣкоторые изъ такихъ собраний, напримѣръ, домашній архивъ стольника Безобразова, достигали довольно значительныхъ размѣровъ¹⁾.

Впрочемъ, акты хранились также и у третьихъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ. Монастыри съ ихъ „крѣпостными казнами“ могли служить для такихъ цѣлей. Въ одномъ изъ сборниковъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря сохранился,

Историческое описаніе Свято-Троицкія Сергіевы лавры, съ приложеніями архим. Леоніда (*Кавелина*). М. 1879 г. и др. *И. Яценскій*, Охранная опись рукописямъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, въ „Вѣстникѣ Археологіи и Исторіи“, издаваемомъ С.-Петербургскимъ Археологическимъ Институтомъ, в. XII (1899 г.), сс. 119—217, в. XIV (1901 г.), сс. 280—354; здѣсь описанъ вотчинный архивъ монастыря (XV—XVIII вв.), за исключеніемъ тѣхъ его частей, которыя попали въ Публичную Библіотеку и въ Библіотеку Петроградской духовной академіи,—о частныхъ см., въ особенности, в. XII, сс. 131—132 и 133—134; перечень здѣсь неполный; ср. в. XIV, с. 354. Старинную опись архива Соловецкаго монастыря см. въ „Матеріалахъ для русской исторіи“, изд. подъ ред. *С. Блукурова*, М. 1888 г., сс. 35—80 и др. Менѣе значительные монастыри могли, конечно, имѣть свои архивы; см., напримѣръ, опись Николаевскаго Корельскаго монастыря въ А. И., т. I, № 158 (сс. 285—286); „отписныя и крѣпостныя книги“ Николаевскаго Чухченемскаго монастыря въ Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 425; *А. Жизневскій*, Древній архивъ Краснохолмскаго Автоііева монастыря, въ „Древностяхъ“ Моск. Археолог. Общ., т. VIII (1880 г.), сс. 50—51, 60—65 и др. Ср. „засѣдную память“ въ А. Ю. Б., т. II, № 227 и т. п.

¹⁾ *А. Барсуковъ*, Родъ Шереметевыхъ, С.-Пб. 1881—1904 г.г., кн. I—VIII. Розыскныя дѣла о Ѳеодорѣ Шаковитомъ, изд. Археогр. Ком., т. IV, сс. 199, 222—276. Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, С.-Пб.—Саратовъ 1890—1902 г.г., кн. I—X. Ср. *И. Калачовъ*, Семейный архивъ кн. Куракиныхъ, въ Сборн. Археол. Инст., т. V, в. II, сс. 1—15. Архивъ князя С. М. Воронцова, М. 1870—1895 г.г., кн. 1—40. Объ архивѣ Паниныхъ см. *В. Иконниковъ*, Опытъ русск. исторіогр., т. I, кн. 2, с. 1107—1109. Впрочемъ, перечисленныя изданія кн. Ѳ. А. Куракина и кн. С. М. Воронцова, къ сожалѣнію, не даютъ понятія о вотчинныхъ документахъ ихъ владѣльцевъ. Объ архивѣ А. И. Безобразова см. *А. Липпо-Данилевскій*, Обзоръ документовъ вотчиннаго архива етольника А. И. Безобразова, въ Лѣтон. зан. Археогр. Ком., в. XXVIII, сс. 31—33. Подробное обзорѣніе „семейныхъ и частныхъ архивовъ и библіотекъ въ Россіи“ см. въ соч. *В. Иконникова*, Опытъ русской исторіогрфіи, Киевъ 1892 г., т. I, кн. 2, сс. 1072—1349.

напримѣръ, списокъ съ духовнаго завѣщанія Ивана Злобина въ которомъ встрѣчается слѣдующее указаніе: „а что есми положилъ у Спаса на Прилуде сто и девяносто рублевъ у игумена и у святыя братья въ казне, въ коробейкѣ, да въ той-же коробейкѣ въ колоткахъ крѣпости земляныя и людцкія кабалы и на комъ что ми взяти, и приказщики бы мои тѣ денги і кабалы взяли и заемныя крѣпости...“ По случаю дѣла между Оерапонтовымъ монастыремъ и крестьянами Южской волости, напримѣръ, Данило Блинъ, давшій нѣсколько пустошей монастырю, заявлялъ на судѣ, что онъ тѣ пустоши купилъ у Ивана Москотиньева Большого, „а грамоту, господине, свою купчюю положилъ есми у Евстрата у чернца на соблюденіе“, что и было подтверждено старцемъ Евстратомъ ¹⁾. Аналогичные случаи бывали и примѣнительно къ свѣтскимъ лицамъ, также принимавшимъ чужія грамоты на храненіе, что видно хотя бы изъ приводимаго ниже акта, заключеннаго между Иваномъ Губою и братьями Шваковыми. Въ такихъ случаяхъ принимавшія акты на храненіе выдавалъ особую отпись о приѣмѣ ихъ заинтересованнымъ лицамъ, причемъ она могла имѣть или домашній, или болѣе строгій формальный характеръ. Въ одной распискѣ 1693 года, напримѣръ, мы читаемъ слѣдующія строки:

„Васильевской попь Косыянтинъ привялъ я запись противную 202 году ноября 24 числа у Григорья Мачькова да у Данила да у Якова да у Петра да у Естифея Бологовскихъ на збереженъе. А какъ ему Григорью съ товарищи надобна будетъ запись, и мнѣ имъ отдать“.

Болѣе формальный характеръ имѣетъ „отпись“ Ивана Губы Титу, Юрію, Григорію и Тимоѣю Шваковымъ въ приѣмѣ на храненіе купчихъ на деревню Чучепальскую, 1596 года; приведемъ ее также цѣликомъ:

¹⁾ Публ. Библ. Q IV 113 б: сборникъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, л. 794. А. Ю. № 3.

„Се язъ Иванъ Губа Тимоѳеевъ сынъ далъ есми отписъ Титу да Юрью да Григорью да Тимоѳею Певлевымъ дѣтемъ Швакова въ томъ, взялъ есми собѣ на соблюденье купчие грамоты Чюченальской деревни, числомъ ихъ шесть купчихъ. И понадобятца тихъ купчихъ которои путь ни буди которому ихъ брату Певлевымъ дѣтемъ, и мнѣ Ивану Тимоѳееву сыну Швакова власти и казати безденежно и безубыточно по сеи отписе. На то послуши: Аѳонасеи Гавриловъ сынъ Швакова да Иванъ Кондратьевъ сынъ Немкова. Отписъ писалъ Васка Аптоньевъ сынъ лѣта 7104-го году апреля в 9 день“¹⁾.

Такиє частные способы хранения грамотъ не могли, конечно, замѣнить собою государственныхъ хранилищъ, имѣвшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ существенное значеніе для ихъ удостоенія. Въ Псковѣ при церкви Св. Троицы, на примѣръ, давно уже существовалъ особый „ларь“ для хранения въ немъ грамотъ, въ частности крѣпостныхъ актовъ²⁾. Такия хранилища возникли и при присутственныхъ мѣстахъ Московскаго государства. Кромѣ Посольскаго приказа, можно упомянуть, на примѣръ, о Помѣстномъ приказѣ, архивъ котораго, вѣроятно, существовалъ уже въ XV вѣкѣ: въ одномъ судномъ дѣлѣ 1495 года рѣчь идетъ, между прочимъ, о томъ, что судья, князь Василій Ивановичъ [Голенинъ?] „велѣлъ дьяку своему Олешѣ Безобразову у дьяка у Микифора [Кобелева?] ис Костромскихъ книгъ [1465 (6973) года] монастырскіе земли Троецкіе выписати, да собѣ сказати. И Олешка дьякъ у Микифора дьяка изъ книгъ выписалъ...“ Въ виду того, что

¹⁾ А. Ю. Б., т. III, № 312, IV. Собрн. грам. Коллегиі Экономіи, т. I, № 350. Въ выше упомянутой записи членовъ Арзамасской артели (см. с. 48) выдача отданнаго на сохраненіе акта ограничена особаго рода условіями, отчасти намекающими на мотивы отдачи ея на храненіе третьему лицу: „а сю записъ, читаемъ мы здѣсь, излюбя, положили за третьего, города Арзамаса за Воздвиженскаго попа Ивана Васильева, и тому нашему третьему выдать сю нашу записъ правому на виноватого, какъ споръ учинитца, съ воеводцкаго доклада, при добрыхъ людехъ, всѣмъ намъ вмѣстѣ, а одному изъ насъ никому отнюдь не выдавать“; см. А. Ю. Б., т. I, № 111.

²⁾ Псковская Судная Грамота, ст. 14 и 38.

писцовыя книги, по крайней мѣрѣ, въ нѣскольео позднѣйшее время хранились въ Помѣстномъ приказѣ, можно предполагать, что и въ данномъ случаѣ справка, пущая князю Василю Ивановичу [Голенину?] наводилась въ архивѣ Помѣстнаго приказа. Въ другомъ судномъ спискѣ 1504 года рассказывается о томъ, какъ по поводу жалованной грамоты, данной княземъ Верейскимъ и Бѣлозерскимъ Михаиломъ Андреевичемъ, подлинникъ которой былъ увезенъ въ Москву Бѣлозерскимъ писцомъ Василюемъ Долматовымъ, писавшимъ уѣздъ около 1485 (6993) года, тотъ-же судья князь Василій Ивановичъ Голенинъ, „по великого князя слову Ивана Васильевича всея Руси, грамоты жалованные князю Михайлову Одреевичу въ казнѣ доискался и возрилъ въ грамоту...“ Если такая грамота не находилась въ царской казнѣ, состоявшей, по всей вѣроятности, при Посольскомъ приказѣ, то она могла оказаться въ архивѣ Помѣстнаго приказа: тутъ, по крайней мѣрѣ, во второй половинѣ того-же вѣка уже хранились „вотчинныя крѣпости“, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ указная грамота Бѣлозерскимъ губнымъ старостамъ 1566 года; здѣсь мы читаемъ: „а въ книги деи в Помѣстной избѣ, в которыхъ записываютъ вотчинныя крѣпости, князь Одрѣй з братьею [Кривоборскіе] да и они того сельца и деревень не записали и то деи ихъ сельцо и деревни Петръ Лихоревъ да подьячей Костя Толмачевъ роздали въ помѣстья дѣтемъ боярскимъ по государеву указу...“¹⁾ Книги подобнаго рода, какъ видно изъ извѣстнаго дѣла С. Стромиллова съ М. Чертовымъ о закладной кабалѣ, хранились въ особыхъ ларяхъ, которые назывались по имени дьяковъ²⁾. Вообще, такой же порядокъ существовалъ и въ другихъ Московскихъ приказахъ, имѣвшихъ свой архивъ, напримѣръ, въ Разрядномъ: сюда, между прочимъ, поступило производство Палаты родословныхъ дѣлъ, въ составъ котораго вошли остатки фамильныхъ архи-

¹⁾ А. Г. Р., т. I, № 34, ст. 36. А. Ю. № 11, с. 21. *Н. Лихачевъ*, Библиотека и архивъ Московскихъ государей въ XVI столѣтіи, сс. 53—55.

²⁾ *Н. Лихачевъ*, Изъ лекцій по дипломатикѣ, С.-Пб. 1905—1906 г.г., сс. 23, 31. Дѣло относится къ 1565—1566 годамъ.

вовъ служилыхъ родовъ, въ томъ числѣ частные акты XIV—XVII столѣтій (въ копіяхъ): докладныя, полныя и заемныя (ривапскія), купчія, данныя, дѣловыя и проч. ¹⁾. Въ архивахъ другихъ приказовъ, смотря по ихъ вѣдомствамъ, могли быть и частные акты, напримѣръ: въ приказѣ Холопьяго суда, въ Земскомъ приказѣ, въ Судномъ приказѣ и т. п. ²⁾. При Оружейной палатѣ также хранились книги записныя разныхъ дѣлъ, вѣроятно, нѣсколько позднѣйшаго времени; онѣ заключаютъ въ себѣ: явочныя прошенія о бѣглыхъ людяхъ, купчія и данныя на имѣнія и дворы, записныя книги суднымъ дѣламъ, очнымъ ставкамъ и невершеннымъ старымъ дѣламъ, которыя вершены будутъ, и т. п.; кромѣ того, тутъ же хранились и другіе частные акты, вѣроятно, занесенные въ такія-же книги, напримѣръ, жилыя записи (наемъ услугъ и въ ученіе), наемныя жилыя записи (отдача въ наемъ домовъ, лавокъ и проч.), поручныя записи, справочныя прошенія (просьбы писцовъ о томъ, чтобы велѣно было отвѣтчиковъ, не явившихся по приставнымъ памятямъ, представить къ суду), срочныя сказки (сроки, назначенные поручителями для явки въ судъ) и т. п. ³⁾. Кромѣ центральныхъ учреждений, мѣстныя, въ особенности съѣзжія избы, гдѣ предъявлялись крѣпостные акты къ запискѣ въ книги, также имѣли

¹⁾ Акты XIII—XVII вв., представленные въ Разрядный приказъ представителями служилыхъ фамилій послѣ отмены мѣстничества. Ч. I, 1257—1613 г.г. Съ предисловіемъ А. И. Юшкова, въ Чт. М. О. И. и Др. 1898 г., кн. II—IV, сс. VI—VIII. Впрочемъ, судя по описи дѣламъ, вынесеннымъ изъ Разряда во время пожара 1626 года, въ его архивѣ не числилось особыхъ фондовъ частныхъ актовъ, упоминается одна поручная; см. И. Лихачевъ, Библіотека и архивъ Московскихъ государей въ XVI столѣтіи, сс. 53—81. Въ описаніи документовъ Разряднаго приказа встрѣчаются дѣла, касающіяся сыска крестьянъ и холоповъ, межеванія и т. п., въ составѣ которыхъ могли-бы оказаться и частные акты; см., напримѣръ, Опис. док. и бум. Моск. Арх. Мин. Юст., кн. XI, сс. 31, 106, 155, 191, 209, 473 (поручныя) и др.; кн. XIV, сс. 169, 185, 212, 350, 408 и др.

²⁾ А. И., т. I, № 221; т. III, № 92, ст. XXII.

³⁾ Краткое описаніе примѣчательныхъ книгъ и рукописей, находящихся въ архивѣ при Мастерской и Оружейной палатѣ, въ Вѣстникѣ Европы 1827 г. № 16, сс. 256—257.

свои собранія частныхъ актовъ, напримѣръ, въ Новгородѣ, Устюжнѣ Желѣзнопольской, Соликамскѣ и т. п. ¹⁾).

Благодаря централизаціи правительственныхъ архивовъ, которая стала развиваться въ XVIII вѣкѣ, въ особенности послѣ упраздненія старинныхъ присутственныхъ мѣстъ, въ нихъ стало сосредоточиваться большое количество актовъ, въ томъ числѣ и частныхъ.

Такой процессъ совершался, однако, не безъ колебаній. Въмѣсто того, чтобы писать въ Москвѣ акты въ палаткѣ Ивановской площади, какъ водилось изстари, указомъ 1699 года декабря 9 велѣно писать ихъ въ Помѣстномъ приказѣ, что, впрочемъ, вскорѣ было отмѣнено. Вслѣдъ затѣмъ указомъ 1704 года января 31 предписано вносить старыя и новыя крѣпости и брать съ нихъ пошлины въ Судномъ приказѣ, а въ другихъ городахъ по земскимъ избамъ, но и указъ 1704 года оставался въ силѣ недолго и, вѣроятно, не помѣшалъ вернуться къ прежнему порядку взиманія крѣпостныхъ пошлинъ въ Помѣстномъ приказѣ. Въ 1720 году (указами 13 февраля и 19 іюня) велѣно было писать всякія крѣпости въ Юстицъ-Коллегіи, причемъ прежній порядокъ взиманія крѣпостныхъ пошлинъ былъ снова измѣненъ указомъ 1723 года іюля 11-го, въ силу котораго крѣпостныя пошлины стали собираться въ Крѣпостной конторѣ. Вскорѣ, однако, порядокъ писанія крѣпостей былъ снова измѣненъ: кромѣ Вотчинной Коллегіи, которая, судя по сенатскому указу 1726 года, завѣдывала запиской купчихъ и закладныхъ, справкой за дѣтьми, послѣ отцовъ и другихъ родственниковъ, по наслѣдству и т. п., указомъ 1731 года іюня 17-го велѣно было всякія крѣпости писать, свыше ста рублей, въ губернскихъ и провинціальныхъ городахъ опредѣленнымъ къ тому канцелярскимъ чиновникамъ, въ Москвѣ подъ надзоромъ Юстицъ-Коллегіи, а въ городахъ подъ смотрѣніемъ губернаторовъ и воеводъ. Наконецъ, по упраздненіи Юстицъ-Коллегіи и Вотчинной конторы, замѣ-

¹⁾ А. Ю. Б., т. II, №№ 129, II; 148 и 397. Б. Грековъ, Описаніе актовыхъ книгъ Археографической Коммисіи, въ Лѣтоп. зан. Археогр. Ком., в. XXVIII (1916 г.), сс. 7, 61, 68.

явившихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Помѣстный и Судный приказы, вступила въ ихъ права, въ силу Учрежденія о губерніяхъ 1775 года, Палата гражданскаго суда; впрочемъ, акты на недвижимыя имѣнія совершались и въ уѣздныхъ судахъ. Вскорѣ затѣмъ наряду съ Вотчиннымъ архивомъ, извѣстнымъ подъ такимъ названіемъ уже съ 1726 года, учрежденъ былъ еще Государственный Архивъ старыхъ дѣлъ въ Петербургѣ указомъ 24 октября 1780 года и въ Москвѣ указомъ 2 октября 1782 года; сюда стали стекаться дѣла вышеназванныхъ упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ ¹⁾. Съ теченіемъ времени той же судьбѣ подверглись и документы губернскихъ учреждений: вмѣстѣ съ Архивами старыхъ дѣлъ и Вотчиннымъ, получившимъ, въ качествѣ особаго учрежденія, свои штаты лишь въ силу указа отъ 7 января 1786 года, они были переданы послѣ судебной реформы 20 ноября 1864 года на храненіе въ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, гдѣ, такимъ образомъ, и сосредоточилась главная масса старинныхъ документовъ, въ томъ числѣ и частныхъ актовъ ²⁾.

Въ настоящее время Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, образованный 7-го іюля 1852 года, состоитъ изъ трехъ отдѣленій, между которыми и распределены документы вышеназванныхъ прежнихъ хранилищъ: кромѣ Разряднаго Архива, дѣла котораго были переданы въ I отдѣленіе, документы Архива старыхъ дѣлъ составили II отдѣленіе, а документы Вотчиннаго Архива — III отдѣленіе нынѣшняго Архива Министерства Юстиціи ³⁾.

Въ составъ II отдѣленія вошли, между прочимъ, фонды,

¹⁾ П. С. З., т. XX, № 15074, т. XXI, № 15530. Печатныя вошлины взи-
мались сперва въ Печатномъ приказѣ, а съ 1722 года въ Печатныхъ конторахъ
(Петербургской и Московской), упраздненныхъ указомъ 15 декабря 1763 года.
Государственный Московскій архивъ старыхъ дѣлъ былъ официально открытъ
13 марта 1783 года.

²⁾ Описаніе докум. и бум. Моск. Арх. Мин. Юстиціи, т. V, сс. 153—218
о челобитчиковыхъ дѣлахъ, особенно сс. 178—182), 399—445.

³⁾ Сборникъ матеріаловъ, относящихся до архивной части въ Россіи,
Петр. 1916, т. I, сс. 361—425.

имѣющіе значеніе и для изученія частныхъ актовъ; сюда относятся: а) дѣла Суднаго приказа, соединившаго въ себѣ производства нѣсколькихъ старинныхъ приказовъ (Московского, Владимірскаго, Дмитровскаго и др.); в) дѣла Юстицъ-Коллегіи и ея конторы, въ томъ числѣ, напримѣръ, „книги записныя вотчинныя“ въ продажѣ вотчинъ (вмѣстѣ съ людьми и крестьянами); „книги записныя крестьянскія“ въ продажѣ крестьянъ, выдачѣ отпускныхъ и т. п.; „книги записныя письма крѣпостей“: купчихъ, поступныхъ, закладныхъ и т. п.; „книги крѣпостныя жилия“, содержащія жилия, т. е. сдѣлки личнаго найма или отработки долга; „книги записныя наемныхъ дворовъ, дворцовыхъ земель“ и пр.; „книги записныя въ займѣ денегъ“ по заемнымъ кабаламъ и подѣ закладъ движимаго и недвижимаго имущества; „книги записныя духовныхъ завѣщаній“, явленныхъ въ Юстицъ-Коллегіи; „книги подлинныя вѣрющимъ письмамъ“ съ записями довѣренностей; „книги записныя приказныя поручнымъ записямъ“; е) дѣла Коллегіи Экономіи, завѣдывавшей управленіемъ церковными имуществами и сборами съ нихъ податей, въ особенности послѣ ихъ секуляризаціи; вмѣстѣ съ ея дѣлопроизводствомъ поступило богатое „собраніе грамотъ Коллегіи Экономіи“. Въ общей сложности въ дѣлахъ Коллегіи Экономіи насчитывается до 608 книгъ съ грамотами (въ спискахъ) и до 15028 отдѣльныхъ подлинныхъ грамотъ, расположенныхъ по уѣздамъ и относящихся къ 1356 — 1795 годамъ; между ними много частныхъ актовъ ¹⁾.

Въ составъ III отдѣленія вошли дѣла Помѣстнаго приказа, а также вотчинной коллегіи (съ конторой и департаментомъ) и вотчинные архивы; они заключаютъ въ себѣ, кромѣ значительнаго собранія писцовыхъ и другихъ книгъ, челобитныя о дачѣ помѣстій, о запискѣ за просителями прію-

¹⁾ *И. Ивановъ*, Описание Государственнаго Архива старыхъ дѣлъ, М. 1850 г., сс. 27—29, 45—56, 72—73. Памятная книжка Московскаго Архива Министерства Юстиціи, М. 1890 г., сс. 47, 57, 61—62, 69—73 и др. О Разрядномъ архивѣ см. выше, с. 61, прим. 1. Ср. *А. Лаппо-Данилевскій*, Планъ изданія архивныхъ документовъ XVI—XVIII вв., въ Прил. къ прот. Ист.-Фил. Отд. Академіи Наукъ, 10 янв. 1901 г.

брѣтенныхъ ими имѣній, о нарушеніяхъ поземельныхъ правъ и проч., а также справки по челобитнымъ, допросы, распоряженія о запискѣ и отказѣ земель за новыми пріобрѣтателями, разборъ и судъ по спорнымъ дѣламъ, съ приговорами по нимъ, и т. п. Въ такихъ дѣлахъ попадаются, конечно, и частные акты, напримѣръ, записныя книги подлиннымъ крѣпостямъ на земли съ крестьянами и на крестьянъ безъ земли, а также записныя книги явленнымъ крѣпостямъ (купчимъ, закладнымъ и проч.), [заключаютъ] документы, касающіеся недвижимыхъ имѣній: данныя, раздѣльныя, мѣновныя, сдаточныя на помѣстья, отпускныя крестьянъ на волю, мировыя и т. п. ¹⁾).

Кромѣ того, въ Архивѣ Министерства Юстиціи имѣются дѣла изъ архивовъ присутственныхъ мѣстъ, упраздненныхъ судебною реформою 20 ноября 1864 года, въ томъ числѣ и дѣла гражданскихъ палатъ разныхъ губерній, содержащія также частные акты; слѣдуетъ замѣтить, что даже въ позднѣйшихъ дѣлахъ XVIII вѣка (особенно касающихся землевладѣнія) почти постоянно встрѣчаются въ копіяхъ документы болѣе ранняго времени: XVI и XVII вв. ²⁾).

Кромѣ Московского Архива Министерства Юстиціи, сосредоточившаго въ себѣ храненіе большинства старѣйшихъ актовъ, въ особенности частныхъ, можно указать еще на менѣе значительныя хранилища актовъ, преимущественно частныхъ. Въ Публичномъ и Румянцевскомъ Музеѣ, напримѣръ, имѣются собранія И. Д. Бѣльева, который составилъ коллекцію 2254, главнымъ образомъ, частныхъ актовъ XV—XVII вв., и Я. П. Гарелина, менѣе систематическаго и болѣе разнороднаго по своему содержанию, въ количествѣ 3016 грамотъ, относящихся „почти исключительно къ Суздальской области“, преимущественно XVII вѣка ³⁾).

¹⁾ Памятная книжка Московскаго Архива Министерства Юстиціи, сс. 38—52.

²⁾ Ibid., сс. 149, 150 и др.

³⁾ Д. Лебедевъ. Собраніе историко-юридическихъ актовъ И. Д. Бѣльева, М. 1881 г. *Его-же*, Описаніе собранія рукописей Я. П. Гарелина, въ Отчетѣ Отдѣленія рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ за 1886—1888 г.г., сс. 1—86.

Въ числѣ архивовъ, образованныхъ еще въ XVIII вѣкѣ, но не слившихся съ Московскимъ архивомъ Министерства Юстиціи, можно указать еще на одно хранилище, имѣющее близкое отношеніе къ изученію частныхъ актовъ: архивъ Межевой Канцеляріи, возникшій благодаря указу 16 января 1768 года, содержитъ богатое собраніе подлинныхъ плановъ и межевыхъ книгъ на всѣ дачи и участки, а равно и многіе другіе межевые матеріалы, выясняющіе положеніе поземельной собственности во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ производилось и донинѣ еще производится межеваніе; матеріалы, собранные въ немъ, даютъ возможность опредѣлить положеніе, пространство и границы поземельныхъ владѣній, т.-е. „существенно важныя данныя, безъ которыхъ точная опредѣлительность поземельной собственности немыслима“, главнымъ образомъ, со времени обнародованія межевой инструкціи 1766 года; нѣсколько позднѣе, а именно съ 1796 года, архивъ былъ раздѣленъ на два отдѣла: писцовый, дающій понятіе о межевыхъ дѣйствіяхъ по каждой дачѣ, и чертежный, состоящій изъ межевыхъ документовъ, порожденныхъ такими дѣйствіями, т.-е. изъ плановъ и межевыхъ книгъ, относящихся, главнымъ образомъ, къ XVIII—XIX столѣтіямъ ¹⁾.

Менѣе важное значеніе для дипломатики частныхъ актовъ имѣютъ другія Московскія хранилища, едва-ли содержащія цѣльные фонды подобнаго рода. Въ числѣ ихъ нельзя не отмѣтить Синодальную библіотеку, въ которой есть нѣсколько сборниковъ актовъ, любопытныхъ въ дипломатическомъ отношеніи, а также Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; здѣсь, по „не дипломатическому отдѣлу“, хранятся, между прочимъ, духовныя и другія крѣпости и записи московскихъ и удѣльныхъ князей, а также поручныя записи князей и бояръ; приказныя дѣла старыхъ и новыхъ лѣтъ, въ составѣ которыхъ встрѣчаются частныя акты: порядныя, поручныя и т. п.; нѣкоторыя записныя книги крѣпостямъ,

¹⁾ М., Архивъ Межевой Канцеляріи, въ Русскомъ Вѣстникѣ 1868 г., Совр. лѣт., №№ 33, 37, 38, 42 и 46; 1869 г., № 10. См. отд. отд. М. 1868 г., I. сс. 6, 7; II, сс. 25, 29; IV, сс. 9 (объ „экономическихъ примѣчаніяхъ“), 32.

напримѣръ, по Новгороду и Нижнему-Новгороду; акты о выѣздѣ въ Россію иностранцевъ; портфели Г. Ф. Миллера съ значительнымъ количествомъ сибирскихъ актовъ и т. п.¹⁾

Петроградскія хранилища, возникшія въ болѣе позднее время и образовавшіяся изъ довольно разнообразныхъ, иногда случайныхъ пріобрѣтеній, особенно Публичная Библіотека и Археографическая Комиссія обладаютъ довольно значительными собраніями актовъ. Въ рукописное отдѣленіе Публичной Библіотеки, между прочимъ, поступило, кромѣ извѣстнаго собранія графа Ө. А. Толстого, богатое древлехранилище М. П. Погодина, въ составѣ котораго оказалось не мало пергаминныхъ грамотъ Коллегіи Экономіи, а также другихъ актовъ²⁾. Въ Археографической Комиссіи, кромѣ нѣсколькихъ сотъ грамотъ, нѣкогда принадлежавшихъ Коллегіи Экономіи, и актовъ Новгородской казенной палаты, касающихся вотчинныхъ владѣній Софійскаго митрополичьяго дома, а также разныхъ монастырей и церквей, хранятся еще: собраніе П. М. Строева (общимъ числомъ до 3330 номеровъ), изъ котораго почти исключительно почерпнуты были матеріалы для извѣстнаго сборника „Актовъ Юридическихъ“; далѣе, коллекціи П. И. Савваитова (вологодскіе акты), В. Борисова (шуйскіе акты) и Каблукова (въ послѣдней есть акты XVIII вѣка); довольно богатый архивъ бывшаго Коряжемскаго монастыря и другіе фонды³⁾. Менѣе важное значеніе

¹⁾ Сборн. Моск. Главн. Арх. Мин. Ив. Дѣль, в. II, М. 1882, сс. 137—138 и др.

²⁾ К. Калійдовичъ и П. Строевъ, Описаніе славяно-россійскихъ рукописей... графа Ө. А. Толстого. М. 1823 г. Первое и второе прибавленіе къ нему издано П. Строевымъ въ С.-Пб. и М., въ 1825 г. и 1827 гг. Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1852 г., С.-Пб. 1853 г., с. 42—52; то-же за 1876 г. С.-Пб. 1878 г., сс. 25—26 и др.

³⁾ А. Ю. с. III. „Архивъ П. М. Строева“, изданіе Археографической Комиссіи, въ Р. И. Б., тт. XXXII и XXXV. Н. Барсуковъ, Рукописи Археографической Комиссіи, С.-Пб. 1882 г. М. Курдюмовъ, Описаніе актовъ, хранящихся въ архивѣ Императорской Археографической Комиссіи, въ Лѣтоп. зан. Археогр. Ком., вв. 19 (1908 г.), 21 (1909 г.), 23 (1911 г.), 26 (1914 г.) и 27 (1915 г.); тутъ-же описаны акты Кунгурскіе и Соликамскіе, акты Муромскаго и Вѣжецкаго уѣзднаго судовъ, акты Тульскаго губернскаго правленія и Каширскаго го-

имѣють для дипломатики частныхъ актовъ нѣкоторые другія петроградскія хранилища, напримѣръ, архивъ Святѣйшаго Синода, заключающей, между прочимъ, грамоты, завѣщанія духовныхъ лицъ, имущественныя описи позднѣйшаго времени и т. п.; при немъ имѣется собраніе актовъ И. К. Зинченки: оно преимущественно касается поморскихъ уѣздовъ и содержитъ не мало частныхъ актовъ¹⁾. Въ рукописное отдѣленіе Библиотеки Россійской Академіи Наукъ также поступило нѣсколько собраній актовъ: Я. П. Бередникова, Г. Х. Гамеля, К. К. Ширрена, М. И. Семейскаго и Н. Н. Кашкина, дополненныхъ позднѣйшими приобрѣтеніями буростровскихъ, важскихъ и пошехонскихъ столбцовъ, а также актовъ, касающихся крестьянской вѣтви Строгановыхъ. Въ Археологическомъ Институтѣ находится нѣсколько „старинныхъ рукописей, начиная съ XV вѣка, свитковъ и грамотъ“, между которыми особое мѣсто занимаетъ нѣкоторая часть вотчиннаго архива князей Куракиныхъ²⁾.

Кромѣ столичныхъ архивовъ, можно, конечно, указать и на нѣкоторые областныя и провинціальныя. Въ числѣ областныхъ архивовъ особенно значительны „центральные“ архивы: Кіевскій, Виленскій и Витебскій³⁾. Въ провинціальныхъ хранилищахъ, особенно въ монастыряхъ, архивы которыхъ не перешли въ центральныя вѣдомства или не разошлись по рукамъ или исчезли, еще имѣются матеріалы подобнаго рода, напримѣръ, въ Соловецкомъ, Кирилло-Новозерскомъ, Александро-Свирскомъ, Колязинскомъ, Спасо-Евфиміевскомъ, Тихвинскомъ и т. п.⁴⁾. Въ частныхъ хранилищахъ, напримѣръ, графа А. С.

родническаго правленія, также поступившіе въ Комиссію. Документы, попавшіе туда-же изъ Вятской казенной палаты, судя по описанію М. А. Островской, не относятся къ частнымъ актамъ; см. тамъ-же, в. 18 (1905 г.).

¹⁾ Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, т. I (1868 г.) и друг. Ср. М. *Островская*, Земельный бытъ сельскаго населенія Русскаго Сѣвера въ XVI—XVII вѣкахъ, С.-Пб 1913 г., сс. 24, 26, 30 и др.

²⁾ Вѣстн. Археол. и Ист., в. VIII, с. 15.

³⁾ Сборн. Археол. Инст., в. III (1880), сс. 55—82; в. V, сс. 45—56.

⁴⁾ А. *Викторовъ*, Описи рукописныхъ собраній въ книгохранилищахъ Сѣверной Россіи, Сиб. 1890, сс. 132, 169, 195, 283—284, 316 и др.

Уварова, А. А. Титова, И. А. Вахрамѣева, графа М. М. Толстого и др. имѣются также собранія частныхъ актовъ¹⁾).

Положеніе нашихъ нотаріальныхъ архивовъ, столь важныхъ для изученія частныхъ актовъ позднѣйшаго времени, до сихъ поръ мало выяснено. По силѣ 42 статьи Положенія о нотаріальной части, при каждомъ окружномъ судѣ учреждается, подъ завѣдываніемъ старшаго нотаріуса, нотаріальный архивъ для храненія крѣпостныхъ, запретительныхъ и разрѣшительныхъ книгъ, а также книгъ, реестровъ и подписей нотаріусовъ и лицъ, ихъ замѣняющихъ“. Въ 1867 году 27 іюня были высочайше утверждены штаты нотаріальныхъ архивовъ при окружныхъ судахъ, раздѣленныхъ на четыре разряда²⁾).

Накопецъ, кромѣ отмѣченныхъ выше главнѣйшихъ хранилищъ, можно было бы указать и на многія другія, въ составъ которыхъ вошли и частные акты; но они большею частью представляются въ довольно разрозненномъ видѣ и не поддаются систематическому обзорѣню.

§ 2. Развитие русской дипломатики и ея литература.

Русская дипломатика частныхъ актовъ возникла сравнительно недавно и не отличается богатствомъ своей литературы. Въ древности, разумѣется, научныя свѣдѣнія по дипломатикѣ еще не выдѣлялись въ особую дисциплину и лишь практически примѣнялись въ канцеляріяхъ, напримѣръ, великокняжеской и митрополичьей, или при разсмотрѣніи на судахъ грамотъ, вызывавшихъ сомнѣніе въ ихъ подлинности; свѣдѣнія о такомъ разбирательствѣ можно почерпнуть изъ правыхъ грамотъ, напримѣръ, той, которая была выдана по поводу тяжбы между С. В. Стромилковымъ и И. М. Черто-

¹⁾ Описание актовъ собранія графа А. С. Уварова, Акты историческіе, М. 1905. В. Иконниковъ. Новыя коллекціи рукописей въ Россіи, въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ 1889 года. А. Маркевичъ, Описание актовъ, принадлежащихъ графу М. М. Толстому. Одесса, 1881.

²⁾ Сборн. матер., относящихся до архивной части въ Россіи, т. II, сс. 210—214.

вымъ, 1565—1566 г.г.¹⁾). Впрочемъ, можно указать на попытки дипломатическаго обращенія съ актами уже въ XVII вѣкѣ. Въ одномъ сборникѣ того времени, можетъ быть, принадлежащемъ монаху Евѳимію и писанномъ тѣмъ же почеркомъ, что и книга „Щить вѣры“, вслѣдъ за словомъ о житіи митрополита Алексія составитель помѣстилъ копіи съ ярлыковъ, выданныхъ ханами русскимъ митрополитамъ, съ слѣдующей предварительной замѣткой: „Достоить изъяснити, како царіе ординстїи чествоваху архіерей россійскія и како церковь святую и церковники свободны имяху отъ всякихъ даней и поборовъ“. „Ярлыки, сирѣчь жаловалныя грамоты и каковы давали царіе ординстїи и вси митрополитомъ Кіевскимъ и всея Русїи, легость церковнымъ домомъ и людемъ“. Далѣе слѣдуетъ перечисленіе ярлыковъ—всѣхъ ярлыковъ шесть. Послѣ нихъ приписка, часто встрѣчающаяся за ярлыками: „суть же и иныя велицы ерльцы предани быша церкви Божіей“ и пр. Вслѣдъ за этимъ составитель присоединилъ списокъ съ „грамматы на паргаминѣ писанную св. Алексія митрополита всея Россїи, подписанную по гречески рукою его свойственною, обрѣтающаяся въ домовою казнѣ Рязанскія митрополїи“. Эта грамота писана митрополитомъ на Червленый Яръ боярамъ и духовенству о подчиненїи (ихъ?) Рязанскому епископу; она напечатана въ А. И., т. I, № 3. Въ концѣ грамоты списана подпись митрополита, которой въ печати нѣтъ: „Ἀλέξιος ἐλέφ Θεοῦ μητροπολίτης πάσης Ῥωσσίας καὶ ὑπερίτιμος“, и прибавлено: „и печать у грамоты привѣшена, на единой странѣ образъ пречистыя Богородицы, на второй странѣ тожде подписаніе по гречески изваяно имущая“. Далѣе помѣщены матеріалы, не имѣющіе отношенія къ митрополиту Алексію; они касаются позднѣйшаго времени²⁾.

¹⁾ Н. Лихтчевъ, Изъ лекцій по дипломатикѣ, СПб. 1906, сс. 21—31.

²⁾ А. Горскій и К. Невоструевъ, Описаніе слав. рукоп. Московской Синодальной Библіотеки, отд. II, ч. 3. М. (1862 г.), № 338, стр. 814—815; въ началѣ сборника (л. 1—13): краткій отрывокъ изъ Баронїа о Михаилѣ Кируларїѣ и слово на бывшее чудо въ Колассаяхъ Фригійскихъ отъ всеславнаго архистратига Михаила. Въ разныхъ мѣстахъ сборника—выноски, поправки и приписки монаха Евѳимїа; не ему-ли принадлежалъ сборникъ?

Въ слѣдующемъ столѣтїи нѣкоторые изъ ученыхъ, занимавшихся русской исторїей, уже обратили серьезное вниманїе на акты, напримѣръ, Г. Ф. Миллеръ и кн. М. М. Щерба-товъ; Н. И. Новиковъ также напечаталъ нѣсколько частныхъ актовъ въ своей „Древней Россійской Вивлюнкѣ“, вслѣдъ за которой появилось изданное Академіей „Продолженіе“. Само правительство, въ лицѣ императрицы Екатерины II, повидимому, нѣсколько заинтересовалось „граммотами, какія и въ какомъ случаѣ употреблялись:

1. Въ иностранныя государства—во всякихъ случаяхъ.
2. Къ намѣстникамъ всѣхъ княженій—во всякихъ дѣлахъ.
3. Какъ отъ государей, такъ и изъ всѣхъ приказовъ—во всякихъ дѣлахъ.
4. Уставныя—для учрежденія каково либо порядка или положенія податей.
5. Опасныя—ежели на кого кто похвалится убивствомъ давались съ таковымъ предписаніемъ, если тотъ, кому дана сія грамота, убитъ будетъ, то будетъ признанъ убійцею тотъ, кто похвалялся.
6. Несудимыя—даваны съ тѣмъ, чтобы они въ городахъ, а иногда и кромѣ государей, ни въ какихъ дѣлахъ судимы не были; оныя Уложениемъ отставлены.
7. Жалованныя—на дворцовыя, родовыя и купленныя деревни и на такія, которыя пожалованы изъ помѣстья въ вотчину, также на дворянство, но кто изведеніе изъ нижней въ вышнюю степень, на поверстаніе въ помѣстной окладъ и на опредѣленіе къ мѣсту для управленія чего.
8. Данныя—торговымъ людямъ на владѣніе лавокъ, кои и нынѣ даются на проданныя казенныя мѣста и дома, вмѣсто крѣпостей, на рыбныя ловли и пр., отданныя изъ оброку.
9. Оберегательныя или охранительныя листы—въ какомъ случаѣ давались, точно неизвѣстно.
10. Тарханныя или льготныя—давались съ обозначеніемъ

времени тѣмъ, которые освобождены бывали отъ поборовъ, податей и постою, или чѣмъ казеннымъ кому позволялось безъ платежа пользоваться, также и тѣмъ, кто придетъ изъ заграницы и поселится на дворцовыхъ земляхъ для освобожденія отъ поборовъ и податей.

11. Правыя—тѣмъ, кто по суду въ чемъ оправленъ.
12. Уговоршикамъ хлѣбнымъ—подрядчикомъ, дабы не препятствовали имъ въ поставкѣ хлѣба.
13. Ссыскныя—посылалися для сыску и свидѣтельства порозжихъ земель.
14. Отказныя—для объявленія, что деревни или земли какія почитать во владѣннн кого либо и описанія оныхъ.
15. Вводныя—въ доказательство, что имѣеть право владѣть тѣми деревнями или землями, которыя въ нихъ помянуты, вмѣсто коихъ нынѣ даются выписи на владѣннн.
16. Долговныя—указы о взысканнн съ кого какого долга по обязательствамъ.
17. Откупныя—объ отдачѣ на сткупъ изъ казны чего.
18. Зазывныя—для позыву къ суду.
19. Проѣзжія—для проѣзда въ другія государства и изъ города въ городъ, вмѣсто коихъ нынѣ дается паспортъ.
20. Полѣтныя—въ случаѣ кому каково нещастья о невзысканнн долговъ на цѣкоторое время¹⁾.

Въ началѣ XIX вѣка кружокъ графа Н. П. Румянцева много сдѣлалъ для того, чтобы подготовить дальнѣйшее развитіе русской дипломатики: „Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ“ уже было основано на такихъ подготовительныхъ работахъ, хотя и не вполне удовлетворяетъ новѣйшимъ требованнмъ научно-издательской техники²⁾.

¹⁾ Госуд. Арх. X, № 19—„рукописи имп. Екатерины II“—л. 311

²⁾ Очеркъ дѣятельности Комиссіи печатанн государственныхъ грамотъ и договоровъ. М. 1877.

Старшій членъ кружка, Евгений Болховитиновъ, собралъ обширный матеріалъ, появившійся на страницахъ извѣстнаго труда Амвросія Орнатскаго по исторіи Россійской іерархіи, гдѣ напечатано было немало актовъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ 1818 году митрополитъ Евгений уже выступилъ съ обстоятельной статьей, посвященной дипломатическому обслѣдованію, согласно правиламъ Мабильона и Гаттерера, древнѣйшей изъ сохранившихся нашихъ грамотъ, а именно „грамоты великаго князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславича, удѣльнаго князя Новгородскаго, пожалованной Новгородскому Юрьеву монастырю“; въ своей работѣ митрополитъ Евгений обратилъ особенное вниманіе на время появленія грамоты, на нѣкоторыя невразумительныя слова ея текста, на матеріалъ и чернила, послужившіе для ея написанія, на почеркъ и образецъ буквъ и правописаніе, а также на строчные и надстрочные при буквахъ знаки, и, наконецъ, на „признаки удостовѣренія дателя грамоты“, причемъ остановился на разборѣ рукоприкладствъ и, по поводу вопроса о печатяхъ, описалъ всѣ извѣстныя ему великокняжескія, царскія и архіерейскія печати¹⁾. Одинъ изъ младшихъ членовъ кружка, К. Θ. Калайдовичъ, выступилъ по поводу напечатанныхъ Х. А. Шлецеромъ двухъ грамотъ, касающихся сношеній Новгорода съ Ганзою, съ истолкованіемъ ихъ смысла и содержанія²⁾. Вскорѣ затѣмъ С. Г. Саларевъ сдѣлалъ попытку разобраться въ разновидностяхъ Россійскихъ грамотъ и, между прочимъ, далъ краткую характеристику „крѣпостей“, т. е. купчихъ, закладныхъ, поустинныхъ и проч., а также сдаточныхъ, полныхъ и отпускныхъ, раздѣльныхъ или передѣльныхъ, духовныхъ или завѣщательныхъ, отказныхъ и межевыхъ, служилыхъ и заемныхъ кабалъ, поручныхъ и т. п., причемъ сообщилъ нѣсколько

¹⁾ Митрополитъ *Евгеній*, Примѣчанія на грамоту великаго князя Мстислава Володимировича и проч., въ Вѣстникѣ Европы 1818 года, ч. С и СІ, №№ 15—16, 20, сс. 200—255.

²⁾ К. *Калайдовичъ*, Замѣчанія и объясненія двухъ грамотъ Новгородскихъ, въ Вѣстникѣ Европы 1812 года, ч. 61, № 3, сс. 204—232; грамоты были напечатаны Х. А. Шлецеромъ тамъ же, 1811 г., №№ 23 и 24.

свѣдѣній, не всегда, впрочемъ, безошибочныхъ, о ихъ значеніи и способахъ ихъ удостовѣренія ¹⁾).

Къ тому же времени относится и появленіе анонимной книги „Объ актахъ крѣпостныхъ, завѣщательныхъ, договорныхъ, заемныхъ и вексельныхъ“. Авторъ, писавшій свой трудъ въ виду не столько научныхъ, сколько практическихъ цѣлей, даетъ прежде всего общее понятіе объ актѣ, т. е. о „знакѣ, утверждающемъ принадлежность какой либо вещи или отношеніе одного человѣка къ другому“, и выясняетъ происхожденіе актовъ, а затѣмъ переходитъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ видовъ: купчихъ, „дареныхъ“, рядныхъ и раздѣльныхъ записей, духовныхъ завѣщаній, условій, контрактовъ, векселей, закладныхъ и всѣхъ родовъ заемныхъ писемъ, присоединяя къ нему ихъ образцы, которые могутъ служить иллюстраціями формуляровъ старинныхъ частныхъ актовъ ²⁾. Въ то же время П. М. Строевъ приступилъ къ цѣлому ряду археографическихъ работъ, положившихъ прочное основаніе русской дипломатикѣ: подъ влияніемъ графа Н. П. Румянцева онъ принялся за собираніе и изданіе актовъ; во время своей извѣстной археографической экспедиціи онъ вывезъ значительную ихъ коллекцію, въ томъ числѣ не мало частныхъ; послѣдніе и составили главное содержаніе того систематическаго сборника „Актовъ Юридическихъ“, который былъ изданъ Археографической Комиссіей въ 1838 году и до сихъ поръ является главнѣйшимъ источникомъ для ознакомленія съ основными разновидностями частныхъ актовъ ³⁾.

Основаніе Археографической Комиссіи Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1834 году содѣйствовало дальнѣйшему развитію подобныхъ работъ ⁴⁾; въ ея составѣ послѣ

¹⁾ С. Саларевъ, Описаніе разнаго рода російскихъ грамотъ, въ Вѣстникѣ Европы 1819 г., ч.ч. СIII и CIV, №№ 4 и 5, въ особенности № 5, сс. 29—38.

²⁾ Объ актахъ и проч.. М. 1819 г.

³⁾ Н. Барсуковъ, Жизнь и труды П. М. Строева, С.-Пб. 1878 г.

⁴⁾ Дѣятельность Археографической Комиссіи въ царствованіе государя императора Александра II (19 февраля 1855 г.—19 февраля 1880 г.), С.-Пб. 1880 г. Пятидесятилѣтіе Археографической Комиссіи, С.-Пб. 1885 г. Семидесятилѣтіе Императорской Археографической Комиссіи (1834—1909). С.-Пб. 1909 г.

И. М. Строева и Я. И. Бердникова главнымъ редакторомъ сталъ А. А. Куникъ.

А. А. Куникъ обладалъ большими знаніями, но эти знанія ему такъ и не удалось собрать въ систему. Имъ выдвинуты были два вопроса, изъ которыхъ первый касался составленія указателя русскихъ грамотъ. Еще до него въ этомъ направленіи были сдѣланы нѣкоторыя попытки, оказавшіяся не вполне удачными. Такъ, А. В. Терещенко занялся составленіемъ списка всѣхъ актовъ на русскомъ языкѣ, разбросанныхъ по разнымъ изданіямъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ трудился онъ надъ собираніемъ матеріаловъ, и все же въ его указатель вошло едва ли многимъ болѣе половины всѣхъ напечатанныхъ къ тому времени грамотъ. Куникъ, которому Археографической Комиссіей поручено было приступить къ изданію указателя Терещенко, убѣдился въ томъ, что указатель этотъ во многихъ отношеніяхъ оказывается неудовлетворительнымъ и предложилъ составить новый хронологическій указатель русскихъ грамотъ и документовъ. По его мнѣнію, приступая къ этой задачѣ, нужно прежде всего собрать весь относящійся сюда матеріалъ; затѣмъ слѣдуетъ дать перечень всѣхъ собранныхъ актовъ, который будетъ заключаться въ точной перепечаткѣ ихъ оглавленій. Лишь въ томъ случаѣ, если грамота вовсе не озаглавлена или озаглавлена неудовлетворительно, необходимо добавить нѣсколько словъ или добавить заглавіе, указывающее на содержаніе грамоты. За оглавленіями должны слѣдовать сперва хронологическій комментарий, потомъ указатель личныхъ и географическихъ именъ. Второй вопросъ, выдвинутый Куникомъ, касался необходимости разсмотрѣнія отдѣльныхъ грамотъ и другихъ документовъ, напечатанныхъ въ Исторической Библіотекѣ Коммисси, въ Древней Россійской Вивліюнкѣ и особыхъ археографическихъ сборникахъ, и затѣмъ описанія ихъ. И первому и второму вопросу Куникъ предполагалъ посвятить спеціальную книгу. Археографическая Комиссія предложила Кунику немедленно приступить къ намѣченной имъ работѣ, тѣмъ не менѣе это ни къ чему не привело. Хотя уже въ слѣдующемъ году Куникъ

заявилъ, что главный текстъ первой книги перечня русскихъ грамотъ имъ напечатанъ, но дальше этого дѣло не пошло, и до сихъ поръ остается даже невыясненнымъ, сохранился ли трудъ Куника.

Насчитывается 16 главнѣйшихъ сборниковъ частныхъ актовъ, изъ нихъ первые шесть—общіе (смѣшаннаго содержания), а остальные мѣстные:

- ✓ 1. Акты Юридическіе, СПб. 1838 года, изданы Археологической Комиссіей.
- ✓ 2. Акты, относящіеся до юридическаго быта. I—III. СПб. 1857—1884 г.г., также изданы Археологической Комиссіей.
- ✓ 3. Акты, представленные въ Разрядный приказъ, собраны и изданы А. Юшковымъ, ч. I. М. 1898 г.
- ✓ 4. Сборникъ актовъ, собранныхъ въ архивахъ и библиотекахъ (главнымъ образомъ, первой половины XVI в.). Выпускъ I: духовныя и сговорныя грамоты; выпускъ II: грамоты правыя. Собраны и изданы Н. Лихачевымъ, СПб. 1895 г.
- ✓ 5. Обзоръ грамотъ Коллегіи Экономіи С. Шумакова, вв. I—IV, М. 1899—1917 г.г. (бѣжецкихъ, ала-торскихъ, бѣлозерскихъ, костромскихъ, переяславскихъ и т. д.).
- ✓ 6. Сотницы, грамоты и записи, изданныя С. Шумаковымъ, М. 1902—1913 г., вв. I—VII.
- ✓ 7. Двинскія грамоты XV вѣка, изданныя А. Шахматовымъ, СПб. 1903 г. (Новгородская традиція).
- ✓ 8. Новгородскія грамоты въ Записныхъ книгахъ крѣпостнымъ актамъ XV—XVI вѣковъ, явленнымъ въ Новгородѣ дьяку Д. Алябеву—изданныя подъ редакціей А. Лагера въ Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній Н. Калачова 1855 года, книга 2, пол. 1, отд. 2. и подъ редакціей А. Лаппо-Данилевскаго въ Русской Исторической Библиотекѣ, томъ XVII (1898 г.).

- ✓ 9. Русская Историческая Библиотека; особенно томъ II и т.т. XII, XIV, XXV (акты Холмогорской и Устюжской епархіи).
- ✓ 10. Древніе акты, относящіеся къ исторіи Вятскаго края, (приложеніе ко II тому сборника Столѣтіе Вятской губерніи), Вятка 1881 г.
- ✓ 11. Тверскіе акты, изданные подъ редакціей С. Шумакова, выпуски I—II, Тверь 1896—1897 г.
- ✓ 12. Угличскіе акты, изданные подъ редакціей С. Шумакова. М. 1899 г.
- ✓ 13. Грамоты Рязанскаго края А. Н. Пискарева. 1854 г.
- ✓ 14. Историческіе и юридическіе акты Казанской и сосѣдственныхъ съ нею губерній, собранныя П. Мельниковымъ.
- ✓ 15. Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго приказа Казанскаго Дворца, вып. I—VI, Казань—Симбирскъ 1882—1912 г.г.
16. Воронежскіе акты, изданные Н. Второвымъ и К. Александровымъ-Дольникомъ, I-е изд. 1849—1850 г.г., 2 кн., изд. II-е, 1850—1853 г.г., 3 кн., а также Воронежской Архивной Комиссіей (въ вып. V-мъ „Трудовъ“).

Несмотря на довольно значительное число болѣе или менѣе цѣнныхъ научныхъ изданій актовъ, современная литература по русской дипломатикѣ все еще очень небогата. Въ числѣ ученыхъ второй половины прошлаго вѣка, значительно подготовившихъ ея развитіе, нельзя не указать на знатока нашей древней письменности И. И. Срезневскаго, но, какъ филологъ, онъ изслѣдовалъ памятники по преимуществу съ точки зрѣнія палеографіи. Въ болѣе ранній періодъ И. Д. Бѣляевъ и Н. В. Калачовъ обнаружили нѣкоторый интересъ къ подобнаго рода изслѣдованіямъ. И. Д. Бѣляевъ напечаталъ нѣсколько статей, посвященныхъ, напримѣръ, выясне-

нію „Списковъ судныхъ, докладныхъ и грамотъ правыхъ и безсудныхъ въ Московскомъ Государствѣ“, а также „актовъ, устанавливающихъ крѣпостное право въ Россіи“, и напечаталъ нѣсколько другихъ частныхъ актовъ¹⁾. Н. В. Калачовъ также оказалъ не мало услугъ русской дипломатикѣ: онъ составилъ и издалъ новый систематическій и широко задуманный сборникъ актовъ, относящихся до юридическаго быта; вмѣстѣ съ тѣмъ написалъ нѣсколько работъ, въ которыхъ онъ обратилъ вниманіе, на примѣръ, на старинные наши формулярники, содержащіе вступленія въ письма, и касался актовъ, занесенныхъ въ крѣпостной книгѣ XVI в., „рядныхъ, въ смыслѣ свадебныхъ сговоровъ“ и „договоровъ вольныхъ людей о поступленіи въ крестьяне и дворовые на срочное время“ и т. п.; кромѣ того, онъ предпринималъ археографическія поѣздки въ разныя губерніи, причемъ представлялъ донесенія о нихъ председателю Археографической Комиссіи и ознакомилъ ученыхъ съ нѣкоторыми изъ ихъ результатовъ въ статьѣ, вышедшей подъ заглавіемъ: „Историческія замѣтки, собранныя въ Орлѣ и Мценскѣ“. Въ связи съ своей научной дѣятельностью, Н. В. Калачовъ выступилъ и въ качествѣ живого инициатора и организатора архивныхъ работъ: онъ много содѣйствовалъ новому устройству Московскаго архива Министерства Юстиціи и, въ званіи управляющаго имъ, образовалъ при немъ „ученый отдѣлъ“, приступившій къ описанію документовъ и бумагъ архива; онъ основалъ въ 1877 году С.-Петербургскій Археологическій Институтъ, который долженъ былъ готовить научно-образованныхъ архивистовъ, а незадолго до смерти въ 1884 году выхлопоталъ учрежденіе губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій,

¹⁾ *И. Бяляевъ*, Списки судные и прочіе, въ Архивѣ истор.-юр. свѣд. Н. Калачова, 1855 г., кн. 2, пол. 1, отд. 3. *Его-же*, Законы и акты, устанавливающіе въ древней Руси крѣпостное состояніе и проч., въ Архивѣ истор. и практич. свѣд., относящ. до Россіи 1859 г., книга 2. *Его-же*, Юридическіе акты XIV—XV вѣковъ, во Врем. Моск. Общ. Ист. и Древн. книга 16. Ср. *Его-же*, Способъ возстановлять полинявшія и вытершіяся чернила въ древнихъ рукописяхъ, тамъ же, книга 4

на которыя была возложена обязанность сохранять архивные материалы въ провинціальныхъ центрахъ ¹⁾).

Въ позднѣйшее время стали появляться болѣе систематическіе труды по дипломатикѣ. Весьма полезнымъ пособіемъ для ознакомленія съ главнѣйшими видами частныхъ актовъ и ихъ формулярами можетъ служить трудъ Д. Мейчика: Грамоты XIV и XV в. Московскаго Архива Министерства Юстиціи. Ихъ форма, содержаніе и значеніе въ исторіи русскаго права. М. 1883 г. (изъ „Описанія докум. и бум. Московскаго Архива Министерства Юстиціи“, т. IV).

По русской дипломатикѣ въ болѣе точномъ смыслѣ слова можно указать, главнымъ образомъ, на труды Н. П. Лихачева и С. А. Шумакова. Давно уже занятый разработкой дипломатики Н. П. Лихачевъ успѣлъ, однако, пока дать лишь весьма обстоятельные обзоры ея исторіи на Западѣ и отчасти коснуться ея развитія у насъ въ связи съ учрежденіемъ и содержаніемъ нашихъ архивовъ, а также остановился на изученіи актовъ „съ ихъ внутренней стороны“. Свои наблюденія и выводы Н. П. Лихачевъ излагалъ на лекціяхъ, читанныхъ имъ слушателямъ Археологическаго Института; часть ихъ была издана полностью, а другая, въ томъ числѣ и его замѣчанія по „дипломатической критикѣ и видамъ актовъ“, — „корректурно, по переработаннымъ конспектамъ“ ²⁾).

Болѣе систематическимъ характеромъ, хотя и менѣе строгимъ отношеніемъ къ требованіямъ дипломатики, отличаются труды С. А. Шумакова; кратко обозрѣвши „грамоты и записи“, а также другіе виды актовъ въ одной изъ нашихъ

¹⁾ *Н. Калачовъ*, Предисловіе къ сообщенію Лакіера о крѣпостной книгѣ XVI вѣка, въ Архивѣ истор.-юр. свѣд. 1855 года, книга 2, пол. 1, отд. II. *Его-же*, Договоры вольныхъ людей конца XVII вѣка, въ Архивѣ истор. и практич. свѣд. 1859 года, книга I, сс. 83—90. *Его-же*, Старинные формулярики XVII и XVIII вѣковъ, въ Лѣтоп. зап. Археографической Комиссіи 1861 года, вып. I, сс. 40—49. *Его-же*, Рядныя, въ Трудахъ Московскаго Археологическаго Общества 1865—1867 года, т. I, в. II, сс. 67—72.

²⁾ *Н. Лихачевъ*, Изъ исторіи дипломатики (XIX в.), издано М. И. Блавенцемъ, Сиб. 1905—1906 г. *Его-же*, Изъ лекцій по дипломатикѣ, издано М. И. Блавенцемъ, Сиб. 1905—1906 г.

энциклопедій, онъ вслѣдъ затѣмъ подробнѣе разсмотрѣлъ ихъ въ введеніи къ послѣднему выпуску своего „Обзора¹⁾).

Дальнѣйшее развитіе дипломатики въ Россіи обнаружилось въ болѣе сознательномъ отношеніи къ ея принципамъ и методамъ, особенно въ той ея части, которая выше была названа „документальнымъ построениемъ актовъ“. Съ такой точки зрѣнія можно упомянуть здѣсь о работахъ А. С. Лаппо-Данилевскаго: онъ уже раньше выступилъ съ изданіемъ, въ которомъ попытался характеризовать одну изъ записныхъ книгъ крѣпостныхъ актовъ конца XVI вѣка, и напечаталъ болѣе сорока листовъ двинскихъ грамотъ, значительная часть которыхъ принадлежитъ къ числу частныхъ актовъ; въ своей монографіи о служилыхъ кабалахъ позднѣйшаго типа онъ попытался иллюстрировать новый методъ анализа частныхъ актовъ въ его приложеніи къ данному ихъ виду и предложилъ синтезъ добытыхъ такимъ образомъ элементовъ въ ихъ цѣлокупности, разсматривая ее въ ея зависимости отъ условій мѣста и времени, въ ея устойчивыхъ формахъ и въ ихъ историческомъ движеніи; въ болѣе специальномъ изслѣдованіи о печатяхъ Галичскихъ князей и бояръ XIV вѣка онъ использовалъ разнообразныя приемы сфрагистики, отчасти применимыя и къ изученію печатей частныхъ актовъ²⁾).

¹⁾ С. Шумаковъ, Грамоты и записи, въ Большой Энциклопедіи Южакова. Сиб. 1901—1902 года, VII, 429—434, 702—703; IX, 511—513. *Его-же*, Грамоты и записи, въ Обзорѣ грамотъ Коллегіи Экономіи, вып. IV., М. 1917 г., сс. 1—43.

²⁾ А. Лаппо-Данилевскій, Введеніе къ записной книгѣ крѣпостныхъ актовъ XV—XVI вѣковъ, явленныхъ въ Новгородѣ дьяку Д. Алябьеву, въ Р. И. Б., т. XVII (1898 г.), сс. I—XXX. *Его-же*, Планъ изданія архивныхъ документовъ XVI—XVIII вѣковъ, въ Протоколахъ засѣд. Истор.-Филолог. отдѣленія Имп. Акад. Наукъ 1900 (1-ое прилож. къ проток. засѣд. 25 дек.) и 1901 (II-ое прилож. къ проток. засѣд. 10 дек.) годовъ. *Его-же*, Отчеты о подготовительныхъ работахъ для изданія Сборника грамотъ Коллегіи Экономіи, тамъ же, 1901 (прилож. къ проток. засѣд. 5 дек.) и 1905 (прилож. къ проток. засѣд. 14 дек.) годовъ и въ Извѣстіяхъ Имп. Акад. Наукъ, V серия, т. XVII, № 5; т. XIX, №№ 4—5; т. XXII, № 1; VI серия, т. I, № 1; т. II, № 2; т. III, № 4; т. IV, № 3; т. V, № 4; т. VI, № 3; т. VII, № 4. *Его-же*, Служилыя кабалы позднѣйшаго типа, въ Сборникѣ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому. Москва 1909 г., сс. 719—764. *Его-же*, Печати послѣднихъ Галичско-Владимірскихъ князей и ихъ совѣтниковъ, въ сборникѣ: „Болеславъ-Юрій II, князь всей Малой Руси“. Сиб. 1907, сс. 211—311.

Въ „Историческомъ Обзорѣніи“ нѣсколько молодыхъ ученыхъ издали сборникъ статей, посвященныхъ изученію русскихъ частныхъ актовъ: В. И. Веретенниковъ и М. Н. Смирновъ обратили вниманіе на нѣкоторые методы ихъ изслѣдованія, Г. М. Котляровъ остановился на рядныхъ-сговорныхъ записяхъ, Ф. Ф. Злотниковъ — на кортомныхъ, А. И. Андреевъ и А. А. Шиловъ — на отступныхъ и поступныхъ, Н. И. Сидоровъ — на складныхъ записяхъ, В. Н. Кунъ — на мірскихъ отписяхъ; кромѣ того, М. Ф. Злотниковъ далъ очеркъ института „площадныхъ подъячихъ“ въ Московской Руси¹⁾. По словамъ одного изъ рецензентовъ этого сборника, далеко не расположеннаго благосклонно судить о той научной школѣ, изъ которой онъ вышелъ, все же содержитъ „цѣнныя вещи“ и можетъ быть весьма полезна для той части дипломатики, которая названа выше документальнымъ построеніемъ частныхъ актовъ, скорѣе, впрочемъ, съ точки зрѣнія ихъ анализа, чѣмъ ихъ синтеза.

¹⁾ Историческое Обзорѣніе, томъ XXI: Сборникъ статей, посвященныхъ А. С. Лаппо-Данилевскому. Петроградъ, 1916 г.

ОТДѢЛЬ ВТОРОЙ.

Документальное источниковѣдѣніе частныхъ актовъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Интерпретація частныхъ актовъ.

Вообще интерпретація акта стремится установить то значеніе, какое составитель акта хотѣлъ придать ему. Значеніе акта, дѣйствительно, нуждается въ нѣкоторой интерпретаціи хотя бы въ виду того, что онъ, подобно всякому другому памятнику письменности, есть источникъ обозначающій, а не изображающій. Въ такомъ смыслѣ чтеніе акта есть уже его интерпретація: вѣдь, чувственное воспріятіе акта, въ сущности, сводится къ чувственному воспріятію письменныхъ знаковъ, которые сами подлежатъ истолкованію, обусловливающему чтеніе его текста. Между тѣмъ, для того, чтобы правильно прочесть текстъ, въ особенности, болѣе или менѣе древній, нужно обладать кое-какими свѣдѣніями по палеографіи ¹⁾.

¹⁾ Д. Прозоровскій, Чтенія по исторіи славяно-русской палеографіи (курсъ лекцій, читанныхъ въ Археологическомъ Институтѣ). Главные труды по славяно-русской палеографіи: А. И. Соболевскаго, Славянорусская палеографія. Лекціи. Спб. 1893 г. (литографированное изданіе). *Его же*, Образцы славянорусскаго древлеписанія. Спб. 1893 г. (литографированное изданіе). *Его же*, Сборникъ снимковъ съ славянорусскихъ старопечатныхъ изданій. Матеріалы для исторіи славянскаго книгопечатанія XVII вѣка. Спб. 1895. И. И. Срезневскаго, Палеографическія изслѣдованія памятниковъ русской древности, въ Изв. II отдѣленія

Прежде всего нужно имѣть достаточно ясное представление о томъ, какія именно буквы надлежитъ разумѣть подѣ тѣми начертаніями, которыя стоятъ въ подлинномъ рукописномъ текстѣ. Извѣстный текстъ изъ договора Святослава съ греками, сохранившійся въ спискахъ читается такъ:

„и хочу имѣти миръ и свѣршену любовь съ всякъмъ, и великъмъ царемъ Грѣцькимъ“.

Позднѣйшій ученый обратилъ вниманіе на то, что невразумительное чтеніе „съ всякъмъ и великъмъ царемъ Грѣцькимъ“ могло быть результатомъ небрежнаго прочтенія глаголицы: вмѣсто „съ Иваномъ великъмъ царемъ Грецькимъ“ лѣтописецъ прочелъ „съ всякъмъ и великъмъ царемъ Грѣцькимъ“, смѣшавъ нѣсколько сходныхъ въ глаголическомъ алфавитѣ буквъ ¹⁾.

Въ случаѣ бѣглаго чтенія текста, происходящаго при снятіи копій, механическое исполненіе такой работы ослабляетъ вниманіе и вовлекаетъ въ погрѣшности; вотъ почему снятая копія, по ея исполненіи, всегда должна быть провѣрена по оригиналу, прежде чѣмъ служить матеріаломъ для дальнѣйшей научной работы. При печатаніи, вѣроятно, по такой непровѣренной копіи одного изъ изданій Археографической Комиссіи ученый редакторъ допустилъ, напримѣръ, чтеніе „монастырскаго яму“ вмѣсто „татарскаго яму“ и т. п. Сокращенія словъ, часто встрѣчающіяся въ нашихъ старинныхъ рукописяхъ подѣ титлами, а также надстрочныя буквы и т. п. требуютъ истолкованія, прежде чѣмъ подвергнуться раскрытію, введенію въ строку и т. п. Къ сожалѣнію, мы

Академіи Наукъ, VI. Спб. 1858, сс. 257—275. *Его же*, Древніе памятники русскаго письма и языка.—Дополненія къ нимъ и снимки, въ Изв. II отдѣленія Академіи Наукъ, Н. X. Спб. 1863. *Его же*, Древнія русскія книги. Палеографическій очеркъ. Спб. 1864. *Его же*, Обзоръ матеріаловъ къ изученію славяно-русской палеографіи, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1867 годъ, январь, стр. 76—111. *Его же*, Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма, въ Сборн. II отдѣленія Академіи Наукъ. Н. XV. 1876. *Его же*, Славяно-русская палеографія XI—XIV вѣковъ, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1881 года и отдѣльно, Спб. 1885 г.

¹⁾ И. Срезневскій, Договоры съ Греками, въ Изв. Имп. Акад. Наукъ по отд. русск. яз. и словесн., т. III, сс. 259—295.

до сихъ поръ не имѣемъ „лексикона аббревіатуръ“ въ родѣ тѣхъ, которые существуютъ въ западно-европейской литературѣ¹⁾; а потому раскрытіе титлъ остается у насъ довольно произвольнымъ и можетъ вводить въ недоразумѣнія, по крайней мѣрѣ, относительно языка подлинника, а иногда и его смысла. Написанія \hat{a} , влѣ, м, сѣим раскрываются, напримѣръ, въ видѣ: алтынъ, 2 деньги, монастырь, сѣимникъ и т. п. Правильное раскрытіе титла возможно лишь послѣ внимательнаго изученія языка подлинника, въ частности, способа написанія даннаго слова: если, напримѣръ, оно встрѣчается въ рукописи и въ раскрытомъ видѣ, причемъ способъ его написанія устойчивъ, то, разумѣется, и раскрытіе титла производится по способу принятаго въ ней написанія того же слова; если, напротивъ, способъ его написанія колеблется, то, въ зависимости отъ степени его колебаній, приходится выбирать между стариннымъ или современнымъ правописаниемъ; на основаніи соображеній подобнаго рода, примѣняемыхъ и къ введенію въ строку надстрочныхъ буквъ и т. п., слово „царскій“ можетъ быть раскрыто или въ видѣ „царскій“ или въ видѣ „царскій“, смотря по тѣмъ даннымъ, какими читатель располагаетъ.

Интерпретація текста не ограничивается правильнымъ чтеніемъ текста: она должна установить правильное пониманіе прочитаннаго. Правильное пониманіе общаго смысла текста зависитъ отъ правильной квалификаціи его разновидности, основанной, по возможности, на подлинномъ источникѣ. Въ „Актахъ Юридическихъ“ напечатанъ, напримѣръ, слѣдующій подлинный актъ:

„195 іюля въ 12 день, на Угличѣ, въ сѣзжей избѣ, передъ столникомъ и воеводою передъ Матвеемъ Семеновичемъ Супоневымъ волной человекъ Пронка Полуехтовъ сказалъ: въ прошлыхъ годѣхъ отецъ мой и мать служили въ кабалномъ въ холопствѣ у Андрея Титовича Сукина; и старой мой помѣщикъ умре, Андрей

¹⁾ А. Capelli, Lexicon abbreviaturarum. 1901.

Титовичъ Сукинъ, а нынѣ я, Пронка, съ женою своею Марьецею Кузминою дочерью бьемъ челомъ въ кабальное холопство ему жъ Андрею Андреевичу Сукину и служилую кабалу на себя съ женою даемъ волею своею; то моя и сказка. А сказку писалъ Углецкіе площади подъячей Сергушка Микифоровъ“. Далѣе слѣдуетъ собственноручная, по велѣнію вольнаго человѣка Проньки Полуехтова, подпись Ѳедора Сысоева ¹⁾).

Редакторъ призналъ вышеприведенный актъ „служилой кабалой“; но самъ онъ называетъ себя „сказкой“ и не вполне соответствуетъ формуляру служилой кабалы позднѣйшаго типа: его дѣйствительно должно признать „сказкой“, „сказанной“ Пронькой Полуехтовымъ передъ восводой, а не служилой кабалой, писанной на имя его господина Андрея Андреевича Сукина. Въ томъ же сборникѣ появилось нѣсколько актовъ, которые были озаглавлены редакторомъ: „порядныя зарубезныхъ выходцевъ“, но сами себя называютъ „ссудными записями“; редакторъ не счелъ нужнымъ остановиться на интерпретаціи подлинной терминологіи актовъ, и такимъ образомъ подъ наименованіемъ „порядныхъ“ скрылъ особую разновидность актовъ — ссудныхъ записей, существенно отличающихся отъ порядныхъ моментомъ займа, а не найма имущества; благодаря такой погрѣшности послѣдующіе ученые долгое время разсуждали объ однѣхъ только порядныхъ во крестьянство, игнорируя „ссудныя“ ²⁾).

Правильное пониманіе прочитаннаго зависитъ отъ надлежащаго расчлененія рѣчи: въ древнѣйшихъ нашихъ грамотахъ, писанныхъ церковно-славянскими буквами, слова сливались другъ съ другомъ; расчлененіе ихъ требуетъ нѣкотораго вниманія; да и при чтеніи позднѣйшихъ возможны ошибки. Одинъ изъ нашихъ ученыхъ (Карповъ) прочелъ, напримѣръ, „и на конѣ учини“ вмѣсто „иначе не учини“

¹⁾ А. Ю. № 405, ср. № 252, невѣрно названный „заемная служилая кабала“.

²⁾ А. Ю. № 203.

и такимъ образомъ, неправильно расчленивъ рѣчь подлинника, искажилъ его смыслъ.

Общій смыслъ текста устанавливается (мысленно или въ дѣйствительности, при его изданіи) также при помощи правильной разстановки знаковъ препинанія. Въ нашихъ грамотахъ, напримѣръ, рѣчь часто перемежается союзомъ „а“; читатель, слѣдующій современному употребленію этого союза, не склоненъ начинать съ него какой-либо новый періодъ или самостоятельное предложеніе; между тѣмъ, въ старинной рѣчи онъ часто игралъ такую именно роль для обозначенія отдѣльныхъ клаузулъ акта; смѣшивая новое употребленіе союза „а“ съ старымъ, современный изслѣдователь легко можетъ поставить запятую тамъ, гдѣ слѣдуетъ поставить точку, и такимъ образомъ соединять двѣ разныя клаузулы въ одну,—что даетъ ложное представленіе и о степени раздѣльности тѣхъ понятій, которыя соотвѣтственно входятъ въ ихъ составъ. Клаузулы грамотъ, по возможности, отдѣляются другъ отъ друга точками, напримѣръ, въ слѣдующихъ случаяхъ: а) въ публичныхъ грамотахъ: въ жалованной—разнаго характера льготы; самостоятельныя, значительныя по объему части челобитной; мотивы челобитной и содержаніе просьбы; въ сотной—самостоятельныя части описываемыхъ владѣній, деревни, итогъ перечня деревень, дворовъ и т. п.; указаніе на количество и порядокъ платежа повинностей и т. п. [Напр.]:

И намъ бы ихъ... пожаловати... давати судъ и управа.
И будетъ такъ...—

А намѣстника и волостелина двора не дѣлають. А кто з древа убьетца... А кому будетъ чего искати... А ратные люди и проѣзжие...

Да въ Неноксѣ жь на берегу янбарь. Да ихъ же треть реки Сюзмы и з санными покосы. Да на Унѣ на посаде два мѣста дворовыхъ.

б) въ частныхъ грамотахъ: наименованіе лицъ и предмета сдѣлки; наименованіе межь, если оно имѣетъ самостоятельное значеніе; въ купчей—обозначеніе цѣны прода-

ваемаго или покупаемаго,—въ мѣнливой или дѣльной—
 подробное опредѣленіе предмета сдѣлки, слѣдующее за его
 наименованіемъ и выраженное самостоятельнымъ предложе-
 ніемъ; въ данной—указаніе на особыя условія вклада: на
 вѣки, на поминаніе, на дожитіе и т. п.; въ закладной—
 срокъ заклада, если онъ обозначенъ самостоятельнымъ пред-
 ложеніемъ, и условіе о неустойкѣ; въ мѣнливой—указаніе
 на придачу; въ отступной—мотивы „отступленія“; обя-
 зательство объ „очищеніи“ предмета сдѣлки; указаніе на
 сябровъ въ варницѣ и т. п. [Напр.]:

А взяла есми на томъ дворѣ шесть рублевъ...

А продала есми въ дернь без выкупа. А стоитъ тотъ
 дворъ въ межахъ...

А взялъ есми рубль дѣнегъ. А продалъ в дѣрнь бѣз
 выкупа. А въ очищѣньи и въ снимки язъ Яковъ своими
 денгами.

А въ межахъ та варница по верхнюю сторону... А взяли
 на той полуварнице...

А въ сябрехъ со Стефаномъ съ Лукинымъ и с-ыными
 сябры. А дали есмя на поминанье.

Кромѣ установленія общаго смысла текста, онъ требуетъ
 иногда истолкованія въ отдѣльныхъ своихъ выраженіяхъ, и
 не только тѣхъ, которыя явно оказываются непонятными, но
 и тѣхъ, которыя кажутся понятными ¹⁾.

Духовная Ивана Калиты 1328 года [начинается такъ]:
 „Се азъ грѣшный худый рабъ Божии Иванъ пишу душев-
 ную грамоту, ида въ Орду“. Здѣсь „рабъ“ означаетъ без-
 условно покорный чьей-либо волѣ (*И. Срезневскій*, III, 6).
 Духовная пишется по волѣ князя, но условія, при кото-
 рыхъ она пишется, отъ него не зависятъ, а ея дѣйствіе на-

¹⁾ Главное пособие: „Матеріалы для словаря древне-русскаго языка“, со-
 бранные *И. И. Срезневскимъ*, Спб. 1893—1912, т. I—III; выпускъ 4 третьяго
 тома содержитъ дополненія ко всему труду. Кромѣ того, существуютъ словари
 мѣстныхъ говоровъ и нарѣчій, напр., «Словарь областного Архангельскаго нарѣчія»
А. Подвысоцкаго, Спб. 1885 г. и др.; см. также *И. Горбачевскій*. Словарь древняго
 актовaго языка Сѣверо-Западнаго края и Царства Польскаго, Вильна 1874 г.

ступить по волѣ Божьей, которой завѣщатель всецѣло покоряется.

Прежде всего нужно установить точный смысл текста. Одни и тѣ же слова имѣли разное значеніе въ древности и теперь: напримѣръ, слова „продать“ или „купить“ и т. п.; или могут имѣть не то значеніе, которое читатель склоненъ приписать имъ сначала; напримѣръ, предлогъ „на“ въ посильныхъ: „на посиле“ значить „вмѣсто посилья“—отсюда понятно, что такое выраженіе встрѣчается въ актахъ, составленныхъ отъ лица покупателя:

„Се яз Онтуфеи Нестеров снъ купил еси у Гриди у Григорьева сна у Бобошина пожню Кобылин на рѣкѣ на Лостѣ, а дал еси на посиле пят рублевъ, а межа тои пожнѣ: от Тимоѣевы пожни верхней конецъ от лѣса по враг да по ивовои кустъ да вниз по рѣкѣ по Лостѣ да по обѣ сторон Девочи курьи. А на то мужи: соцкои Тимоѣй Огдокимов снъ Курдумова да Парфенеи Есиновъ снъ Тетрямовъ да Олексѣи Павловъ. А посилную писалъ Сашко Никитинъ снъ Задоринъ“¹⁾.

Въ интерпретаціи нуждаются также имена собственные: географическія и личныя. Одна изъ древнѣйшихъ Двинскихъ грамотъ, напримѣръ, укрѣпляетъ сдѣлку купли-продажи, совершенную между Григоріемъ Ивановымъ и Григоріемъ, Ѳедотомъ и Воляшомъ, игуменовыми дѣтьми, на землю „Заозерскую“; въ позднѣйшихъ грамотахъ имѣются указанія на аналогичныя сдѣлки, объектомъ которыхъ служило село на Лукинѣ берегу „за озеромъ“; путемъ историко-географическаго изслѣдованія удалось установить тождество „Заозерской земли“ съ „селомъ на Лукинѣ берегу за озеромъ“, что даетъ возможность слѣдить за послѣдующей ея судьбой, т. е. за исторіей даннаго земельного участка²⁾. Въ другой купчей, также древнѣйшей, на землю въ селѣ Заозерскомъ, контрагентами сдѣлки являются: Николаевскій Чухченемскій мона-

¹⁾ Д. Мейчикъ, *Op. cit.*, с. 123.

²⁾ Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, №№ 2, 11, 12, 30.

стырь и другое лицо, названное Павломъ Туфановымъ сыномъ; въ одной изъ послѣдующихъ купчихъ половину поля и прочее Григорія Ивановича покупаетъ Павелъ Труфановичъ; сопоставляя оба текста, можно притти къ заключенію, что Павелъ Туфановъ сынъ и Павелъ Труфановичъ одно и то же лицо; такое заключеніе въ свою очередь приводитъ къ заключенію, что Павелъ Трифановичъ скупалъ нѣкоторыя земли и т. п. ¹⁾ При интерпретаціи извѣстной „рядной Тѣшаты“ имя одной изъ сторонъ толкуется различно: одни разумѣютъ подъ „Тѣшатой“ мужчину, другіе (едва ли, впрочемъ, основательно) — женщину, что существенно мѣняетъ пониманіе всей сдѣлки.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ интерпретація акта значительно осложняется неясностью всей его редакціи: „рядная“ Тѣшаты породила, на примѣръ, цѣлый рядъ попытокъ ея интерпретаціи. К. А. Неволинъ усматривалъ въ ней мировую запись; И. И. Срезневскій пришелъ къ заключенію, что она есть рядная (сговорная) запись, а В. К. Трутовскій, несогласный съ выводами своихъ предшественниковъ, рѣшился признать Тѣшату — вдовой и готовъ отнести „ея рядную“ къ разряду мировыхъ актовъ, т. е. въ измѣненномъ видѣ вернулся къ опредѣленію К. А. Неволіна, а не И. И. Срезневскаго, нашедшаго, между тѣмъ, рѣшительную поддержку въ лицѣ М. Ф. Владимірскаго-Буданова ²⁾). Возможно, однако, что ни одно изъ вышеназванныхъ мнѣній не даетъ достаточно яснаго пониманія „рядной Тѣшаты“: въ данномъ случаѣ толкованіе ея выходитъ за предѣлы интерпретаціи акта, какъ явленія, и переходитъ къ истолкованію самой юридической сдѣлки, лежавшей въ его основаніи.

Интерпретація акта можетъ оказаться болѣе затруднительной въ томъ случаѣ, если мы имѣемъ дѣло съ неполнымъ его текстомъ, внесеннымъ, положимъ, въ какую-либо записную книгу крѣпостей въ пересказѣ. Въ числѣ актовъ,

¹⁾ Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, №№ 6 и 30.

²⁾ [В. Трутовскій, Тѣшата и Якымъ и ихъ взаимныя отношенія. въ Сборн. статей въ честь графа. П. С. Уваровой, М. 1916, сс. 328—338].

предъявленныхъ дьяку Д. Алябьеву, была, на примѣръ, „запись“ Осипа Игнатьева, который билъ челомъ въ службу Борису Вельяшеву „по его животъ“; на основаніи одного только пересказа ея содержанія нѣсколько затруднительно точно опредѣлить ея разновидность, хотя и можно думать, что она принадлежала къ тому виду записей, о которыхъ говоритъ Уложеніе въ статьѣ, основанной на указѣ 1642 г. ¹⁾.

¹⁾ Записная книга крѣпостнымъ актамъ, явленнымъ дьяку Д. Алябьеву, № 148, въ Р. И. Б., т. XVII, с. 52. Ср. Уложеніе, XX, 44.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Критика актовъ, преимущественно частныхъ.

Вообще критика устанавливаетъ научную цѣнность источника для построения исторической дѣйствительности, т. е. выясняетъ, въ какой мѣрѣ на основаніи сообщаемыхъ имъ данныхъ можно судить о томъ, что фактъ, познаваемый черезъ его посредство, произошелъ въ дѣйствительности. Слѣдуетъ имѣть въ виду, однако, что источникъ можетъ имѣть научно-историческую цѣнность въ двоякомъ смыслѣ: въ качествѣ историческаго факта или въ качествѣ показанія объ историческомъ фактѣ. Съ такой точки зрѣнія можно различать и два рода критики: критику, устанавливающую научно-историческую цѣнность источника, какъ факта, и критику, устанавливающую научно-историческую цѣнность показаній источника о фактѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя пользоваться даннымъ источникомъ для историческихъ цѣлей, не выяснивши, дѣйствительно ли онъ есть тотъ самый историческій фактъ, каковымъ онъ представляется наблюдателю. Для того, однако, чтобы имѣть основаніе утверждать нѣчто подобное, надо быть увѣреннымъ въ томъ, что источникъ дѣйствительно возникъ и сохранился въ томъ именно видѣ, въ какомъ онъ представляется историку, а для достиженія такой увѣренности послѣдній и обращается къ критическому разсмотрѣнію источника, какъ факта: онъ выясняетъ, дѣйствительно ли данный источникъ существуетъ или не существуетъ въ качествѣ таковаго, т. е. оказывается ли онъ подлиннымъ или непо-

длиннымъ; дѣйствительно ли онъ возникъ въ такое-то время и въ такомъ-то мѣстѣ, благодаря такому-то составителю (въ широкомъ или узкомъ смыслѣ слова), что и даетъ возможность признать его подлиннымъ, или же онъ принадлежит не тому составителю, которому, казалось, онъ могъ быть приписанъ, и долженъ быть признанъ неподлиннымъ, т. е. копіей или болѣе или менѣе искусной поддѣлкой и т. п. Впрочемъ, не всякій подлинный источникъ можетъ служить для восстановления исторической дѣйствительности; для того, чтобы признать фактъ, свѣдѣнія о которомъ почерпаются изъ показаній источника, дѣйствительно бывшимъ, историкъ долженъ подвергнуть критикѣ не только самый фактъ существованія этого источника, но и его показанія о томъ фактѣ, который его интересуетъ. Лишь въ той мѣрѣ, въ какой показанія источника отличаются достовѣрностью, онъ можетъ служить для познанія исторической дѣйствительности: пользуясь достоверными показаніями и отбрасывая недостоверныя, историкъ можетъ построить дѣйствительно бывший историческій фактъ ¹⁾.

Легко замѣтить, что изъ указанныхъ выше двухъ видовъ критики, въ сущности, лишь та изъ нихъ, которая занимается установленіемъ научно-исторической цѣнности источника, какъ факта, т. е. выясняетъ его подлинность или неподлинность, прилагается къ остаткамъ культуры: вѣдь, если подлинность или неподлинность остатка культуры въ качествѣ такового доказана, то и задача его критики, въ сущности, исчерпана. Въ самомъ дѣлѣ, между существованіемъ одного и того же факта и его несуществованіемъ нѣтъ и не можетъ быть посредствующихъ степеней; но остатокъ культуры или есть остатокъ нѣкаго факта, имѣющаго значеніе болѣе крупное, чѣмъ его собственное, и въ такомъ смыслѣ тоже фактъ, или не есть его остатокъ и въ такомъ смыслѣ не можетъ быть этимъ фактомъ; значить, если подлинность или неподлинность даннаго остатка культуры дока-

¹⁾ А. Лаппо-Данилевскій, Методологія исторіи, вып. II, сс. 524—525.

зана, достоверность или недостоверность его, въ качествѣ остатка культуры, не подлежитъ дальнѣйшему обсужденію.

Впрочемъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что вышеуказанное ограиченіе относится лишь къ тѣмъ остаткамъ культуры, которые строго подходятъ подъ чистое понятіе о нихъ, а не къ тѣмъ реально даннымъ продуктамъ, которые часто обнаруживаютъ смѣшанные признаки и остатка культуры, и историческаго преданія; реально-данный источникъ, будучи преимущественно остаткомъ культуры, можетъ, однако, содержать показанія о фактѣ: старинные документы могутъ заключать въ себѣ показанія, даже заимствованныя изъ историческихъ преданій, и съ такой точки зрѣнія, разумѣется, подлежатъ такой же критикѣ, какая примѣняется и къ показаніямъ, сохранившимся въ историческихъ преданіяхъ ¹⁾.

Итакъ, при изложеніи критики актовъ, преимущественно частныхъ, намъ придется остановиться главнымъ образомъ на установленіи ихъ подлинности или неподлинности, а также видовъ и степеней ея. Вообще опираясь на понятія о единствѣ сознанія, проявляющемся въ данномъ источникѣ, и о его соотвѣтствіи съ данной культурой и индивидуальностью, породившей его, можно различать подлинный актъ отъ неподлиннаго по его внѣшнимъ и по его внутреннимъ признакамъ ²⁾.

Въ числѣ внѣшнихъ признаковъ, по которымъ можно судить о возрастѣ рукописи, отмѣтимъ, главнымъ образомъ, материаль и почеркъ.

1. Материаломъ для писанія древнѣйшихъ актовъ служили дерево или, пожалуй, металлъ; изъ нихъ могли выдѣлывать „доски“, изрѣдка упоминаемая въ старѣйшихъ нашихъ источникахъ (см. выше). Извѣстныя намъ древнѣйшія грамоты наши съ XII до второй половины XIV столѣтія всѣ писаны, однако, на пергаментѣ; большинство нашихъ грамотъ, въ томъ числѣ и частныхъ актовъ XV столѣтія, также пергаминныя. Таковы, напримѣръ, грамота великаго князя

¹⁾ А. Лаппо-Данилевскій, Ор. cit., вып. II, сс. 385—386,

²⁾ А. Лаппо-Данилевскій, Ор. cit., вып. II, сс. 527—529. 533—563.

Мстислава Володиміровича и сына его Всеволода Мстиславовича Новгородскому Юрьеву монастырю 1130 года (въ Юрьевѣ монастырѣ); вкладная грамота Варлаама Хутынскому монастырю, писанная послѣ 1192 года (въ Хутынскомъ монастырѣ) и т. п. ¹⁾. Съ XV столѣтія уже встрѣчаются грамоты, писанныя на бумагахъ, которая въ слѣдующемъ вѣкѣ постепенно вытѣсняетъ пергамина и получаетъ почти исключительное господство съ XVI столѣтія: древнѣйшимъ актомъ, писаннымъ на бумагахъ и уже весьма поврежденнымъ временемъ, признаютъ договорную грамоту великаго князя Семёва Ивановича съ братьями Иваномъ и Андреемъ 1341 года (въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ ²⁾).

Такимъ образомъ, матеріаль, на которомъ писанъ актъ, можетъ указывать и на болѣе или менѣе древнее его происхожденіе. Выводъ подобнаго рода нуждается, однако, въ существенныхъ оговоркахъ. 1) Нормальные хронологическіе предѣлы, устанавливаемые на основаніи этого признака, широки, напримѣръ, для пергамина XII—XV столѣтія; притомъ пергаминаныя грамоты, напримѣръ, двинскія, которыя ранѣе относились къ XIV столѣтію, почти всё относятся теперь къ XV столѣтію, на основаніи цѣлаго ряда другихъ болѣе точныхъ признаковъ ³⁾. 2) Приблизительное установленіе такихъ хронологическихъ предѣловъ, разумѣется, ~~ни сколько не исключаетъ~~ возможности писанія грамотъ на

¹⁾ И. Срезневскій, Древніе памятники письма и языка (со снимками). Ср. Н. Лихачевъ, Изъ лекцій по дипломатикѣ, сс. 152—199; несмотря на показанія источниковъ о „доскахъ“, авторъ утверждаетъ, что въ Россіи „до половины XIV столѣтія пергамина былъ единственнымъ матеріаломъ какъ для рукописей, такъ и для грамотъ“ (сс. 172—173).

²⁾ С. Г. Г. и Д., ч. I, № 23. Палеографическіе снимки, изданные подъ редакціей А. Соболевскаго и С. Пташицкаго, Сиб. 1903, № 1.—Древнѣйшая бумага, называемая бомбициной, безъ особеннаго труда отличается отъ позднѣйшей, но она едва-ли употреблялась въ Россіи.

³⁾ А. Шахматовъ, Исслѣдованіе о Двинскихъ грамотахъ XV в., Спб. 1903, сс. 1—5; авторъ склоненъ отнести лишь одну кучю Филиппа Григорьева у Меводія и Семёна Яковлевыхъ дѣтей къ времени до 1393 года; см. тамъ же, № 105,—подлинникъ въ Археографической Комиссіи (перг. № 11).

соотвѣтствующемъ имъ матеріалѣ и въѣ таковыхъ; напри-
мѣръ, нѣкоторыя дѣла, писанныя на берестѣ въ Сибири,
относятся къ 1776 году ¹⁾, нѣкоторыя грамоты, писанныя
на пергаментѣ, относятся къ XVI и XVII вѣкамъ, не говоря
о позднѣйшихъ торжественныхъ дипломахъ, и т. п. 3) Под-
дѣльныя грамоты, при мало-мальски искусной фальсификаціи,
писались на матеріалѣ, соотвѣтствующемъ времени, къ кото-
рому хотѣли отнести ихъ; можно было подобрать пергаментъ
или специально нужную для поддѣлки бумагу и т. п.

Болѣе специфическимъ признакомъ для опредѣленія воз-
раста бумаги являются водяные знаки. Старѣйшія изъ нашихъ
бумажныхъ грамотъ писаны на итальянской бумагѣ, которая
съ середины XV вѣка начинаетъ постепенно вытѣсняться
французской, а въ слѣдующемъ столѣтіи также польской и
нѣмецкой; еще позднѣе, а именно со второй половины
XVII столѣтія, все болѣе распространяется голландская бумага
и т. д.; бумага „Московского дѣла“ уже упоминается подъ
1662 годомъ. Соотвѣтственно указаннымъ родамъ бумаги,
по мѣсту ея происхожденія и фабрикамъ, производившимъ ее,
она снабжалась различными водяными знаками, причемъ одинъ
и тотъ-же знакъ постепенно измѣнялся, что и даетъ воз-
можность по формамъ бумажныхъ водяныхъ знаковъ прибли-
зительно судить о возрастѣ бумаги, а, значитъ, и о времени
написанія грамоты, если она не датирована: документы,
писанные на бумагѣ со знакомъ „кувшинчика“, судя по
датированнымъ рукописямъ, относятся, напримѣръ, ко второй
половинѣ XVI и къ началу XVII вѣка ²⁾.

¹⁾ П. С. З., т. XX, № 14538. Ср. К. *Несоловѣ*, Сочиненія, т. IV, с. 50.

²⁾ *И. Лантевъ*, Опытъ въ старинной русской дипломатикѣ, Спб. 1824; авторъ
собралъ до 170 „заводскихъ клеймъ бумагъ“, изъ коихъ представилъ нѣсколько въ
таблицахъ со времени введенія въ Россіи употребленія бумаги по 1701 годъ, и
попытался, такимъ образомъ, выяснитъ способъ узнавать по нимъ время, въ
которое писаны старинныя рукописи. К. *Тромошъ*, Изъясненіе знаковъ, ви-
димыхъ въ писчей бумагѣ, М. 1844 (кроме заимствованныхъ прибавилъ
113 своихъ таблицъ). Всего больше по части изученія бумажныхъ знаковъ
сдѣлалъ *Н. П. Лихачевъ*. Его труды: Бумага и древнѣйшія бумажныя мель-
ницы въ Московскомъ государствѣ, Спб. 1891; Палеографическое значеніе
бумажныхъ водяныхъ знаковъ, части I, II и III—Предметный и хронологи-

Слѣдуетъ имѣть въ виду, однако, 1) что заграничная бумага, ввозимая въ Московское государство, могла запаздывать, и что, значить, бумажные знаки могутъ служить въ такихъ случаяхъ для установленія *terminus a quo*, 2) что находившаяся въ Московскомъ государствѣ бумага, въ особености запасная, могла служить и для позднѣйшаго времени: въ „Польскихъ“ столбцахъ Посольскаго приказа, хранимыхъ въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ, имѣются, напримѣръ, документы отъ 1579 года со знакомъ „1568“; одинъ изъ опытныхъ нашихъ палеографовъ обратилъ вниманіе на то, что эти документы представляютъ черняки и копии Посольскаго приказа, писанные на остаткахъ, можетъ быть, старой бумаги, 3) что подѣльные акты, въ особености старѣйшіе, могли писаться и на бумагѣ, соотвѣтствовавшей времени мнимой грамоты.

2. Почеркъ грамоты также даетъ возможность судить о ея подлинности съ точки зрѣнія принадлежности ея данному историческому періоду, а иногда и данному лицу, причемъ такой признакъ можетъ послужить основаніемъ для болѣе точныхъ выводовъ, чѣмъ матеріаль. Пергаминаыя грамоты XII—XV вѣковъ, напримѣръ, писаны полууставомъ, но послѣдній оказывается различнымъ для разныхъ вѣковъ: нѣкоторыя изъ двинскихъ грамотъ, напримѣръ, закладная Власія Степановича Николаевскому Чухченемскому монастырю относится къ XV вѣку на томъ основаніи, что писана полууставомъ, характернымъ для этого вѣка и т. п. ¹⁾ Опытный палеографъ легко

чекій указатели. Альбомъ снимковъ. Спб. 1899; Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ. Приложенія: таблицы, поясняющія въ хронологическомъ порядкѣ измѣненія формата и строенія бумаги. Изданіе Общества Любителей Древней Письменности, Спб. 1899. Ср. еще *Н. Лихачевъ*, Изъ лекцій по дипломатикѣ, сс. 183—266. *И. М. Каманинъ* въ своемъ рефератѣ „Метрическій методъ въ палеографіи и результаты его приложенія къ изученію южно-русскаго устава XVI—XVII вѣковъ“ указалъ на то, что между широтой и высотой буквъ, разстояніемъ ихъ между собой и разстояніемъ между строками существуетъ всегда определенное отношеніе, которое въ извѣстный періодъ времени измѣняется, и эти измѣненія могутъ служить показателями возраста рукописи (Изв. Гаврич. учен. арх. ком. № 39 (1906 г.), с. 120).

¹⁾ *А. Шахматовъ*, Изслѣдованіе о Двинскихъ грамотахъ., с. 3 и № 15.

можетъ различить почерки не только XVI, XVII, XVIII и XIX вѣковъ, но и почерки первой и второй ихъ половины и т. п. Слѣдуетъ замѣтить, однако, 1) что почерки болѣе отдаленныхъ, глухихъ мѣстъ дольше сохраняли свой архаическій характеръ, чѣмъ почерки болѣе крупныхъ центровъ, 2) что почерки официальныхъ актовъ, исходившихъ изъ организованныхъ Московскихъ канцелярій, вообще отличались болѣе определенными формами, чѣмъ частные акты, въ особенности тѣ, которые писаны домашнимъ порядкомъ, и что, слѣдовательно, возрасты почерковъ, употреблявшихся въ Московскихъ приказахъ, поддаются болѣе точнымъ опредѣленіямъ, чѣмъ возрасты почерковъ частныхъ лицъ, въ гораздо большей мѣрѣ допускавшихъ, разумѣется, индивидуальныя уклоненія.

Впрочемъ, частные акты, въ такихъ случаяхъ, могли быть „своеручными“, что, въ свою очередь, служить нѣкоторымъ доводомъ ихъ подлинности. Въ духовной служилаго челоуѣка Петра Молечкина 1524 года, наприимѣръ, значится: „А сю духовную грамоту писалъ язь Петръ Матѣевъ сынъ Малечкина, при своемъ животѣ, своею рукою“ и т. п. Въ даиной Пароенія Мотовилова съ сыномъ Матвѣемъ Троице-Сергіеву монастырю на землю на островѣ Солотковѣ мы читаемъ: „А данную писалъ язь самъ Матюшка на отца своего и на свою землю самъ своею рукою лѣта 7125-го Оевраля въ“...¹⁾.

Въ числѣ внутреннихъ признаковъ, по которымъ можно судить о подлинности или неподлинности грамоты, укажемъ, главнымъ образомъ, на ея формуляръ и содержаніе.

1. Формуляръ грамоты, болѣе или менѣе тѣсно связанный съ ея содержаніемъ, требовалъ соблюденія нѣкоторыхъ правилъ ея составленія, включенія въ ея составъ извѣстныхъ формулъ въ извѣстной послѣдовательности и т. п.; нарушение такихъ правилъ даетъ, значитъ, основаніе заподозрить ея подлинность или признать ее неподлинной. Хотя формуляры нашихъ старѣйшихъ частныхъ актовъ далеко еще не вполне разрабо-

¹⁾ А. Ю. № 418. Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 471.

тались, однако, они дают иногда возможность, опираясь на нихъ, дать болѣе правильную его оцѣнку: дѣльную грамоту двухъ братьевъ, князей Андрея и Юрья Ѳеодоровичей, изъ Коллежскаго собранія долгое время относили ко времени „около 1380 года“, пока новѣйшій изслѣдователь знакомый съ формуляромъ дѣльныхъ XV вѣка, не причислилъ ее къ тому-же вѣку, что и признается въ настоящее время болѣе близкимъ къ истинѣ ¹⁾).

2. Содержаніе грамоты также даетъ иногда матеріалъ для сужденія о ея подлинности: стороны и самый характеръ юридической сдѣлки, связанная съ нею бытовья подробности, указанія на послуховъ, если они извѣстны по другимъ болѣе точнымъ даннымъ, и т. п. могутъ служить для такой цѣли. Древнѣйшія купчія Двинскаго Михайло-Архангельскаго монастыря опредѣляются, на примѣръ, благодаря подобнаго рода соображеніямъ: въ нихъ упоминается игумень Лука, которому новгородскій архіепископъ Іоаннъ выдалъ благословенную грамоту; игумень Лука былъ, значить, современникомъ архіепископа Іоанна (1388—1414 годы) и, слѣдовательно, жилъ въ концѣ XIV и началѣ XV вѣковъ, что и указываетъ на время составленія вышеупомянутыхъ купчихъ. Кромѣ того, на основаніи другихъ грамотъ тогоже Михайло-Архангельскаго монастыря можно доказать, что за Лукою слѣдовали, въ званіи игуменовъ, Иванъ, Адрианъ и Акакій, что даетъ возможность соотвѣтственно размѣстить грамоты, въ которыхъ они фигурируютъ. Возьмемъ другой примѣръ. Чуть ли не единственная двинская грамота, которая признается старше XV вѣка—купчая Филиппа Григорьевича у Меодія и Семена Яковлевыхъ относится ко времени до 1393 года на основаніи слѣдующихъ соображеній: слѣдуетъ замѣтить прежде всего, что купчая Филиппа Григорьевича находится въ связи съ вкладной его вдовы Марфы на ту же землю, пожертвованную ею храму св. Николая въ Корельскомъ, вокругъ котораго и образовался Николаевскій Корельскій монастырь. Отсюда

¹⁾ И. Срезневскій, Древніе памятники русскаго письма и языка (подъ 1380 г.). Д. Мейчикъ, *Op. cit.*, сс. 63-65, 128.

естественно заключить, что купчая Филиппа Григорьевича старше вкладной вдовы его Марфы (I). Между тѣмъ вкладная вдовы Марфы содержитъ два указанія, дающія возможность точнѣе опредѣлить время ея написанія, а именно: а) на игумена Василия Святого Спаса, выступившаго въ роли послуха вкладной, и в) на то, что земля жертвуется храму св. Николая въ Корельскомъ, а не Николаевскому Корельскому монастырю. Игумень Василій Святого Спаса, судя по отписи, взятой Спасо-Хутынскимъ монастыремъ у посадника Ивана Даниловича, былъ современникомъ Новгородскаго архіепископа Юанна (1388-1414 годы). Храмъ св. Николая въ Корельскомъ превратился въ Николаевскій Корельскій монастырь, упоминаемый въ Новгородской I лѣтописи подъ 1419 годомъ. Итакъ, вкладная Марфы писана до 1419 года (II). Сравнивая же выводы (I) и (II), можно сказать, что купчая Филиппа Григорьевича составлена раньше 1419 года (III). Въ свою очередь вкладная Марфы, вдовы Филиппа Григорьевича, находится въ связи съ духовной Остафья Своеземцова, писанной, судя по позднѣйшему списку съ нея, въ 6901 (1393) году; эта связь обнаруживается: а) въ томъ, что здѣсь, при перечисленіи должниковъ, упоминается Марфа, теща Варооломѣева, вѣроятно, тождественная съ Марфой вкладной, гдѣ рѣчь идетъ между прочимъ и о зятѣ ея Варооломѣѣ Васильевичѣ, в) въ томъ, что въ только что приведенномъ текстѣ упоминается и Варооломѣй (Васильевичъ), бывшій послухомъ при совершеніи купчей Филиппа Григорьевича и упоминаемый въ числѣ душеприкащиковъ въ вкладной вдовы Марфы. На основаніи вышеуказанныхъ сопоставленій, а также того обстоятельства, что въ духовной Остафья Своеземцова 1393 (?) года упоминается одна только „Марфа, Охромѣева теща“, а не мужъ ея Филиппъ Григорьевичъ, можно предполагать, что Филиппъ Григорьевичъ уже скончался до написанія духовной Остафья Своеземцова, т. е. до 1393 года (IV), и что, значитъ, его купчая относится ко времени до 1393 года (V) ¹⁾.

¹⁾ А. Шахматовъ, *Op. cit.*, сс. 3 5. А. Ю. № 409, I.

Въ зависимости отъ вышеуказаннаго различенія между актами съ освѣдомительнымъ и актами съ удостовѣрительнымъ характеромъ, получившимъ особенное примѣненіе къ частнымъ актамъ, признаки ихъ подлинности также различны. Частные акты съ освѣдомительнымъ характеромъ, въ качествѣ таковыхъ, могутъ быть вовсе лишены тѣхъ знаковъ удостовѣренія, которыми акты съ удостовѣрительнымъ характеромъ должны быть снабжены. Такой недостатокъ „памятей“ (въ узкомъ смыслѣ) отчасти ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что онѣ, сами по себѣ, представлялись гораздо менѣ выгодными для поддѣлки, чѣмъ акты съ удостовѣрительнымъ характеромъ, а потому и вызываютъ меньше подозрѣній, чѣмъ послѣдніе.

Знаки удостовѣренія грамотъ могли быть частными и публичными. Знаки частнаго удостовѣренія состояли: 1) въ приложеніи какого-либо знака, большею частью печати или позднѣе подписи совершителей акта, 2) въ свидѣтельствѣ, позднѣе рукоприкладствѣ послуховъ, 3) въ указаніи на составителя-писца грамоты, т. е. на канцелярію, 4) въ внесеніи акта въ картуларій, иногда засвидѣтельствованный правительственной властью, что уже приводило къ публичному удостовѣренію.

Въ древнѣйшее время „рукоприкладство“ совершителей акта могло имѣть буквальное значеніе. „Какъ писать (въ древности) мало умѣли, замѣтилъ одинъ изъ нашихъ старинныхъ историковъ, то для утвержденія (акта), намаравъ всю ладонь чернилами, тонко къ бумагѣ прикладывали, гдѣ всѣ стобы руки означатся. Таковы мнѣ два писма изъ Чердынской архивы, одно на кожѣ, другое на бумагѣ, для показанія привозили“¹⁾.

Въ древнѣйшихъ двинскихъ грамотахъ, писанныхъ на пергаминахъ, XV вѣка, встрѣчаются иногда знаки въ видѣ крестовъ, крестообразно расположенныхъ точекъ, острыхъ угловъ и болѣе или менѣ фантастическихъ фигуръ, въ-

¹⁾ В. Татищевъ, Толкованія на Судебникѣ царя Ивана Васильевича, ст. 28-ю, въ Продолженіи Древней Россійской Вивліюнки, ч. I.

роятно, замѣнявшихъ подписи совершителей актовъ ¹⁾). Впрочемъ, въ то время приложеніе печати уже получило широкое распространеніе.

Вышеприведенная группировка знаковъ удостовѣренія можетъ получить нѣсколько иной видъ, если разсмотрѣть прежде всего тотъ изъ нихъ, который состоялъ въ приложеніи печати: оно могло имѣть частное и публичное значеніе. Замѣтимъ прежде всего, что печати долгое время замѣняли собою подписи соответствующихъ лицъ и лишь въ позднѣйшее время стали служить для простого запечатанія грамотъ: еще Посошковъ, разсуждая о правосудіи, писалъ, что судья, при допросѣ свидѣтеля, показанія котораго записываются подъ ячымъ, долженъ поступать слѣдующимъ образомъ: „и буде грамоты кто умѣеть, то руку бы приложилъ; а буде кой не умѣеть, то печать-бы свою приложилъ, чтобъ послѣди спорить не сталъ“ ²⁾).

Вообще, печати употреблялись у насъ, какъ и на западѣ, въ двухъ видахъ: а) въ видѣ особыхъ знаковъ, специально приспособленныхъ для удостовѣренія письменныхъ документовъ; в) въ видѣ перстней съ какимъ нибудь рѣзнымъ камнемъ и т. п., служившимъ, въ качествѣ своего рода „secretum“, для удостовѣренія письменныхъ документовъ. Указанія на такія разновидности печатей, разумѣется, имѣвшихся у царя и патріарха ³⁾, встрѣчаются въ нашихъ старинныхъ памятникахъ и относительно частныхъ лицъ. Въ „рописи Савина монастыря чернаго священника Меркурія Кіевлена рухледи его келейной, что онъ положилъ на сбереженіе въ скринки у пѣвчего у Якова Борзаковского да у разночю Антоны Алексѣева“, между прочимъ, значится: „печать серебряная; цѣна 13 алтынь 2 денги...“ ⁴⁾. Въ описи имуще-

¹⁾ Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, №№ 3, 23, 24, 31, 33, 35, 37.

²⁾ И. Посошковъ, Сочиненія, ч. I, с. 59.

³⁾ Письма русск. госуд., т. I, с. 33. В. Завитиневичъ, Палинодія Захарія Копытенскаго, Варш. 1883, с. 178. Опис. докум. и дѣлъ Арх. Свят. Синод., т. II, № 74; ср. № 184 и др.

⁴⁾ Розыскныя дѣла о Федорѣ Шаковитомъ и его сообщникахъ, т. I, Сиб. 1884, сс. 839, 842.

ства, оставшагося послѣ князя Дмитрія Ивановича Шуйскаго, 1612 года, мы читаемъ: „да послѣ князя Дмитрея жъ осталось: перстень съ чернью золотъ, а въ немъ яхонтъ лазоревъ, рѣзана печать, а кругомъ его поставлены яхонты червчаты да олмазы... да перстень золотъ, съ чернью, а въ немъ печать желѣзная, а въ печати врѣзывано золото... да перстень мѣдянь, а въ него вставлена перелефть, а на перелефти рѣзана печать...“ ¹⁾. Въ нѣсколько позднѣйшее время такіе перстни стали привозить изъ-за границы въ большомъ количествѣ: въ 1671 г., напримѣръ, въ Архангельскѣ, вмѣстѣ съ другими нѣмецкими товарами, были привезены „64 штуки перстней съ печатью съ сапфирами“; черезъ два года въ Архангельскъ прибыло нѣсколько кораблей съ голландскими товарами, въ томъ числѣ: „451 штука камней къ перстнямъ съ печатями“ и т. и. ²⁾. Въ качествѣ знака частнаго удостовѣренія грамоты печати издавна прикладывались, судя по сохранившимся указаніямъ, изъ чернаго или желтаго воску ³⁾. Купчая Кириллова монастыря игумена Филоея, 1469 г., содержитъ, между прочимъ, слѣдующую клаузулу: „А запечаталъ сію грамоту язъ Олешка Микитинъ (продавецъ) своею печатью“. Запись, данная митрополиту Θεодосію Гридею Карауловымъ (названнымъ въ текстѣ Черемисинымъ Карауловымъ) и Иваномъ Кожинымъ, о неосвоеніи озеръ, пожалованныхъ имъ митрополитомъ для рыбной ловли, 1461—1464 годовъ, заканчивается слѣдующими словами: „А запечаталъ сію грамоту язъ Гридка Черемисинъ одною своею печатью“ и т. д. Во вкладной старца Арсенія Кириллову монастырю, 1435—1447 годовъ, онъ пишетъ: „А запечаталъ есмь печатью отца своего господина игумена Трифона“ ⁴⁾. Слѣдуетъ имѣть въ виду, однако, что далеко не всѣ акты,

¹⁾ А. Н., т. II, № 340; у князя Д. И. Шуйскаго было еще два перстня съ печатями.

²⁾ *Кильбургеръ*, О русской торговлѣ въ царствованіе Алексея Михайловича, переводъ Б. Г. Курца, К. 1915, сс. 123, 138.

³⁾ А. Ю. №№ 74, 111, 121, 122.

⁴⁾ А. Ю. № 74. А. Ю. Б., т. I, № 119, I.

даже крѣпостные, снабжены печатями, о чемъ они иногда сами упоминають; въ купчей Кириллова монастыря игумена Кассіана, 1448—1468 годовъ, сказано: „а грамота безъ печати“ ¹⁾. Въ актахъ XVI—XVII вѣковъ печати совершителей обыкновенно уже замѣняются ихъ подписями, что, впрочемъ, не всегда бывало. Указъ 1628 года ноября 17, въ сущности, уже требуетъ, чтобы всякая крѣпость была подписана тѣмъ, кто даетъ ее, или, за его безграмотностью, его отцомъ духовнымъ. Въ росписи съ статейнаго списка, присланнаго изъ Челобитеннаго приказа въ Земскій приказъ, мы читаемъ: „которые люди учнутъ заимывать въ кабалу деньги, а въ тѣхъ деньгахъ учнутъ дворы и лавки закладывать или учнутъ кто межъ себя какіе записи или иные какіе крѣпости въ иныхъ какихъ дѣлѣхъ учнутъ межъ себя писать, а грамотѣ не умѣють, и къ тѣмъ кабаламъ и ко всякимъ крѣпостямъ въ ихъ мѣсто отцемъ-ли ихъ духовнымъ, или стороннимъ людямъ велѣтъ въ ихъ мѣсто руки прикладывать? По той статьѣ государи указали: кто не умѣетъ грамотѣ, и въ ихъ мѣсто руки прикладывать отцемъ ихъ духовнымъ; а будетъ у кого отца духовнаго близко нѣтъ, или со отцемъ духовнымъ вражда, и въ ихъ мѣсто руки прикладывать роду ихъ ближнему, братьѣ роднымъ или племянникомъ“ ²⁾.

Въ древнѣйшихъ грамотахъ до середины XV столѣтія послухи обыкновенно лишь упоминаются въ качествѣ свидѣтелей сдѣлки, а не совершенія самаго акта, что и отражается въ формулѣ—„а на то послуси“; и только начиная со второй половины XV, главнымъ же образомъ съ XVI вѣка грамоты обыкновенно снабжены печатями и, быть можетъ позднѣе, рукоприкладствами послуховъ. При „запечатаніи“ грамоты послухи ограничивались иногда (?) одной общей для всѣхъ печатью. Въ духовной Патрикеевской Троицкому Сергіеву

¹⁾ А. Ю. № 73.

²⁾ А. Н., т. III, № 92 (с. 101) и № 167 (с. 308). Лица, прикладывавшія руку за другого, иногда назывались „ручниками“; см. *И. Посошковъ*, *Завѣщаніе отеческое*, с. 189.

монастырю 1391—1428 годовъ мы читаемъ, напримѣръ: „А запечатали есмь вси послуши единою печатью хресцемъ“¹⁾. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ послухи довольствовались печатью отца духовнаго или даже какимъ либо другимъ знакомъ, напримѣръ, духовная Александра Белеутова 1472 года заканчивается словами: „А запечатали есмя сію духовную всѣ одною печатью отца его духовнаго игумена Андроника“; духовная Степана Лазарева 1473 года заключаетъ слѣдующее указаніе: „А запечатали есмя духовную пошъ и мужи всѣ и дьякъ денгою Поугороцкою“ и т. п.²⁾.

Указанія на того, кто писалъ грамоту, если онъ не былъ должностнымъ лицомъ (а только грамотнымъ и знающимъ формы составленія актовъ), можно также признать способомъ частнаго ихъ удостовѣренія, напримѣръ: „А подлинную харатеиную купную грамоту писалъ дьякъ онанья істома“, „А грамоту писалъ Григорей дьякъ стаго сеса“ и т. п.³⁾. Подписи писца не требовалось, ибо онъ самъ писалъ грамоту и, въ сущности, значить въ вышеприведенной формулѣ снабжалъ ее своей подписью.

Наконецъ, знакомъ частнаго удостовѣренія можно отчасти признать еще внесеніе акта въ картуларіи, т. е. въ частную записную книгу крѣпостныхъ актовъ, которая обыкновенно велась крупными владѣльцами: духовными и свѣтскими лицами. Хотя въ такія книги могли попадать и неподлинныя акты, однако, въ виду того юридическаго значенія, какое приписывали такимъ книгамъ и даже засвидѣтельствованія ихъ, кромѣ самихъ владѣльцевъ или ихъ уполномоченныхъ, органами правительственной власти, можно думать, что актъ, внесенный въ нее, обыкновенно разсматривался, какъ достовѣрный⁴⁾.

Знаки публичнаго удостовѣренія состояли: 1) въ приложеніи печати должностнаго лица или преественнаго

1) А. Ю. Б., т. I, № 82.

2) А. Ю. №№ 410 и 411.

3) А. Шахматовъ, *Op. cit.*, №№ 41, 81, 82, 96 и др.

4) См. выше, с. 114.

мѣста, 2) въ писаніи крѣпостей площадными подьячими, 3) въ докладѣ органамъ правительственной власти, 4) въ внесеніи текста грамоты въ записныя книги крѣпостей, которыя велись въ соотвѣтственныхъ присутственныхъ мѣстахъ.

1. Печать употреблялась и въ качествѣ знаковъ для публичнаго удостовѣренія грамоты. Въ Двинскихъ грамотахъ, напримѣръ, часто отмѣчается, что при совершеніи акта у печати, привѣшиваемой должностнымъ лицомъ къ грамотѣ, стоялъ такой-то; при заключеніи купчихъ, у печати находился обыкновенно продавецъ или рѣже довѣритель; напримѣръ: „А оу печати стоялъ Гаврила“; или „а въ печати стоялъ Уртемъ самъ“; или „оу печати стоялъ Романъ во отеча своего мѣсто Онъчифора“; или „а оу печати вѣдѣли стоѣти нефѣдѣвы дѣти (такіе-то) оу свое мѣсто Фефилату Федоровичю“¹⁾. При двинскихъ грамотахъ такія печати бывали обыкновенно свинцовыми вислыми, обыкновенно на нитяныхъ шнуркахъ. Въ позднѣйшее время указомъ 1676 года октября 22 велѣно было прилагать въ Земскомъ приказѣ къ даннымъ и всякимъ крѣпостямъ государеву, а не судейскую печать²⁾. Съ начала же 1699 года, когда вышелъ указъ 23 января, приложение печатей должностныхъ лицъ окончательно замѣнилось введеніемъ въ употребленіе гербовой бумаги, уже снабженной государственной печатью³⁾.

2. Съ теченіемъ времени публичное удостовѣреніе акта стало обнаруживаться и въ томъ, что онъ писался органомъ, уполномоченнымъ на то правительственной властью. Съ середины XVI столѣтія встрѣчаются указанія на „площадныхъ подьячихъ“, которые и стали играть такую роль при писаніи актовъ. Въ дѣлѣ С. В. Строилова съ И. М. Чертовымъ 1565—1566 годовъ, напримѣръ, упоминается площадной подьячій

¹⁾ А. Шамазовъ, *Op. cit.*, №№ 3, 31, 109, 112.

²⁾ П. С. З., т. II, № 665.

³⁾ П. С. З., т. III, № 1673 и др.; ср. т. VI, № 3521. Опис. докум. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Святѣйшаго Правит. Синода, т. V, № 1. Полное Собраніе постановленій и распор. по вѣдомству правосл. исповѣд., т. V, № 1477.

Палка Бѣлозерець ¹⁾); такъ какъ къ тому времени онъ уже просидѣлъ въ тюрьмѣ девятнадцать лѣтъ, то и можно заключить, что площаднымъ подьячимъ онъ былъ уже въ срединѣ сороковыхъ годовъ XVI столѣтія. Въ исторіи института площадныхъ подьячихъ надо различать время до Уложения и послѣ Уложения. До Уложения площадные подьячіе писали акты еще наряду съ другими учрежденіями и лицами. Со времени Уложения площаднымъ подьячимъ было оффициально поручено совершеніе важнѣйшихъ актовъ, что и придало имъ значеніе своего рода нотаріусовъ, удостовѣрившихъ ихъ.

Уложение, дѣйствительно, поручаетъ исполненіе такой функціи площаднымъ подьячимъ. „А которыя люди учнутъ у кого займовати въ кабалы денегъ, или иного чего нибудь, или кто кому учнетъ давати на себя записи, или иные какія-нибудь крѣпости въ большихъ дѣлахъ, и имъ заемныя кабалы и всякія крѣпости велѣтъ писать на себя и въ послухъхъ писатися на Москвѣ и въ городѣхъ площаднымъ подьячимъ; а писати послуховъ въ крѣпостяхъ на Москвѣ и въ городѣхъ, въ большихъ дѣлахъ человекъ по пяти и по шти, а не въ большихъ дѣлахъ человека по два и по три, а меньши дву человекъ въ послухъхъ ни въ какихъ крѣпостяхъ не писати, и давати такіе заемныя кабалы, и всякія крѣпости на себя за своими руками. А которыя грамотѣ не умѣютъ, и имъ велѣти въ свое мѣсто къ тѣмъ кабаламъ, и ко всякимъ крѣпостямъ прикладывать руки отцемъ своимъ духовнымъ, или братьямъ своимъ роднымъ, или дядьямъ, или племянникомъ, или кому они въ томъ вѣрятъ. А мимо площадныхъ подьячихъ и безъ послуховъ никому ни на кого крѣпостей не писати. А будетъ кто у кого занявъ денегъ, или иного чего, заемную память напишетъ на себя самъ своею рукою, или ту память велитъ на себя написать человеку своему, а самъ къ той памяти руку приложитъ, и такимъ заемнымъ памятемъ вѣрити, и судъ по нихъ давати.

¹⁾ П. Лигацевъ, Изъ лекцій по дипломатикѣ, сс. 23, 27.

А будетъ кому нибудь лучише у кого заняты денегъ рублевъ пять, или шесть, или десять, или хлѣба, или иного чего нибудь, противъ тоя цены въ селѣ, или въ деревнѣ, или кто какое угодье въ наемъ отдасть противъ тоя же цены, а грамотѣ онъ умѣеть, и крѣпость на себя самъ напишетъ, или кому велитъ написать, а самъ руку приложитъ, хотя и бесъ послуховъ, и такимъ крѣпостямъ по тому же вѣрить и судъ по нихъ давати. А которые люди въ селѣхъ и въ деревняхъ грамотѣ не умѣютъ, и имъ въ такихъ не въ большихъ дѣлѣхъ велѣти на себя такія крѣпости писати иныхъ сель земскимъ, или церковнымъ дьячкомъ, или кому нибудь, и къ тѣмъ крѣпостямъ, велѣти въ свое мѣсто прикладывати руки отцемъ своимъ духовнымъ, или кому въ томъ они вѣрятъ стороннимъ людямъ. А которые люди такія крѣпости учнутъ на кого имати, и имъ такихъ крѣпостей въ своихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ попомъ своимъ и дьячкомъ и людямъ писати не велѣти. А будетъ у кого такіе крѣпости объявятся, и такимъ крѣпостямъ не вѣрити, по тому что писали тѣ крѣпости ихъ же сель попы и дьячки. А вотчинныя и дворовыя купчія и закладныя и даныя и иныя всякія крѣпости въ большихъ дѣлехъ всякихъ чиновъ людямъ велѣти на Москвѣ и въ городѣхъ писати и въ послушѣхъ писатися на площади площаднымъ подьячимъ; а въ селѣхъ и деревняхъ и по подворьямъ такихъ крѣпостей въ большихъ дѣлехъ, опричь зговорныхъ свадебныхъ записей и духовныхъ и заемныхъ памятей, никому не писати“.

Соотвѣтственно приведенной статьѣ Уложеніе придаетъ актамъ, писаннымъ площадными подьячими, значеніе судебныхъ доказательствъ.

„А будетъ кто кому давъ на себя какую крѣпость, учнетъ на того, кому онъ ту крѣпость дастъ, являти и битъ челомъ Государю и сказывати, что на него та крѣпость взята по неволѣ, и учнетъ онъ въ томъ слатися на стороннихъ людей по стачкѣ, а писана та крѣпость на площади, и въ послушѣхъ у тоя крѣпости писались площадные подьячіе, и его рука у той крѣпости есть, а тотъ, кому онъ

ту крѣпость на себя дать, и площадные подьячіе на очном ставкѣ съ нимъ учнутъ говорить, что та крѣпость прямая, а не нарядная, а тѣ люди, на которыхъ тотъ челобитчикъ пошлется съ ними по стачкѣ, учнутъ ту крѣпость называти нарядною же, а послѣ того сыщется допряма, что та крѣпость прямая, а не нарядная, а лживять ее для того, что бы по ней исцова иску не платити, и тому челобитчику за такое его ложное челобитье, и тѣмъ людямъ, которые учнутъ по немъ говорить ложно, съ нимъ по стачкѣ, учинити жестокое наказаніе, велѣти ихъ бити кнутомъ нещадно при многихъ людехъ, что бы имъ и инымъ такимъ въпредъ неповадно было такъ дѣлать. Да на нихъ же велѣти тому, на кого они такое дѣло напрасно затѣють, доправити бесчестье, да искъ его по крѣпости сполна, да его же вкинути въ тюрьму на полгода. А будетъ кто кому давъ на себя какую крѣпость нибудь, и учнетъ ту крѣпость на судѣ лживити, а та крѣпость за его рукою, и писана та крѣпость на площади и въ послусѣхъ въ той крѣпости написаны площадные подьячіе, а до суда на ту крѣпость челобитья его и явокъ не бывало, и такимъ отвѣтчикомъ не вѣритъ, и велѣтъ на нихъ по такимъ крѣпостямъ исцовой иски править и отдавать исцомъ“¹⁾.

Указомъ 1700 года января 1 велѣно писать всякія крѣпости въ Ратушѣ, а не площаднымъ подьячимъ, распредѣливъ ихъ между Ратушей и Московской большой таможенной, причемъ позднѣйшіе указы присоединили крѣпостныя дѣла къ вѣдомству городскихъ ратушъ²⁾; но такой порядокъ былъ впоследствии отмѣненъ. Указъ 1701 года января 30 установилъ новый институтъ крѣпостныхъ дѣлъ подьячихъ, причемъ завѣдываніе имъ было поручено Оружейной палатѣ; новое устройство, отличное отъ прежняго, повело къ образованію нотаріата³⁾.

¹⁾ Уложение, X, 246-250, 252, 253.

²⁾ П. С. З., т. IV, № 1740, ср. т. IV, №№ 1794, 2087, 2099.

³⁾ П. С. З., т. IV, №№ 1833, 1838 и др. О писчихъ избахъ въ городахъ см. *ibid.*, т. IV, № 1851.

3. Докладъ получалъ нѣкоторое примѣненіе къ дѣламъ о холопахъ: принятіе на себя должности ключника, по мнѣнію одного изъ нашихъ изслѣдователей, происходило по докладѣ намѣстнику; по мнѣнію другого, докладомъ назывался актъ продажи себя въ рабство, совершаемый передъ лицомъ правительственнаго агента, который подвергалъ продающагося допросу о томъ, дѣйствительно ли онъ продастъ себя въ рабство такому-то лицу и за такую-то цѣну ¹⁾. Докладными назывались, однако, и другіе акты; напримѣръ, докладная грамота, въ силу которой вольная дѣвка выходить замужъ за холопа, а „по его холопи далась ему въ рабы“ и т. п. ²⁾. Въ числѣ актовъ, представленныхъ въ Разрядъ, немало „докладныхъ“ купчихъ, заемныхъ и т. п. Докладная грамота великаго князя Рязанскаго Ивана Васильевича о займѣ Василіемъ Андреевымъ сыномъ съ семьей 5 рублей денегъ у Федора Васильевича начинается словами „Доложь вел. князя... боярина... се язъ... А на докладѣ были Юрманьга талмачъ да Анисимъ Сухининъ сынъ...“ ³⁾. Судебники разрѣшаютъ выдачу отпускной холоду и рабѣ не иначе какъ съ боярскаго доклада ⁴⁾.

4. Въ то-же время (XVI-XVII вѣка) крѣпостные акты, писанные площадными подьячими (по крайней мѣрѣ, нѣкоторые), подлежали запискѣ въ приказахъ и въ сѣзжихъ избахъ въ записныя книги крѣпостямъ, смотря по предмету ихъ вѣдомства, напримѣръ, крѣпости на холоповъ—въ приказѣ Холопьяго суда, а по городамъ у воеводъ и губныхъ старостъ, обязанныхъ скрѣплять книги своими подписями ⁵⁾; крѣпости на вотчины и помѣстья записывались въ Помѣстномъ приказѣ ⁶⁾; крѣпости на дворы и дворовыя мѣста въ Москвѣ въ Земскомъ приказѣ и въ приказныхъ избахъ ⁷⁾; записи на

¹⁾ А. Дмитриевъ, Исторія судебныхъ инстанцій, изд. 2, сс. 278—287.

²⁾ Записная книга дьяка Алябьева, въ Р. И. Б. т. XVII, сс. XII—XIII и № 359.

³⁾ Акты Юшкова, ч. I, № 32 и др.

⁴⁾ Судебникъ, статьи 18, 20; Царскій Судебникъ, ст. 77.

⁵⁾ Уложение, XX, 2, 7-14, 16, 37, 38, 45, 48, 72-74.

⁶⁾ Уложение, XVI, 6; XVII, 31, 35, 38, 39, 54; XVIII, 17. П. С. З., т. I, № 475; т. II, № 1060; т. III, № 1854.

⁷⁾ Уложение, XIX, 40. П. С. З., т. IV, № 1919.

дворцовыхъ тяглыхъ людей на урочные годы въ работу—въ приказѣ Большого Дворца ¹⁾); жилия записи на патриаршихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ—въ Монастырскомъ приказѣ ²⁾); крѣпостные акты, писанные иноземцами—въ Палатѣ крѣпостныхъ дѣлъ ³⁾ и т. д. Въ XVIII вѣкѣ, какъ указано было выше, такія записныя книги велись въ Судномъ приказѣ ⁴⁾, позднѣе въ Крѣпостной конторѣ ⁵⁾, въ Юстицъ-и Вотчинной Коллегіи и въ губернскихъ и провинціальныхъ канцеляріяхъ, съ 1775 года, по Учрежденію о губерніяхъ, въ палатахъ гражданского суда и уѣздныхъ судахъ.

Въ составѣ подлинныхъ актовъ слѣдуетъ различать акты: черновые, бѣловыя, умноженные и возобновленные.

1. Черновые акты могутъ дать понятіе о происхожденіи даннаго акта или, по крайней мѣрѣ, о генезисѣ его текста. По черновому акту, писанному собственноручно или снабженному собственноручными поправками, можно иногда судить о томъ лицѣ, отъ котораго онъ исходитъ или о той канцеляріи, въ которой онъ былъ написанъ. Черновые акты могутъ также представлять изъ себя первоначальную редакцію бѣловыхъ, въ которой мысль иногда высказывается болѣе непринужденно или обнаруживаетъ характерныя уклоненія. Впрочемъ, относительно частныхъ актовъ случаи подобнаго рода довольно рѣдки. Черновые акты обыкновенно лишены какихъ либо знаковъ удостовѣренія. Въ Коллежскомъ собраніи двинскихъ грамотъ сохранилось два акта, представляющіе какъ бы двѣ редакціи для выраженія одной и той-же юридической сдѣлки, причемъ трудно, однако, рѣшить, какая изъ нихъ окончательная: въ 1619 году августа 13 Матрена Ергина „и въ брата своего мѣсто“ Григорія Буторы продала, напимѣрь, часть пожни Лапанги Николаевскому Моржегорскому монастырю, причемъ купчая

¹⁾ Ibid., т. II, № 759.

²⁾ Ibid., т. IV, № 1920.

³⁾ Ibid., т. IV, № 1941.

⁴⁾ Ibid., т. IV, №№ 1962, 1997, 2088.

⁵⁾ Ibid., т. VII, № 4266.

на эту землю имѣется въ двухъ видахъ: текстъ обѣихъ грамотъ почти тождественный, — отличие состоитъ лишь въ томъ, что въ одной послухами являются два лица: „мужъ Матрены Худекъ Ивановъ да Иванъ Клементиевъ Ергина же“; а въ другой, кромѣ того, упомянуть третій: „Максимъ Ѳедоровъ сынъ Галашева“; приче́мъ первую купчую писалъ „Никольсково монастыря дячекъ Елизарко Семеновъ“, а вторую купчую: „Венедиктецъ Ивановъ Яковлева“¹⁾.

2. Бѣловыя акты обыкновенно содержатъ окончательную редакцію текста и снабжены, если они оказываются актами съ удостовѣрительнымъ характеромъ, все́ми нужными знаками ихъ удостовѣренія. Впрочемъ, въ бѣловыхъ актахъ также встрѣчаются иногда поправки, внесенныя даже надъ строками, другими чернилами, напри́мѣръ, въ духовной черноризда Артемія на четверть наволока, завѣщанную имъ Николаевскому Чухченемскому монастырю, XV-го вѣка и т. п.²⁾

3. Умноженные акты (удвоенные, утроенные и т. п.). Въ случаѣ заключенія обоюдосторонней сдѣлки, каждая изъ сторонъ нуждалась въ соответствующемъ актѣ; о́пъ изготовлялся въ соответствующемъ числѣ экземпляровъ, каждый изъ которыхъ имѣлъ равное съ другими значеніе, т. е. являлся подлиннымъ; такіе акты назывались въ старину „противными“. Въ „записи“ о полюбовномъ раздѣлѣ земель между Ѳерапонтовымъ монастыремъ и крестьянами Есюинской волости, 7038 (1530) года мы читаемъ: „А су есмя запись, написавъ, далъ (староста и во все́хъ крестьянъ мѣсто) игумену съ братією Ѳерапонъту, а у нихъ есмя запись взяли такову-же слово въ слово“. Въ „мѣнной“ на часть сугреба разсолу въ варницѣ Глубокой въ Неноксѣ съ варничнымъ „заводомъ“ и угодьями, промѣненную Тимоѳеемъ Усовымъ Николаевскому Корельскому монастырю на часть сугреба разсолу въ варницѣ Скоморошицѣ тамъ же съ варничнымъ „заводомъ“ и угодьями, 1622 года, значится: „А тѣми росолы помѣнялись мы межъ собою по слову и полюбовно, и мѣнные двѣ написали слово

¹⁾ Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № № 494, 495.

²⁾ Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, № 7.

въ слово и розняли по себѣ“. Въ дѣльной Василя Лодыгина, Никиты Шулемина и Никона и Сергѣя Сидоровыхъ на деревню на Ладинѣ берегу 1627 года встрѣчается слѣдующая клаузула: „да въ томъ мы промежъ собою и дельные пописали три по противнымъ и розняли по себѣ“¹⁾).

Въ „противныхъ“ допускались, впрочемъ, тѣ малозначительныя измѣненія, какія оказывались нужными, при писаніи, напримѣръ, акта отъ лица поряжающаго или порядчика, покупателя и продавца и т. п. Въ крестьянскихъ порядныхъ встрѣчаются, напримѣръ, такія клаузулы: „А записи есмя писали по противнымъ“, „да въ томъ есмя межъ себя и записи написали по противнымъ и розняли“ и т. п. Противни купчихъ, напримѣръ, акты рода Монастыревыхъ соотвѣтственно начинались словами: „се язъ продалъ“, „се язъ купилъ“ и т. п.²⁾ Такіе акты назывались иногда также „грамотами противными“: въ переписной книгѣ домовою казны патріарха Никона, напримѣръ, значится: „патріарша мѣновная 165 году, что промѣнилъ въ домъ Пречистые Богородицы сельцо Новое съ деревнями на деревню Посникову въ Московскомъ уѣздѣ; мѣновная противная на деревню Посникову того-жь году“³⁾).

4. Акты возобновленные замѣняли собою подлинныя; они содержали возобновленные тексты утраченныхъ грамотъ, надлежащимъ образомъ удостовѣренные. Такія грамоты, утраченныя по случаю ветхости, пожара, вражескаго нашествія и т. п., возобновлялись по челобитью заинтересованныхъ лицъ послѣ приказнаго сыска.

Акты, которые нельзя признать, на основаніи вышеприведенныхъ признаковъ, подлинными, оказываются неподлинными. Въ составѣ ихъ можно различать; акты списанные и поддѣльные.

1. Акты списанные встрѣчаются или въ видѣ отдѣльныхъ копій или въ цѣлыхъ сборникахъ. а) Копіи съ отдѣльныхъ

¹⁾ А. Ю. № 154. Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, №№ 521, 535.

²⁾ Сводный текстъ крестьянскихъ порядныхъ XVI вѣка, составленный слушательницами С-Пб. Высшихъ Женскихъ Курсовъ, С-Пб. 1910, с. 46. А. Ю. № 31 и Д. Мейчикъ, Ор. cit., с. 114.

³⁾ Врем. М. О. И. и Др., кн. 15 (1852), с. 75.

актовъ назывались „списками“ или „снимками“, что и обозначалось въ началѣ грамоты и на оборотѣ ея, напримѣръ: „списокъ з данои слово въ слово“ или „снимокъ зъ духовной слово въ слово“, причеъ на оборотѣ послѣдней значится: „снять списокъ зъ духовной“ и т. п. Термины „снимокъ“ и „съемъ“, однозначущіе съ терминомъ „списокъ“, рѣже встрѣчаются ¹⁾. Копіи могли быть засвидѣтельствованными или простыми. Купчая Антонія Римлянина, писанная, судя по косвеннымъ указаніямъ, до 1147 г. и вызывающая нѣкоторыя сомнѣнія, засвидѣтельствована царемъ Иваномъ Грознымъ 1573 года августа 15. Духовная Владимира Васильковича (внука Романа Мстиславича), князя Владимірска-Волынскаго († 1289 году), извѣстна лишь въ простой копіи, занесенной па страницы нашей лѣтописи по Ипатьевскому списку и т. п. ²⁾. О значеніи нѣкоторыхъ копій можно судить хотя-бы по тѣмъ актамъ, которые были представлены въ Разрядъ, въ Палату Родословныхъ Дѣлъ, послѣ отмѣны мѣстничества, главнымъ образомъ, въ промежутокъ времени съ 1682 года по 1690 годъ и которые сохранились въ спискахъ: между ними имѣется, напримѣръ, одна рязанская купчая XIV вѣка, подлинникъ которой находился въ Сологичинскомъ монастырѣ, „въ казнѣ“; къ „подлинному ея списку“ архимандритъ руку приложилъ; далѣе купчія и заемныя XV вѣка и т. д. ³⁾.

Въ позднѣйшихъ грамотахъ, особенно въ правыхъ, часто включались тексты старѣйшихъ актовъ, предъявленныхъ на судѣ. Въ одной правой грамотѣ Николаевскому Корельскому монастырю 1571 года, напримѣръ, внесено нѣсколько частныхъ актовъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) отступная, 2) отступная, 3) отступная, 4) данная, 5) порядная, 6) данная, 7) отступная (названная купчей), 8) отступная, 9) отступная, причеъ вышеуказанная крестьянская порядная—древнѣйшая

¹⁾ Сборн. грам. Коллегіи Экономіи, т. I, №№ 119 и 346. Р. И. Б., т. XIV, ст. 847, 851.

²⁾ *Амвросій*, Исторія Росс. Іерархіи, т. VII, сс. 123-126. Ипатьевская лѣтопись подъ 6795 годомъ (с. 595).

³⁾ Акты Юшкова №№ 32, 44 и др.

изъ извѣстныхъ. Въ дѣлахъ XVIII вѣка, особенно тѣхъ, которыя касаются землевладѣнія, „почти постоянно встрѣчаются въ копіяхъ документы XVI и XVII вѣковъ“ ¹⁾).

б) Сборники актовъ въ копіяхъ имѣютъ существенное значеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда могутъ быть признаны картуларіями, въ особенности такими, которые были засвидѣтельствованы въ приказахъ (*diplomatoria, panchartae, chartularia*). Наиболѣе извѣстными картуларіями подобнаго рода слѣдуетъ признать извѣстные сборники актовъ Троицкаго Сергіева монастыря. О составленіи ихъ сохранились слѣдующія извѣстія: при архимандритѣ Адрианѣ въ 1642 году, по случаю доносовъ, изъ Москвы были присланы окольнічій князь Волконскій и дворянинъ Панинъ съ двумя дьяками и восемью подьячими; они должны были переписать все церковное имущество, деньги, запасы съѣстные и воинскіе, монастырскихъ людей и скотный дворъ, какъ въ Троицкомъ монастырѣ, такъ и во всѣхъ подвѣдомственныхъ ему монастыряхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ переписаны были и всѣ грамоты на монастырскія вотчины какъ окладныя, такъ и жалованныя великихъ и удѣльныхъ князей и царей Московскихъ. Возникшій такимъ образомъ сборникъ вкладныхъ грамотъ съ присовокупленіемъ прочихъ документовъ на владѣніе вотчинами или „вотчинная книга“ раздѣляется на двѣ части и содержитъ въ себѣ 2375 актовъ разнаго рода. Сборникъ жалованныхъ грамотъ великихъ и удѣльныхъ князей и царей содержитъ въ себѣ 588 грамотъ. Оба сборника скрѣплены по листамъ монастырскими властями и дьяками ²⁾). Въ одномъ изъ сборниковъ Троицкаго Сергіева монастыря смѣшаннаго содержанія записано, между прочимъ, слѣдующее извѣстіе, относящееся, надо думать, ко второй половинѣ XVII вѣка ³⁾:

¹⁾ А. Ю. № 23. Памятн. кн. Моск. Арх. Мин. Юст., с. 149.

²⁾ А. Горскій, *Op. cit.*, сс. 127—128.

³⁾ Троицкой Сергіевой Лавры Главная Библиотека, опись 1906 года, отдѣленіе 13, № 637, лл. 214—216. Предшествующія записи относятся къ 7193 году, послѣдующія упоминаютъ актъ 7160 года.

„По указу государей властей написано с писцовыхъ книгъ списковъ и з государевыхъ жаловальныхъ грамотъ и з даныхъ и з духовныхъ и закладныхъ и купчихъ и з меновныхъ записей на Троицкие вотчины и на всякие угодье и тѣ списки справлены на Москвѣ в Помѣстномъ приказе и привезены в монастырь за приписью дьяка Дмитрѣя Ѳедорова да за подъяческими справками Максима Данилова, Леонтыя Львова, Ооонася Герасимова и переплетены в переплетъ и отданы в брѣвостную казну брѣвостному старцу Арону Покровскому.

- 2 книги Московского уѣзду
- 2 книги Дмитровского уѣзду
- 2 книги Переславского уѣзду
- 2 книги Серпѣйского уѣзду
- 2 книги Коломенского уѣзду
- 2 книги Ярославецкого Малаго уѣзду
- 2 книги Оболенского уѣзду
- 2 книги Боровского уѣзду
- 2 книги Новосилского уѣзду
- 2 книги Калужского и Верѣйского уѣзду
- 2 книги Звенигородцкого уѣзду
- 2 книги Серпуховского уѣзду
- 2 книги Каширского уѣзду
- 1 книга Медынского уѣзду
- 1 книга Резанского уѣзду
- 1 книга Можайского уѣзду

Принято у слуги Василья Колмакова Галецкого стола с писцовыхъ и с мѣжевыхъ книгъ и с крепостей списковъ за приписью дьяка Дмитрея Ѳедорова.

Да книга за рукою крепосные казны старца Арона Покровского и тѣ книги отданы въ крепосную казну.

- 2 книги Новгородского уѣзду
- 2 книги Ярославского и Пошехонского уѣзда
- 2 книги Бѣлозерского уѣзда
- 4 книги Костромского уѣзда
- 2 книги Галецкого уѣзда

2 книги Колмогорского уѣзда
книга Варзуского уѣзду крепостемъ“.

Такіе-же сборники существовали у Кирилло-Бѣлозерскаго, Соловецкаго и другихъ, по крайней мѣрѣ, крупныхъ монастырей. Такія книги носили иногда специальное названіе: сборникъ актовъ Михаило-Архангельскаго монастыря въ Великомъ Устюгѣ озаглавленъ, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ: „Книга, глаголемая Путникъ, Устюга Великаго пречестныя обители Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго Ея введенія въ церковь и соборъ великаго въ чудесѣхъ святаго архистратига Божія Михаила и прочихъ небесныхъ силъ безплотныхъ, по благословенію архимарита Варлама и по совѣту соборныхъ старцовъ: старца веларя и уставщика Нифонта и казначеевъ старцовъ Исаи и Никиты и порядчиковъ старцовъ Наума и Петра и всея братіи, начата писати лѣта 7126 въ великій постъ на 4 недѣли въ среду съ подлинныхъ путей монастырскіе вотчины и со всякихъ монастырскихъ крѣпостей слово въ слово.—Марта въ 11 день“¹⁾.

Возможно, что нѣкоторые изъ свѣтскихъ лицъ также вели подобнаго рода книги, т. е. своего рода частныя картуларіи. Въ одномъ изъ нашихъ хранилищъ рукописей находится, напримѣръ, сборникъ списковъ съ разнаго рода грамотъ, записей, купчихъ и проч., относящихся къ роду Мещериновыхъ. Извѣстная книга Поганкина, вѣроятно 1670-ыхъ годовъ, тоже, пожалуй, записная книга актовъ; самъ Поганкинъ былъ состоятельнымъ псковскимъ купцомъ, чѣмъ, можетъ быть, и объясняется, что они состоятъ, главнымъ образомъ, изъ купчихъ и т. п.²⁾.

¹⁾ Акты Велико-Устюжскаго Михаило-Архангельскаго монастыря, изданные подъ редакціей В. Шалкина, Великій Устюгъ 1912, часть I, с. 5. Сборникъ копій съ грамотъ на земельныя владѣнія Симонова монастыря, „писанный скорописью большею частью въ 1666 году и не позднѣе самого конца XVII вѣка“, названъ „книгой копійной“; см. Н. Поповъ, Рукописи Московской Синодальной Библиотеки, выпускъ II: Симоновское собраніе, Москва, № LVIII.

²⁾ К. Калайдовичъ и П. Строевъ, Описаніе рукописей графа О. Толстова, отд. II, № 271. Книга Поганкина, хранящаяся въ Псковскомъ Археологическомъ музеѣ, издава К. Г. Евлентьевымъ, Псковъ. 1870.

Наконецъ, кромѣ цѣльныхъ копій, неподлинныя частныя акты извѣстны и въ видѣ пересказовъ (регистровъ), сохранившихся, главнымъ образомъ, въ записныхъ книгахъ крѣпостнымъ актамъ, которыя велись въ Московскихъ привазахъ и сѣзжихъ избахъ, по крайней мѣрѣ, съ конца XVI вѣка. Нѣкоторыя изъ нихъ изданы, напримѣръ, записныя книги крѣпостныхъ актовъ—духовныхъ, дажныхъ, купчихъ, заемныхъ, полныхъ, служилыхъ кабалъ и т. п., явленныхъ новгородскому дьяку Д. Алябеву ¹⁾.

2. Акты поддѣльные. Вообще можно признать источникъ поддѣльнымъ, если можно приписать обманщику злое намѣреніе поддѣлать именно историческій источникъ, т. е. совершить поддѣлку самаго факта его существованія, какъ источника, и выдать результатъ своей поддѣлки за дѣйствительно существующій источникъ или за его часть. Въ такомъ смыслѣ нѣкоторые акты, вызывающіе сомнѣніе, можно признать скорѣе поддѣльными, чѣмъ подложными. Болѣе полувѣка тому назадъ, напримѣръ, въ провинціальныхъ нашихъ изданіяхъ появился одинъ актъ, который вызываетъ подозрѣніе о его поддѣлкѣ. „Се азъ, читаемъ мы здѣсь, города Гдова, старыхъ колымажныхъ дѣлъ колымажникъ Савастьянка Севрюковъ, принялъ я, Савастьянка, вышеписаннаго города Гдова, къ себѣ въ домъ вобья, а на долю ему, вобью, треть живота; а ежели добръ будетъ вобья, то половину ему, вобью; а ежели Богъ по душу (мою) пошлетъ, то и все ему, вобью. А ежели я, Савастьяшка, противъ него попячусь, и мнѣ, попятчику, будетъ стыдно; и ему, вобью, самому меня попятить и взять на мнѣ запячины, что указано будетъ. А на то колода людей. Лѣта 7090 (1582) года. Въ томъ Савастьянка Севрюковъ руку приложилъ“ ²⁾.

Въ правовомъ смыслѣ можно умышленно выдавать, посредствомъ лжи или обмана, искусственный продуктъ за

¹⁾ Арх. истор.-юридич. свѣдѣній, относящ. до Россіи, изд. Н. Калачовымъ, книга 2, пол. 1, отдѣл. II, сс. 9—70. Р. И. Б., т. XVII, сс. XXX+214+50+4кн.+II.

²⁾ Яросл. Губ. Вѣд. 1850 г. № 25; Владим. Губ. Вѣд. 1860 г. № 43; Олонек. Губ. Вѣд. 1874 г. № 82, а также въ Чтен. М. О. И. и Др. 1863 г., кн. 1, смѣсь, с. 1.

настоящій, если приписывать ему правовое значеніе, котораго онъ, однако, не имѣетъ; дѣяніе подобнаго рода называется подлогомъ въ широкомъ смыслѣ и характеризуется тѣмъ, что оно совершается исключительно благодаря „материализованной лжи“ и направлено къ тому, чтобы, при помощи овеществляющаго ее продукта, посягнуть на павѣстные правоохраненные интересы; съ указанной точки зрѣнія разсуждаютъ, напримѣръ, о подлогѣ денежныхъ знаковъ, печатей, документовъ и т. п. Впрочемъ, терминъ „подлогъ“ чаще употребляется въ еще болѣе узкомъ смыслѣ, примѣнительно къ однимъ только „документамъ“, т. е. къ такимъ предметамъ или „писаніямъ“, которые символически удостовѣряютъ юридическія отношенія, права и обязанности, или событія, имѣющія юридическое значеніе. Съ послѣдней точки зрѣнія подъ подлогомъ документа, преимущественно въ криминалистическомъ смыслѣ, можно разумѣть умышленное искаженіе истины въ „писаніи“ съ цѣлью употребить его подъ видомъ настоящаго документа для посягательства на чьи-либо правоохраненные интересы.

Наши источники, конечно, упоминаютъ о поддѣльныхъ актахъ, которые называютъ иногда „нарядными“ грамотами, крѣпостями, кабалами и т. п.¹⁾; законодательство также предусматривало поддѣлку грамотъ и печатей, а позднѣе и поддѣлку гербовой бумаги, напримѣръ, въ Уложеніи и Уставѣ Воинскомъ²⁾. Нѣкоторые виды документовъ подвергались болѣе частой поддѣлкѣ, чѣмъ другіе, напримѣръ, полныя и служилыя кабалы, вкладныя, купчія, закладныя и т. п. Въ уставной книгѣ казначеевъ записанъ указъ 1558 года ноября 30, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „а которые люди впредь учнутъ наряжати на вольныхъ людей полные и докладные, стакався съ таможниками, а въ томъ на нихъ доведуть, я тѣхъ людей и таможниковъ казнити смертною

¹⁾ А. Ю. Б., т. I, ст. 201. Уложеніе, X, 252. Оспоренные акты назывались „живленными“, см., напр., А. Ю. №№ 13, 24 (ст. 27 и 58).

²⁾ Уложеніе, IV, 1—4. Уставъ Воинскій, II, 23, 201. Опис. докум. и бум. Архива Святѣйшаго Синода, т. II, № 50.

казню, какъ и головного татя“¹⁾. Въ позднѣйшее время акты подобнаго рода, а также служилыя кабалы и т. п. поддѣлывались въ значительномъ количествѣ²⁾.

Съ теченіемъ времени поддѣлка вкладныхъ, купчихъ, закладныхъ и т. п. получила довольно значительное развитіе³⁾. Древнѣйшая грамота, данная будто-бы великимъ княземъ Дмитріемъ Донскимъ Троицкому Сергіеву монастырю, а также запись во вкладной книгѣ о дачѣ имъ преподобному Сергію двороваго мѣста въ Московскомъ Кремлѣ признаются подложными⁴⁾. Аналогичные случаи извѣстны и изъ южно-русской практики. Такъ, слѣдуетъ считать подложной грамоту великаго князя Китая, во святомъ крещеніи Андрея Юрьевича (Боголюбскаго), якобы данную имъ Кіево-Печерской обители въ 1159 году, но, безъ сомнѣнія, сочиненную Кіево-Печерскимъ архимандритомъ Мелетіемъ Хребтовичемъ-Литоворовичемъ-Богуринскимъ (или по его порученію) съ цѣлью упрочить начинавшее подвергаться колебаніямъ вліяніе Кіево-Печерской обители относительно Пустынно-Никольскаго монастыря; подложной является и грамота, приписываемая князю Роману и будто бы составленная имъ въ XIII вѣкѣ⁵⁾. Происхожденіе двухъ послѣднихъ грамотъ объясняется слѣдующими обстоятельствами. По случаю заключенія вѣчнаго мира 1686 года Московское правительство приступило къ описанію порубежныхъ мѣстностей Кіевского уѣзда и повелѣло владѣльцамъ имѣній въ новоприсоединенномъ краѣ представить свои крѣпостныя

¹⁾ А. И., т. I, №№ 154 и 221, статья XIV.

²⁾ Подложныя грамоты — А. Поповъ, Изборникъ, сс. 448 — 450; его же, Обзоръ хронографовъ, т. II, сс. 201, 227—229. Ложныя крѣпости — Уложеніе, X, 124, 259; XX, 20, 23 — 25, 103. Поддѣлка отпусныхъ также практиковалась; см. Памяти. кн. Моск. Арх. Мин. Юст., с. 47.

³⁾ П. С. З., т. III, № 1714.

⁴⁾ Гером. Арсеній, О вотчинныхъ владѣніяхъ Троицкаго монастыря при жизни его основателя, преподобнаго Сергія, въ Лѣтон. зап. Археограф. Комисси, вып. VII, сс. 139—175.

⁵⁾ Матеріалы для исторіи западно-русской церкви, изданныя подъ редакціей С. Голубева, Кіевъ. 1891 г., вып. I, № IX, с. 71 и слѣд.; Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Кіевск. новытыя кн. 10; ср. Румянц. Муз., собр. И. Д. Бѣльева, № 1626, лл. 1—1 об.

акты въ Кіевскую приказную избу, которая должна была снять съ нихъ „списки“ (копіи), а подлинники возвратить владѣльцамъ. Такимъ образомъ возникла „Описная книга Кіевского ограниченія“, составленная въ 194 (1686) году каштаномъ Ѳеодоромъ Соломѣинымъ и подьячимъ Кіевской приказной избы Ѳеодоромъ Наковальнинымъ. Въ предисловіи къ собранію крѣпостныхъ актовъ кіевскихъ монастырей, присоединенномъ къ книгѣ, говорится, что по указу великихъ государей и по грамотѣ изъ Посольскаго приказа, отъ 11 ноября 195 (1686) года, „за приписью“ дьяка Прокофія Возницына, велѣно у архимандрита Печерскаго монастыря и у настоятелей другихъ кіевскихъ монастырей взять „списки“ съ „жалованныхъ грамотъ“ Московскихъ царей, королевскихъ „привилѣевъ“ и гетманскихъ „универсаловъ“ и прислать эти списки“ въ Посольскій приказъ (л. 69). Вслѣдъ за этимъ предисловіемъ идутъ самые списки съ актовъ, которые писаны на листахъ обыкновеннаго формата, разными почерками южно-русскаго письма конца XVII вѣка. Они расположены систематически по монастырямъ, представившимъ акты. Въ каждомъ такомъ отдѣлѣ акты расположены безъ системы хронологической или какой-либо иной. Каждый отдѣлъ подписанъ по листамъ настоятелемъ известнаго монастыря, а все собраніе актовъ скрѣплено дьячьею подписью. Во главѣ поставлены акты Кіево-Печерской лавры (л. 1—37), по нижнимъ полямъ которыхъ идетъ такая скрѣпа: „къ симъ спискамъ Кіево-Печерскаго монастыря архимандритъ Варлаамъ Ясинскій руку свою приложилъ, а подлинныя крѣпости къ себѣ въ монастырь взял“. Здѣсь помѣщено 23 лаврскихъ акта, въ томъ числѣ и вышеупомянутые, надо полагать, подложныя акты, а именно: документы „описной книги“ а) № 9 „выпись изъ метрикъ Іеремѣи Патріарха Константинопольскаго, привѣлею великаго князя Китая (sic) Андрея Юевича, внука Валодимерова, на мѣсто Василковъ зъ его принадлежностями на монастырь Печерскій, и привѣлей Максима патріарха Константинопольскаго на ставропигіонъ тому-жъ монастырови, 6666 (1158) годъ (л. 9—14), б) № 3 „привѣлей князя Романа Галицкаго,

кіевскаго, владимирскаго, луцкаго и иныхъ земель обладателя, который записуетъ землю Забудецкую, и проч.“, 6748 (1240) года (л. 2—3) ¹⁾.

Въ виду усилившейся поддѣлки крѣпостей правительство, указомъ отъ 9 декабря 1699 года, установило порядокъ изслѣдованія подписей на крѣпостныхъ актахъ въ случаѣ возникновенія сомнѣнія или спора о ихъ подлинности: „7208 года декабря въ 9 день, Великій Государь, Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, указалъ и бояре приговорили: которыя крѣпости явлены, или впредь кто явить въ Помѣстномъ приказѣ, а писаны до сего Великаго Государя указа, а на тѣ крѣпости споръ и челобитье въ Помѣстномъ приказѣ есть, а въ томъ спорномъ челобитье учнутъ писать тѣ крѣпости составными и воровскими, и руки у тѣхъ крѣпостей лживять, и про такія крѣпости разыскивать и руки свидѣтельствовать дьякамъ и подьячимъ, которые сидятъ въ приказахъ, а не площадными подьячими, противъ того какъ по Уложенію и по новоуказнымъ статьямъ велѣно разыскивать по спорному челобитью про купчія и про закладныя и про записи“ ²⁾.

¹⁾ Н. Оглобинъ, Къ вопросу о началѣ Кіевской Академіи, въ Кіевской Старинѣ 1886 г., т. XIV, сс. 485—487.

²⁾ П. С. З., т. III, № 1732. Ср. И. Желябужскій, Записки, изд. И. Сахарова, сс. 74—76.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Документальное построение частныхъ актовъ.

Документальное построение частныхъ актовъ изучаетъ ихъ, какъ историческія явленія въ жизни народовъ, какъ продукты ихъ культуры, какъ результаты мѣстныхъ и временныхъ бытовыхъ и правовыхъ отношеній, которыя они облачаютъ въ извѣстныя формы, и о которыхъ можно судить по такимъ формамъ. Документальное построение выясняетъ, на примѣръ, какую цѣль, болѣе или менѣе согласную съ пониманіемъ даннаго общества, изучаемый актъ преслѣдуетъ и въ чьемъ интересѣ онъ составленъ; какое именно правоотношеніе или юридическую сдѣлку онъ запечатлѣваетъ или удостоверяетъ, и что онъ содержитъ, простое-ли изложеніе послѣдовательныхъ моментовъ ея осуществленія или строгое логическое раскрытіе образующихъ ее элементовъ; какую типическую форму онъ получаетъ въ обычаѣ или законѣ и не развивается-ли она подъ вліяніемъ извѣстныхъ обстоятельствъ; каковъ его составъ, и насколько его части соотвѣтствуютъ его основной цѣли или уклоняются отъ нея, обнаруживая нѣкоторую устойчивость или измѣнчивость въ зависимости отъ данныхъ условій мѣста и времени; каковы главныя разновидности его типа, обусловленныя колебаніями подобнаго рода и характеризуемыя мѣстными или временными формами нѣкоторыхъ изъ его частей, все же отличающихся отъ побочныхъ, вставныхъ или случайныхъ его статей, и т. п.

Въ сущности, документальное построение исходитъ изъ болѣе или менѣе общаго, хотя и приближеннаго понятія о частномъ актѣ и даже о данномъ его видѣ для того, чтобы путемъ его анализа и синтеза научно конструировать его;

притомъ аналитическіе и синтетическіе приемы его ислѣдо-
ванія взаимно дополняютъ другъ друга: нельзя приступить
къ анализу, не придерживаясь какой-либо точки зрѣнія на
предметъ, уже предполагающій нѣкоторый его синтезъ; и,
наоборотъ, нельзя прибѣгнуть къ синтезу, не подвергнувъ
предметъ тщательному анализу, безъ котораго взаимоотно-
шеніе его элементовъ останется неяснымъ; тѣмъ не менѣе
слѣдуетъ различать, конечно, анализъ и синтезъ частнаго
акта, въ качествѣ логически отличныхъ приемовъ его изу-
ченія. Обратимся къ разсмотрѣнію каждаго изъ нихъ въ от-
дѣльности.

Анализъ частнаго акта.

При историческомъ анализѣ частнаго акта необходимо прежде всего установить, къ какому мѣсту и времени онъ относится, а затѣмъ уже подвергнуть его соотвѣтственному дипломатическому и юридическому разсмотрѣнію.

Дипломатическій анализъ имѣетъ въ виду выяснить составъ частнаго акта путемъ грамматическаго, графико-статистическаго и символически-аналитическаго метода; благодаря имъ онъ приходитъ къ расчлененію частнаго акта на протокольные части, клаузулы и т. п.

Юридическій анализъ занимается выясненіемъ, посредствомъ юридическихъ категорій, состава той юридической сдѣлки, которая лежитъ въ его основѣ и расчленяетъ его на тѣ составные ея элементы, которые болѣе или менѣе отражаются и въ клаузулахъ акта. Вышеуказанные методы находятся, конечно, въ тѣсной связи между собою: въ извѣстной мѣрѣ дипломатическій анализъ уже опирается на юридическій; въ свою очередь, юридическій анализъ предполагаетъ дипломатическій; тѣмъ не менѣе для большей ясности мы ознакомимся, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности.

§ 1. Предварительный анализъ частнаго акта: мѣсто и время его происхожденія.

Происхожденіе нашихъ частныхъ актовъ до сихъ поръ еще очень мало выяснено: можно думать, что формы, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ слагались подъ визан-

тійскимъ вліяніемъ, напрімѣръ, формы духовныхъ, которыя, разумѣется, писались большею частью при участіи духовныхъ лицъ и удостовѣрялись органами духовной власти¹⁾. Слѣды такого вліянія можно замѣтить, напрімѣръ, во времена митрополита Кипріана, болгарина по происхожденію, современника и друга извѣстнаго терновскаго патріарха Евѣимія. Митрополитъ Кипріанъ былъ у насъ однимъ изъ проводниковъ того образовательнаго движенія, которое возникло, конечно, подъ вліяніемъ византійскимъ среди южныхъ славянъ; онъ занимался, между прочимъ, переводомъ греческой Кормчей на славянскій языкъ и могъ оказать нѣкоторое воздѣйствіе на нашу дипломатику: слѣды его можно усмотрѣть, напрімѣръ, въ „прощальной грамотѣ“, читанной при его погребеніи и послужившей образцомъ для позднѣйшихъ актовъ подобнаго рода: „сію грамоту, по словамъ одного изъ старинныхъ нашихъ дипломатистовъ, и прочіе митрополиты русскіе, переписывая своею рукою, завѣщавали также по смерти, при погребеніи своемъ, прочитывать“, что, дѣйствительно, въ значительной мѣрѣ оправдывается хотя бы сличеніемъ „прощальной грамоты“ Кипріана съ духовной митрополита Іоны 1461 г. и т. п. Митрополиту Кипріану принадлежитъ также „тавуларская грамота“ или заемная кабала, которую онъ, вмѣстѣ съ ростовскимъ архіепископомъ Феодоромъ, выдалъ въ Царѣградѣ „Николаву нотарѣ діорминефту“ въ тысячѣ старыхъ рублей новгородскихъ; она вслѣдъ затѣмъ попала, въ копию, въ извѣстный сборникъ грамотъ митрополитовъ всероссійскихъ XVI-го вѣка²⁾. Въ какой мѣрѣ, однако, такое вліяніе распространялось на другіе типы русскихъ частныхъ актовъ, сказать трудно за отсутствіемъ болѣе детальнаго изслѣдованія и сличенія ихъ съ греческими.

Къ какому бы виду актъ ни принадлежалъ, историческое

¹⁾ А. Heisenberg und L. Wenger, Byzantinische Papyri, Leipzig 1914, mit 37 Taf. (VI вѣка). Сборникъ аеонскихъ актовъ Миклошича. G. Ferrari, I document greci medioevali di diritto privato della Italia meridionale, Leipzig 1910.

²⁾ П. С. Р. Л., т. XXI, с. 441 (Степенная книга подъ 1406 годомъ). „Библиографич. лѣтопись“, вып. III, с. 167. Ср. митр. Евеній, Словарь, т. I, с. 323. А. И., т. I, № 252.

его изученіе требуетъ прежде всего приуроченія его къ данному мѣсту и времени, чѣмъ и занимается топологія и хронологія акта: благодаря топологическому и хронологическому опредѣленію акта его можно вставить въ соотвѣтствующія бытовья и правовья условія, съ точки зрѣнія которыхъ и производится научное его построеніе, какъ продукта данной культуры ¹⁾.

а) Топологія акта.

Топологія акта устанавливаетъ мѣсто его совершенія на основаніи прямыхъ и косвенныхъ показаній, заключающихся въ его текстѣ. Даже въ томъ случаѣ, когда частный актъ самъ указываетъ на мѣсто его совершенія, такія свѣдѣнія далеко не всегда оказываются достаточными: совершители частнаго акта, большею частью мѣстные жители, нерѣдко подразумѣвали болѣе общія географическія данныя касательно объекта своей сдѣлки и довольствовались болѣе частными ссылками на ближайшія мѣста, названія которыхъ могли съ теченіемъ времени измѣниться или даже исчезнуть. Нѣкоторые изъ частныхъ актовъ не содержатъ, напримѣръ, общихъ указаній на принадлежность ихъ къ данной мѣстности и ограничиваются упоминаніями, въ родѣ слѣдующихъ: рѣка Малая Юра, Кочкомъ-озеро, Наль островъ, Круглица гора, Глухой погостъ и т. п.; лишь послѣ детальнаго обслѣдованія можно прийти къ заключенію, что вышеприведенныя названія относятся къ Двинѣ, и разыскать ихъ на картѣ. При такихъ условіяхъ изслѣдователю приходится иногда тратить не мало труда на то, чтобы приурочить старинныя топологическія указанія къ современнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ до сихъ поръ не располагаетъ всѣми нужными для того пособіями: подробными картами даннаго края, обстоятельными историко-географическими словарями, наглядными изображеніями административныхъ дѣленій интересующей его мѣстности и т. п. ²⁾.

¹⁾ Терминъ „топология“ представляется болѣе удачнымъ, чѣмъ терминъ „топографія“, имѣющій болѣе спеціальное значеніе, и вполне соотвѣтствуетъ термину „хронологія“, чѣмъ и объясняется принятая ниже терминологія.

²⁾ Карты Россіи по естествознанію: Геологическая карта Европейской Россіи, издаваемая Геологическимъ Комитетомъ въ 1897 году, масштабъ—60 верстъ въ

Между тѣмъ такія приуроченія даютъ возможность усмотрѣть въ общей совокупности актовъ нѣкоторыя ихъ группы, характеризуемая мѣстными ихъ особенностями. Благодаря такому приему удалось, на примѣръ, отмѣтить нѣкоторыя своеобразныя черты новгородскихъ частныхъ актовъ XII—XV вѣковъ, обнаружить отличія древнѣйшихъ ризанскихъ служилыхъ кабалъ отъ позднѣйшихъ московскихъ и т. п. ¹⁾.

дюймъ; Гипсометрическая карта Европейской Россіи, составленная А. А. Тилло въ 1899 году, 60 верстъ въ дюймъ; карта бассейновъ внутреннихъ водныхъ путей Европейской Россіи, составленная А. А. Тилло, 60 верстъ въ дюймъ; Гидрографическая карта Европейской Россіи, составленная при Главномъ Управленіи Путей Сообщенія въ 1846 году, 100 верстъ въ вершкѣ; карта желѣзныхъ, водяныхъ и шоссейныхъ путей сообщенія Европейской Россіи, изданная Министерствомъ Путей Сообщенія въ 1910 году, 40 верстъ въ дюймъ; этнографическая карта Европейской Россіи, составленная П. Кенпеномъ и изданная Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ въ 1851 году, 3-е изданіе въ 1855 году, 75 верстъ въ дюймъ; Этнографическая карта Европейской Россіи, составленная А. Ѳ. Риттихомъ въ 1875 году; Опытъ діалектологической карты русскаго языка въ Европѣ съ приложеніемъ очерка русской діалектологіи, составили Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовъ и Д. Н. Ушаковъ въ 1915 г.; карта важнѣйшихъ отраслей производительности Европейской Россіи, составленная при Центральномъ Статистическомъ Комитетѣ въ 1872 году, 60 верстъ въ дюймъ. Географическій Лексиконъ Россійскаго Государства и проч., собранный Ѳ. Полушинымъ и изданный Г. Миллеромъ, 1773. Новый и полный географическій словарь Россійскаго Государства и проч., собранный Л. Максимовичемъ и А. Щекатовымъ, 7 частей, М, 1807—1809. Списки населенныхъ мѣстъ, представленные губернаторами въ Статистическій Комитетъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ 1859 и 1860 годахъ (напечатаны не все). Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи, составленный П. Семеновымъ и др., СПб. 1863—1875, тт. I—V. Д. Рихтеръ, Географическій словарь Россіи, СПб. Дополнительные свѣдѣнія см. въ слѣдующихъ трудахъ: арх. Амеросій, Исторія Россійской іерархіи, ч. I—VI, 1807—1815 г.г.; Историческое описаніе находящихся въ Россіи епархій, монастырей и церквей и проч., изданіе 2-е, СПб. 1825 года; Полное собраніе историческихъ свѣдѣній о... монастыряхъ и примѣчательныхъ церквахъ въ Россіи, составленное А. Ратишинымъ, М. 1852 г. Матеріалы для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Россійской Имперіи, съ библиографическимъ указателемъ, составилъ и издалъ В. В. Зелринскій, СПб. 1890, части I—III. Ср. еще А. Барсуковъ, Списки городовыхъ воеводъ, СПб. 1902, и И. Покровскій, Русскія епархіи въ XVI—XIX в.в., т. I—II, Каз. 1897—1913.

¹⁾ К. Неволинъ, Исторія руссійскихъ гражданскихъ законовъ, т. II, сс. 54—55. А. Лаппо-Данилевскій, Служилыя кабалы позднѣйшаго типа, въ Сборникѣ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому, М. 1909, с. 719. Объ „областныхъ особенностяхъ“ бѣлозерскихъ мировыхъ см. С. Шумаковъ, Обзоръ грам. Коллегіи Экон., т. II, с. 17.

Кромѣ старѣйшаго дѣленія на земли и княжества удѣльно-вѣчевого періода, отъ котораго частныхъ актовъ сохранилось очень мало, слѣдуетъ имѣть въ виду, по крайней мѣрѣ, еще двѣ изъ такихъ группировокъ, главнѣйшія. Болѣе ранняя группировка сложилась въ XVI—XVII вѣкахъ и состояла въ дѣленіи Московскаго государства на слѣдующія области, границы которыхъ, впрочемъ, подвергались болѣе или менѣе частнымъ измѣненіямъ:

1) Сѣверо-западные (Новгородъ, Ладога, Тихвинъ, Боровичи, Вышній-Волочокъ, Осташковъ, Старая Русса и др.),

2) Поморскіе (Архангельскъ, Холмогоры, Каргополь, Тотьма, Великій Устюгъ, Сольвычегодскъ и другіе, къ которымъ можно причислить также города Вятскіе и Пермскіе),

3) Замосковные (Москва, Бѣлозерскъ, Вологда, Солигаличъ, Кологривъ, Нижній - Новгородъ, Арзамасъ, Муромъ, Серпуховъ, Боровскъ, Верея, Старица, Торжокъ, Бѣжецкъ, Устюжна и др.),

4) Рязанскіе (Рязань, Зарайскъ, Шацкъ, Епифань, Веневъ и др.),

5) Понизовые (Василь, Темниковъ, Алатырь, Казань, Самара, Саратовъ, Астрахань и др.),

6) Города отъ Литовской и Нѣмецкой украины (Смоленскъ, Великіе Луки, Рославль, Псковъ, Гдовъ, Себежъ и др.).

7) Города Заоцкіе, Украинные, Сѣверскіе и Польскіе (Калуга, Медынь, Мещовскъ; Тула, Орель, Кашира, Кромы; Сѣвскъ, Сѣверскъ, Брянскъ, Путивль; Курскъ, Чернь, Данковъ, Воронежъ, Новый Осколь и др.),

8) Города Сибирскіе (Верхотурье, Тобольскъ, Томскъ, Иркутскъ и др.),

9) Города Малорусскіе (Кіевъ, Черниговъ и др.).

Болѣе поздняя группировка, отличавшаяся болѣе искусственнымъ характеромъ, окончательно установилась со времени Учрежденія о губерніяхъ, 7 ноября 1775 года; о ней можно судить хотя бы по тому атласу Россійской Имперіи, который былъ изданъ въ 1792 году и содержитъ, главнымъ образомъ, карты всѣхъ намѣстничествъ, раздѣленныхъ на уѣзды.

Акты, относящиеся къ разнымъ областямъ, даже позднѣйшаго времени, все же представляютъ нѣкоторыя своеобразныя черты, которыя нельзя упускать изъ виду: поморскіе акты, напимѣръ, продолжаютъ отличаться отъ московскихъ, и въ составѣ ихъ встрѣчаются такіе, которые едва-ли попадаютъ среди другихъ, напимѣръ: отступныя-посильныя, складныя записи и т. п.; въ центральной области крестьянскія порядныя продолжаютъ совершаться въ то время, когда въ замосковныхъ городахъ уже явно преобладаютъ ссудныя записи и т. п.

б) Хронологія акта.

Хронологія акта устанавливаетъ время его совершенія, которое слѣдуетъ отличать отъ времени его явки, въ случаѣ таковая производилась¹⁾. Древнѣйшіе частныя акты, напимѣръ, двинскіе пергаминные, большею частью не снабжены точной датой; въ такомъ случаѣ приходится опредѣлять ее болѣе или менѣе приблизительно по косвеннымъ признакамъ, а именно: по филигранямъ, по почерку, по даннымъ языка, по именамъ князей, должностныхъ лицъ (между прочимъ, игуменовъ, воеводъ и т. п.), по печатямъ, по формуляру, а также по содержанію. Нѣсколько болѣе поздніе акты обыкновенно снабжены датой: въ старѣйшихъ она большею частью проставляется въ концѣ акта, въ XVII вѣкѣ уже замѣтно колебаніе: дата встрѣчается и въ концѣ, и, рѣже, въ началѣ акта; въ XVIII вѣкѣ она уже стоитъ въ началѣ

¹⁾ *E. de Muralt*, Essai de chronographie Byzantine, 2 vol., St.-P. 1855—1871. *И. Хавский*, Хронологическія таблицы, въ трехъ книгахъ, С.Пб. 1848. *Его-же*, Сокращенныя хронологическія таблицы, М. 1856 г. и др. *Н. Степановъ*, Календарно-хронологическій справочникъ, въ Чтен. М. Общ. Ист. и Древн. 1917, кн. I, сс. 1—310; тамъ-же указаны и другіе весьма полезныя труды автора по хронологіи нашихъ лѣтописей. По исторической хронологіи см. *B. v. Wichmann*, Chronologische Uebersicht der russischen Geschichte, Leipzig 1821, Bd. I, Erster Theil (1672—1727); Zweiter Theil (1727—1762). О счетѣ индиктами см. *O. Seeck*, Die Entstehung des Indictionscyklus, in Deutsch. Ztschr. für Geschichtswissenschaft, XII. *F. Rühl*, Die Constantinischen Indictionen, in Jahrb. für klassisch. Philol. 1888. Счетъ индиктами иногда встрѣчается въ нашихъ грамотахъ, напимѣръ, въ нѣкоторыхъ „договорныхъ“ князей; см., напр., С. Г. Г. Д., ч. I, №№ 36 (1402 г.), 43, 44 и др.

его текста ¹⁾). При датировкѣ старѣйшихъ грамотъ придерживались, однако, разныхъ лѣтосчисленій, которыя требуютъ перевода на современное: въ древней Россіи счетъ времени, котораго придерживались при датировкѣ актовъ, въ особенности частныхъ, производился, главнымъ образомъ, по византійской или, вѣрнѣе, константинопольской эрѣ отъ сотворенія мира юліанскими годами, сперва по мартовскому, позднѣе по сентябрьскому стилю.

1) Мартовскій стиль представляетъ изъ себя видоизмѣненіе византійской эры и начинается годъ съ 1-го марта; въ такомъ счисленіи 25-ое декабря 1-го года до Рождества Христова (т. е. того года, въ которомъ было Рождество Христово) совпадаетъ съ 25 декабря 5508 года мартовскаго стиля отъ сотворенія міра. 5509-ый годъ этого стиля тянется отъ 1-го марта 1-го года по Р. Х. по 28 февраля (или въ високосный годъ по 29 февраля) 2-го года по Р. Х. Такой счетъ водворился на Руси, вѣроятно, по принятіи христіанства и продолжалъ практиковаться до 1492 года.

2) Сентябрьскій стиль представляетъ изъ себя счетъ времени по византійской эрѣ въ неизмѣнномъ видѣ и начинается годъ съ 1-го сентября. Въ такомъ счисленіи 25-ое декабря 1-го года до Р. Х. христіанской эры (или эры Діонисія) совпадаетъ съ 25 декабремъ 5509 года отъ сотворенія міра по византійской эрѣ. 5509-ый годъ этого стиля тянется отъ 1-го сентября 1-го года до Р. Х. по 31 августа 1-го года по Р. Х. по христіанской эрѣ (или эрѣ Діонисія). Система времясчисленія по сентябрьскому стилю стала входить въ употребленіе, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, съ начала XIV вѣка, но получила болѣе общее признаніе, вѣроятно, съ 1492 года ²⁾.

¹⁾ А. Ю. № 423 (1608 г.); здѣсь дата въ началѣ духовной.

²⁾ И. Степановъ, Ор. cit., сс. 1—2. Впрочемъ, редакторъ вышеназваннаго труда—Д. Лебедевъ признаетъ невѣроятнымъ, что Діонисій (эра котораго и считается христіанской) полагалъ Рождество Христово 25-го декабря 1-го года до Р. Х. = 5509 *κατὰ ρωμαίους* (по константинопольской эрѣ), Благовѣщеніе, слѣдовательно, 25-го марта того-же 1-го года до Р. Х., но 5508 *κατὰ ρωμαίους* (по константинопольской эрѣ)—слишкомъ за 9 мѣсяцевъ до начала своей эры отъ „вопло-

Такое лѣтосчисленіе вызывало удивленіе иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію въ XVII вѣкѣ; „при лѣтосчисленіи, писалъ одинъ изъ нихъ, московиты по сю пору, согласно со сче- томъ 70-ти толковниковъ, считаютъ года съ древнѣйшихъ временъ, съ начала міроздація, и начинаютъ годъ съ сентября мѣсяца. Не такъ давно они еще не имѣли ни малѣйшаго понятія объ астрологахъ и математикахъ и провозгласили Олеарія, знаменитаго составителя исторіи Московской, чаро- дѣемъ, когда онъ, будучи въ Москвѣ, показалъ такъ назы- ваемую камеръ-обскуру. Теперь, впрочемъ, и тѣ, и другіе не только терпимы, но даже, по приказанію царя, ежегодно составляютъ на московскомъ нарѣчій подробные календари съ предсказаніями и распространяютъ ихъ въ народъ по- средствомъ печатанія“ ¹⁾).

Старая система лѣтосчисленія отъ сотворенія міра и по сентябрьскому стилю представлялась, однако, произвольной, фиктивной и неудобной: она, въ сущности, произвольно по- лагала, что міръ созданъ за 5508 лѣтъ до Р. X.; она фик- тивно называла годъ, въ теченіе котораго уже родился Иисусъ Христосъ, первымъ годомъ до Р. X.; она оказывалась крайне неудобной для дѣловыхъ сношеній съ иностранными держа- вами, между прочимъ, и при совершеніи частныхъ междуна- родно-правовыхъ сдѣлокъ, напимѣръ, при выдачѣ и уплатѣ векселей и т. п. Въ виду соображеній подобнаго рода Петръ Великій рѣшилъ измѣнить способъ лѣтосчисленія: въ силу его указа отъ 19-го декабря 1699-го года датировка актовъ стала производиться съ 1-го января 1700 года по лѣтосчисленію

ценія Господа“. Свящ. Д. Лебедевъ указываетъ и на другія вѣскія основанія думать, что Діонисій полагалъ Благовѣщеніе 25-го марта 1-го года своей эры— нашего 1-го года по Р. X.—5507 *κατὰ ῥωμαίους* въ день пасхальной XIV-ой луны пасхальнаго полнолунія и Рождество Христово—25 декабря 1-го года по Р. X.—5508 *κατὰ ῥωμαίους*; см. тамъ-же, с. 299. Кромѣ мартовскаго года Н. Степановъ признаетъ еще возможность употребленія въ Россіи „ультра-мартовскаго года“, стиль котораго имѣетъ нумерацію годовъ, превышающую нумерацію годовъ мар- товскаго стиля на 1.

¹⁾ Я. Рейтенфельсъ, Сказанія свѣтлѣйшему герцогу Тосканскому Козьмъ третьему о Московіи, гл. 17, въ Чтен. Общ. М. Ист. и Древн. 1906 года. кн. 3 отд. III—матеріалы иностранные, с. 159.

отъ Рождества Христова ¹⁾). Впрочемъ, и послѣ такой реформы въ Россіи продолжали считать юліанскими годами, несмотря на то, что грегорианскій календарь уже былъ введенъ въ всеобщее употребленіе и черезъ Польшу сталъ проникать и въ южную Россію. Хотя Стефанъ Баторій, вслѣдъ за обнародованіемъ папою Григоріемъ XIII новаго календаря (буллой отъ 13-го февраля 1582 года), и издалъ указъ, обязывавшій всѣхъ его подданныхъ, не только католиковъ, но и иновѣрцевъ, принять этотъ календарь, но когда православные, поддерживаемые грамотами константинопольскаго патріарха Іереміи, отказались отъ этого, то король сдѣлалъ уступку и двумя новыми грамотами (1584 и 1585 годовъ) предписалъ оставить православныхъ въ покоѣ до тѣхъ поръ, „пока между римскимъ папою и греческими патріархами не будетъ окончательно рѣшенъ споръ объ употребленіи календаря“ ²⁾). Тѣмъ не менѣе римляне всѣми силами старались внушить православнымъ, что перемена календаря—дѣло маловажное, и что потому нѣтъ препятствій къ принятію новаго календаря. Православные хорошо знали, что такой или иной календарь не есть членъ вѣры, но знали также, что правила соборовъ и святыхъ отецъ, подъ угрозой анаемы, предписали не дѣлать перемены и прибавокъ къ праздникамъ, особенно къ празднику Пасхи. Для нихъ также подозрительною показалась настойчивость, съ которою латиняне старались убѣдить въ маловажности перемены календаря: православные нашли въ этомъ поводъ опасаться за цѣлость вѣры. Видя, съ какимъ усиленіемъ и искусствомъ папы распространяютъ свою власть, они и въ введеніи новаго календаря склонны были видѣть средство со стороны папы—заявить о своей власти и упрочить ее, поэтому справедливо боялись, чтобы, разъ подчинившись этой власти, потомъ не быть доведенными до принятія всего римскаго ученія. Руко-

¹⁾ П. С. З., т. III, № 1735.

²⁾ Митроп. Макарій, Исторія Русской церкви, т. IX, сс. 428—433. В. Завитневичъ, Паллиодія Захарія Копыстенскаго, Варшава 1883, LXXV. Всѣ грамоты патріарха Іереміи въ 1584 году были напечатаны въ Острожской типографіи, а недавно вновь изданы при книгѣ И. И. Малышевскаго, Александр. патр. Мелетій Пигасъ, т. II, приложение III, сс. 84—100.

водясь этими соображеніями, православные отказывались отъ принятія новаго календаря. Тогда въ разныхъ мѣстахъ начались притѣсненія отъ римлянъ. Въ Вильнѣ не дозволяли православнымъ отправлять богослуженія и праздновать праздники по старому календарю, наносили укоризны и безчестія, позорили и грабили тѣхъ, которые не держались новоисправленнаго календаря. Узнавъ объ этомъ, король Баторій объявилъ (въ 1584 году) во всеобщее свѣдѣніе, что если онъ распорядился о принятіи новаго календаря, то сдѣлать это для порядка гражданскихъ дѣлъ, а не въ видахъ религіознаго насилія, и потому приказывалъ не дѣлать несогласнымъ въ вѣрѣ притѣсненій въ богослуженіи. Королевское повелѣніе нисколько не уменьшило ревности латинянъ. Въ той же Вильнѣ насилія православнымъ продолжались: принуждая ихъ праздновать праздники по новому календарю, латиняне призывали ихъ на судъ и заставляли давать судебную присягу въ дни, на которые по старому календарю приходились главнѣйшіе праздники Восточной церкви. Русскій митрополитъ Онисифоръ Дѣвочка, съ православными членами виленской ратуши и нѣкоторыми изъ посольства, принужденъ былъ отправиться (1586 годъ) въ Гродно, съ жалобой къ королю. Удовлетворяя этой жалобѣ, Баторій грамотой, данной на имя чиновниковъ и мѣщанъ города Вильны, подтвердилъ прежнія распоряженія о нечиненіи православнымъ обидъ изъ за календаря ¹⁾. Тѣмъ не менѣе лѣтосчисленіе по грегорианскому календарю стало постепенно утверждаться и въ предѣлахъ юго-западной Руси: здѣсь стало господствовать лѣтосчисленіе гражданское, т. е. велось съ 1-го января. Оно было въ употребленіи какъ въ судахъ, такъ и въ частной жизни, какъ въ сферѣ свѣтской, такъ и въ духовной. Примѣровъ этому бездна, куда бы мы за доказательствами ни обратились. До настоящаго времени изданы тысячи документовъ, относящихся до разсматриваемаго нами періода; миллионы ихъ въ рукописномъ видѣ хранятся въ архивахъ при археогра-

¹⁾ Н. Скабаланичъ, Объ Апокрисенѣ Христофора Филалета, СПб. 1873 сс. 151—152.